

ЖЕНЩИНЫ ЦЕЗАРЯ

«В ее книге вновь оживают
на многие века застывшие
в мраморе Помпей, Катон,
Цицерон, Брут...
И конечно, сам Цезарь —
блестяще одаренный,
беспредельно честолюбивый,
безжалостный,
вызывающий восхищение».

New York Times Book Review

КОЛИН
МАККАЛОУ

ВЛАДЫКИ
РИМА

Владыки Рима

Колин Маккалоу
Женщины Цезаря

«Азбука-Аттикус»

1996

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

Маккалоу К.

Женщины Цезаря / К. Маккалоу — «Азбука-Аттикус»,
1996 — (Владыки Рима)

ISBN 978-5-389-16936-4

«Женщины Цезаря» – четвертый роман знаменитого цикла Колин Маккалоу «Владыки Рима» и продолжение истории блистательного восхождения к власти Юлия Цезаря. Совсем скоро ему суждено достичь вершины, совершив немало побед, политических и любовных, равно легендарных. Любовь для него – оружие в борьбе с врагами на Форуме, используемое умело и безжалостно. Гений, полководец, патриций, Гай Юлий Цезарь воплощение самой истории, и его женщинам это известно: они опасаются его власти и преклоняются перед ней. Гордые патрицианки, которым посчастливилось быть обожаемыми им, кого он использовал, кого уничтожил в своем неудержимом стремлении к власти и величию. Мудрая мать, наставница и советница. Жены, купившие ему влияние. Любимая дочь, принесенная на алтарь безмерных амбиций. Бессердечная любовница, к которой его влекла непреодолимая страсть и которой он никогда не осмелится довериться. Какая из этих женщин станет для него роковой?

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-389-16936-4

© Маккалоу К., 1996
© Азбука-Аттикус, 1996

Содержание

Часть I	13
Часть II	100
Часть III	136
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Колин Маккалоу Женщины Цезаря

Colleen McCullough
CAESAR'S WOMEN

Copyright © 1996 by Colleen McCullough

Published by arrangement with William Morrow, an imprint of HarperCollins Publishers
All rights reserved

© А. П. Кострова, перевод, 2019

© Е. В. Хаецкая, перевод, 2019

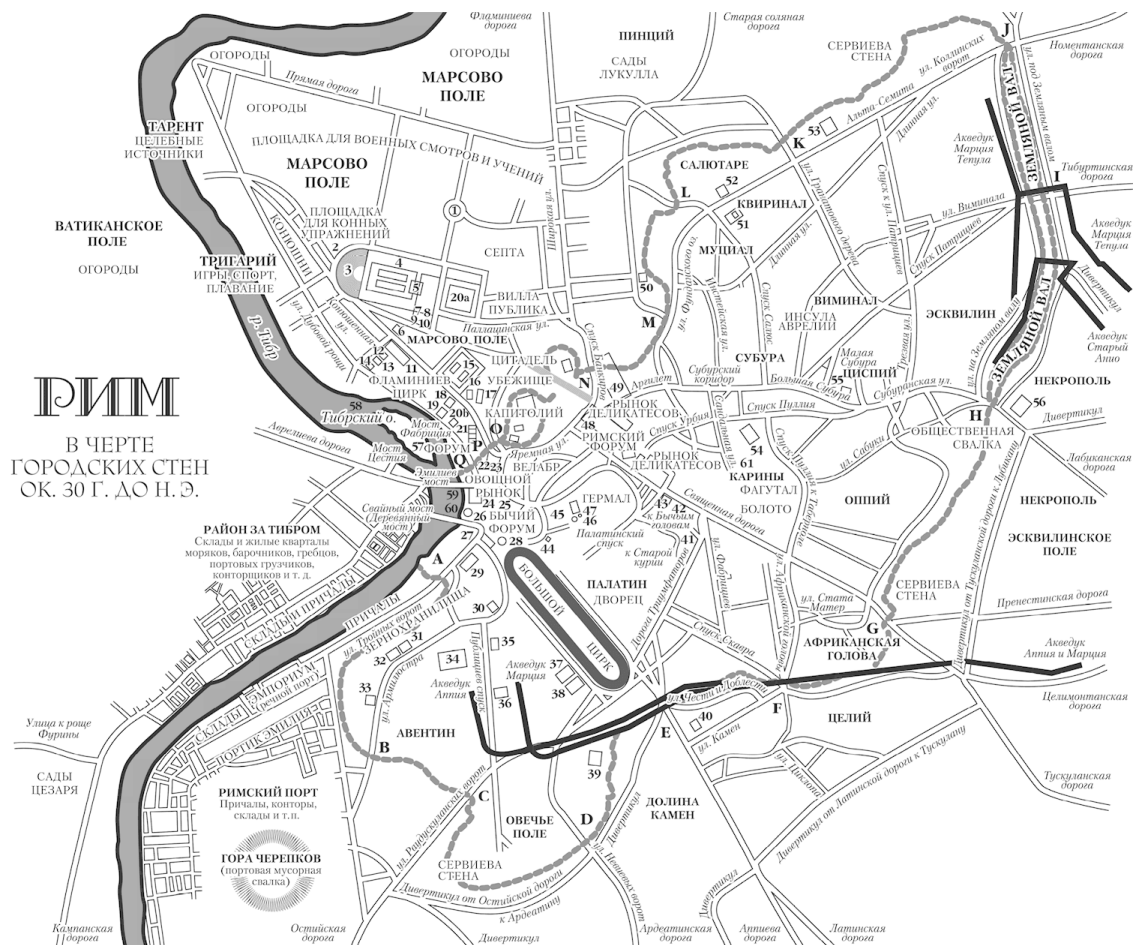
© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Сельве Энтони Деннис, мудрой женщине, колдунье, теплому,
великолепному человеку*

Условные обозначения

1. Мавзолей Юлиев Цезарей (местоположение условное)
2. Храм Венеры Победительницы (над амфитеатром)
3. Театр Помпея
4. Портик Помпея с колоннадой
5. Курия Помпея (место смерти Цезаря)
6. Храм Геркулеса Водителя Муз (Геркулеса и девяти муз)
- 7, 8, 9, 10. Четыре храма Помпеева комплекса: Юноны Куриатной (покровительницы собраний) (?), Фортуны Сегодняшнего Дня (?), Феронии (покровительницы вольноотпущенников) (?), морских ларов (покровителей морских путешествий) (?)
11. Старый портик Минуция в Фламиниевом цирке
- 12, 13, 14. Храмы Фламиниева цирка: Вулкана (бога огня, землетрясений, кузнецов), Геркулеса Кустоса (Стража), Марса Непобедимого
15. Портик Метелла
16. Храм Аполлона Сосиана (Целителя)
17. Храм Беллоны и «Вражеская земля»
18. Храм Юноны Регины (Царицы)
19. Храм Юпитера Статора (останавливающего бегущих с поля битвы)
- 20a. Возможное местоположение нового портика Минуция или виллы Помпея
- 20b. Возможное местоположение нового портика Минуция или храма Дианы
21. Четыре храма: богини Пиетас, Януса, богини Спес (Надежды), Юноны Соспиты
- 22, 23. Два храма: Фортуны (покровительницы добродетели и девичества) и Матер Матуты (покровительницы деторождения)
24. Храм Портуна (покровителя ворот и портов)
25. Храм Януса (открытия/закрытия дверей, начала/завершения)
- 26, 27, 28. Три центра культа Геркулеса: Геркулеса Оливария (покровителя торговли оливковым маслом), Великий Алтарь Геркулеса, храм Геркулеса Непобедимого
29. Храм Цереры (богини плодородия) – штаб-квартира плебейских эдилов
30. Храм Флоры (богини растительности)
- 31, 32. Два храма свободных граждан: Юноны Регины (для женщин) и Юпитера Либертас (для мужчин)
33. Армилюстр – священная территория, где происходил праздник освящения оружия
34. Храм Дианы (покровительницы рабов)
35. Храм Луны
36. Храм Ювенты (покровительницы римских юношей, достигших совершеннолетия)
37. Храм Меркурия – штаб-квартира гильдии торговцев
38. Храм Венеры Обсеквенции (Милостивой; покровительницы проституток и супружеской измены)
39. Храм Благой Богини (покровительницы женщин) и Священная скала
40. Храм Доблести и Чести (культ воинских божеств)
41. Древняя курия – древнее место собраний
42. Место рождения Гая Октавия, впоследствии Августа (предположительно)
43. Храм Юпитера Статора (останавливающего бегущих с поля битвы)
44. Луперкал (грот, где, по преданию, волчица вскормила Ромула)
45. Круглая хижина Ромула
46. Врата в мир мертвых
47. Храм Великой Матери (азиатской богини)

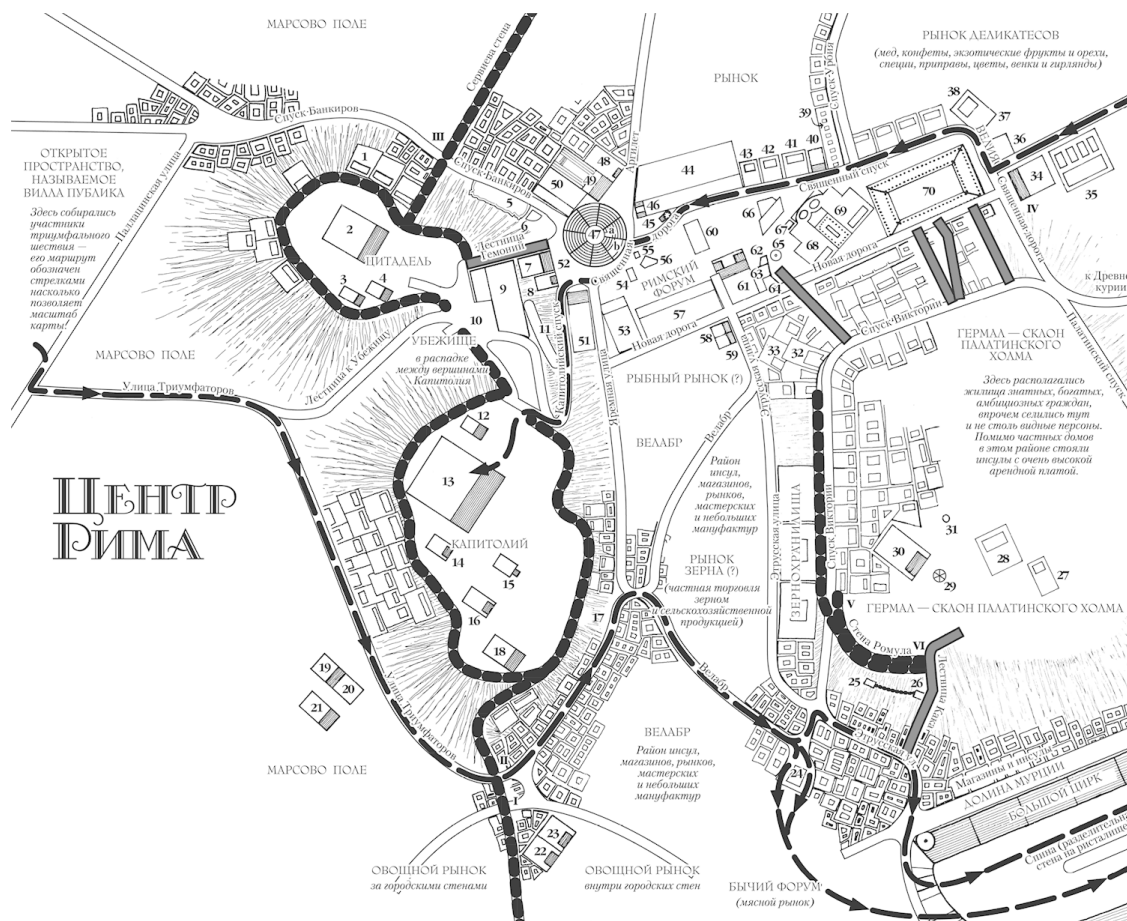
- 48.** Базилика Юлия (возведена на месте базилики Семпрония и Олимпия)
- 49.** Форум Юлия
- 50.** Храм Семона Санка (святилище Верности)
- 51.** Дом Тита Помпония Аттика (предположительно)
- 52.** Храм Салюс (богини здоровья и благополучия)
- 53.** Храм Квирина (римских граждан)
- 54.** Храм Теллус (богини земли)
- 55.** Храм Юноны Люцины (регистрация рождения римских граждан)
- 56.** Храм Венеры Либитины (регистрация смертей римских граждан) – предположительно
- 57.** Храм Эскулапа
- 58.** Выход сточных вод с Квиринала и Марсова поля (р. Петрония)
- 59.** Выход сточных вод из Субуры (Большая клоака), с Эсквилина и др. (р. Спинон)
- 60.** Выход сточных вод из Эсквилина, цирка и т. д. (р. Нодин)
- 61.** Ярмо, святилища Юноны Сорории (покровительницы девушек) и Януса Куриатного (покровителя юношей; местоположение условное)

Ворота в Сервиевой стене

- A** Тройные ворота – порт Рима
- B** Лавернские ворота – Остийская дорога
- C** Радускуланские ворота – Остийская дорога
- D** Небиевы ворота – Ардеатинская дорога
- E** Капенские ворота – Аппиева и Латинская дороги
- F** Целимонтанские ворота – Тускуланская дорога
- G** Дубовые ворота – Пренестинская дорога
- H** Эсквилинские ворота – Лабиканская и Пренестинская дороги
- I** Виминальские ворота – Коллатинская и Тибуртинская дороги
- J** Коллинские ворота – Номентанская дорога
- K** Квиринальские ворота – Соляная дорога
- L** ворота Салюс – Фламиниева дорога
- M** ворота Санка – Длинная ул. и Марсово поле
- N** Фонтинальские ворота – Марсово поле
- O** Триумфальные ворота – только для триумфальных шествий
- P** ворота Карменты – Фламиниев цирк
- Q** Приречные ворота – Фламиниев цирк

Условные обозначения

Храмы и достопримечательные строения в центре Рима

1. Дом Гая Мария (точное местоположение неизвестно)
2. Храм Юноны Монеты (Советчицы). В подиуме размещался монетный двор
3. Храм Венеры Эруцины (покровительницы проституток)
4. Храм богини разума Менты
5. Тюрьма Лаутумия
6. Туллиан (камера, где совершались казни)
7. Храм Конкордии (Согласия; покровительницы мирного сосуществования сословий)
8. Сенакул (приемная сената для иноземных послов)
9. Табуларий (архив, где хранились документы и законы)
10. Храм Вейовиса (юного Юпитера, покровителя разочарованных)
11. Портик божественного согласия (посвященный двенадцати богам)
12. Храм Юпитера Феретрия (Несущего Победу)
13. Храм Юпитера Всеблагого Всесильного
14. Храм Фортуны Примигении (Перворожденной; покровительницы первенцев)
15. Храм Доблести и Чести (культ воинских божеств)
16. Храм Опы (богини изобилия). В его подиуме хранился чрезвычайный фонд серебряных слитков

17. Тарпейская скала
18. Храм Фидес (Верности)
19. Храм Беллоны (покровительницы в войнах с иноземным врагом)
20. «Вражеская земля»
21. Храм Аполлона Сосиана (Целителя)
22. Храм Матер Матуты (покровительницы деторождения)
23. Храм Фортуны (покровительницы добродетели и девичества)
24. Храм Януса (открытия/закрытия дверей, начала/завершения)
25. Святилище гения места
26. Луперкал (грот, где, по преданию, волчица вскормила Ромула)
27. Дом Луция Сергия Катилины (точное местоположение неизвестно)
28. Дом Квинта Гортензия Гортала (точное местоположение неизвестно)
29. Круглая хижина Ромула
30. Храм Великой Матери (азиатской богини)
31. Врата в мир мертвых
32. Дом, принадлежавший: 1) Марку Ливию Друзу, 2) Марку Лицинию Крассу, 3) Марку Туллию Цицерону (местоположение предположительное)
33. Дом, принадлежавший: 1) Гнею, 2) Луцию Домицию Агенобарбу (реальное местоположение неизвестно)
34. Храм Юпитера Статора (останавливающего бегущих с поля битвы)
35. Бани (частные или общественные) (?)
36. Храм пенатов государства
37. Конная статуя Клелии
38. Государственный дом царя священнодействий
39. «Царский дом» (местоположение приблизительное)
40. Храм ларов государства
- 41, 42, 43. Государственные дома трех главных фламиннов: фламينا Юпитера, фламينا Марса, фламينا Квирина (реальное местоположение неизвестно)
44. Базилика Эмилия (конторы, гражданские собрания, лавки). Также известна как базилика Фульвия
45. Храм Венеры Клоакины (Очистительницы вод)
46. Храм Януса (открытия/закрытия дверей, начала/завершения)
47. Колодец комиция и находящиеся там: а) Черный камень и б) ростра
48. Конторы, примыкающие к зданию сената
49. Курия Гостилия (здание сената)
50. Порциева базилика (конторы, особенно банковские, штаб-квартира коллегии народных трибунов)
51. Храм Сатурна (покровителя неизменного процветания Римского государства). В подиуме храма размещалась государственная казна
52. Алтарь Вулкана Колебателя Земли
53. Базилика Опимия (лавки, конторы, суды)
54. Трибуналы различных магистратов
55. Священные деревья и статуя сатира Марсия
56. Курциево озеро
57. Базилика Семпрония (лавки, конторы, суды)
58. Святилище Волупии и статуя богини Ангероны
59. Могила (святилище) Ларенции
60. Трибунал городского претора

61. Храм Кастора и Поллукса (в подиуме храма находились эталоны мер и весов, а также вторая штаб-квартира плебейских трибунов)

62. Источник Ютурны

63. Святилище и статуя Ютурны

64. Помещения для паломников, пришедших поклониться Ютурне

65. Храм Весты (очаг Римского государства)

66. Регия (местопребывание великого понтифика)

67. Святилище и статуя Весты

68. Атрий Весты в Государственном доме (Доме весталок)

69. Государственный дом великого понтифика

70. Портик Маргаритария (ювелирные изделия, лавки торговцев жемчугом, парфюмерия, предметы роскоши)

Ворота

В Сервиевой стене:

I ворота Карменты

II Триумфальные ворота

III Фонтинальские ворота

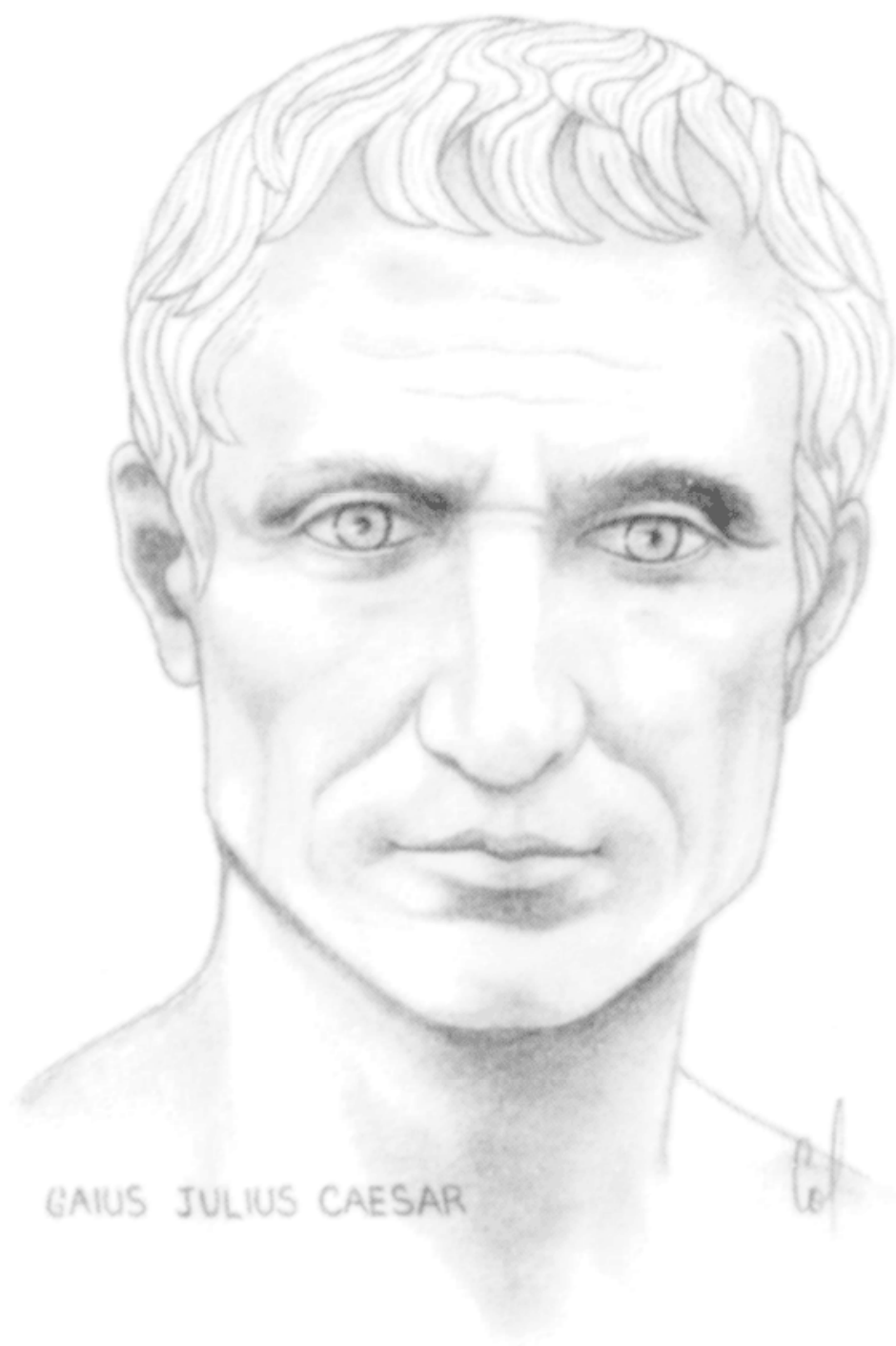
В древней стене города Ромула на Палатине:

IV ворота Мугония

V ворота Ромула

VI ворота Кака

Часть I
Июнь 68 г. до Р. Х. – март 66 г. до Р. Х.

– Брут, мне не нравится твоя кожа. Подойди, пожалуйста, поближе к свету.

Пятнадцатилетний подросток не шевельнулся, склонившись над листом фанниевой бумаги с тростниковой палочкой, на которой давно уже высохли чернила.

– Подойди сюда, Брут. Сейчас же, – спокойно повторила мать.

Он знал ее. Поэтому отложил палочку. Мать не вызывала у него смертельного ужаса, но навлекать на себя ее неудовольствие он не хотел. Один ее зов еще можно было проигнорировать, но повторный означал, что она ждет немедленного повиновения. Поднявшись, он подошел к окну, где стояла Сервилия. Ставни были широко открыты. Рим задыхался от ранней, не по сезону, жары.

Хотя Сервилия была невысокого роста, а Брут в последнее время стал быстро расти, он все еще был не намного выше ее. Мать цепко взяла его за подбородок и принялась пристально рассматривать красные прыщи, вызревающие у него вокруг рта. Потом смахнула черные кудри со лба: и тут тоже!

– Тебе надо подстричься! – сказала она и так дернула за локон, падающий на глаза, что у мальчика выступили слезы.

– Мама, короткие волосы – это неинтеллектуально, – возразил он.

– Короткие волосы – это практично. Они не закрывают лицо и не раздражают кожу. О Брут, как с тобой трудно!

– Если ты хотела сына-воина с короткой стрижкой, мама, то вместо двух девочек родила бы от Силана больше мальчиков.

– Один сын нам по средствам. На двоих понадобилось бы куда больше денег. Кроме того, если бы я родила Силану сына, ты не был бы его наследником. Тебе осталось бы только состояние отца.

Сервилия прошла к столу, за которым работал Брут, и принялась нетерпеливо перебирать разные свитки.

– Посмотри на этот беспорядок! Неудивительно, что ты сутулишься. Тебе надо ходить на Марсово поле с Кассием и другими мальчиками из твоей школы, а не тратить время в пустых попытках изложить всего Фукидида на листе бумаги.

– Но я пишу лучшие эпитомы во всем Риме, – похвастался Брут.

Сервилия с иронией посмотрела на сына:

– Фукидид был довольно лаконичен, но все же ему понадобилось написать несколько книг, чтобы изложить всю историю конфликта между Афинами и Спартой. Какой прок в том, что ты ломаешь его прекрасный греческий язык, чтобы ленивые римляне могли прочесть твое изложение, а потом поздравлять себя с тем, что знают о Пелопоннесской войне все?

– Литература становится слишком пространной, – упорствовал Брут. – Человек не может охватить ее всю, не прибегая к конспектам.

– Твоя кожа делается все хуже и хуже, – произнесла Сервилия, возвращаясь к теме, которая ее действительно волновала.

– Это свойственно всем мальчикам моего возраста.

– Но это не входит в мои планы относительно тебя.

– Да помогут боги всем и всему, что не входит в твои планы относительно меня! – воскликнул он, охваченный внезапным порывом раздражения.

– Одевайся, мы выходим, – только и проговорила Сервилия, покидая комнату сына.

Когда Брут появился в атриум просторного дома Силана, на нем была детская тога с пурпурной каймой. Официально он станет мужчиной лишь в декабре, в день праздника Ювенты, богини юности. Мать уже поджидала его. Когда Брут приблизился к ней, она в очередной раз критически его оглядела.

Да, определенно он сутулится. А каким милым ребенком он был еще в прошлом январе, когда Сервилия заказала его бюст у Антенора, лучшего скульптора-портретиста во всей Италии... Но сейчас половое созревание стало проявляться слишком агрессивно, и очарование

детства безвозвратно исчезало – даже на лицепрятный взгляд матери. Глаза у него были большими, темными, взгляд под тяжелыми веками – мечтательным. Но его нос отнюдь не становился истинно римским, разрушая все надежды Сервилиии, он упорно оставался коротким и курносым, как и ее собственный. А кожа, которая прежде была такого чудесного оливкового цвета, столь гладкая и безупречная в младенчестве, теперь внушала ей ужас. Что, если Брут войдет в число несчастных с теми нездоровыми прыщами, которые оставляют неизгладимые рытвины на лице? Очень скоро мальчику исполнится пятнадцать лет. Прыщи! Как отвратительно и низко! Но уже с завтрашнего дня Сервилиия начнет наводить справки у врачей и знахарей. И нравится это Бруту или нет, он будет ежедневно ходить на Марсово поле и выполнять там упражнения. Он обязан учиться военному делу. Это необходимо. В семнадцать лет он должен записаться в римские легионы. Конечно, в качестве контубернала, а не простого солдата. Ее Брут станет служить в штабе какого-нибудь командира-консуляра, который примет мальчика благодаря его имени. Происхождение Брута и общественное положение его семьи этому порукой.

Управляющий открыл им дверь, выходящую на узкую Палатинскую улицу. Сервилиия быстро направилась в сторону Форума, сын старался не отставать от нее.

– Куда мы идем? – спросил он, все еще нервничая, потому что мать отвлекла его от конспектирования Фукидида.

– В дом Аврелии.

Он по-прежнему был занят оставленной работой, мысленно прикидывая, как выразить огромный объем информации одним предложением. И день сегодня выдался таким жарким! Если бы не это, его сердце радостно забилося бы при известии о цели их пути. Но сегодня он застонал:

– О, только не в эти трущобы!

– Именно туда.

– Это так далеко! Такое мрачное место!

– Место, может быть, и мрачное, сын мой, но у хозяйки безупречные связи. Там будут все. – Она помолчала, взглянула на сына, не поворачивая головы. – Все, Брут, все.

На это он ничего не ответил.

Двое слуг шли впереди, освобождая им дорогу. Сервилиия почти бегом спустилась с лестницы Кольчужников и погрузилась в сутолоку Римского форума, где так любят собираться римляне – слушать, наблюдать, прогуливаться... да просто потолкаться среди сильных мира сего. Ни сенат, ни комиции сегодня не созывались, и у судов был короткий перерыв, но тем не менее кое-кто из великих оказался на Форуме. Магистраты выделялись из толпы благодаря пучкам прутьев, которые сопровождавшие их ликторы держали на уровне плеч, демонстрируя империй.

– Дорога все время в гору, мама! Ты можешь идти помедленнее? – попросил, задыхаясь, Брут, поспешая за матерью, которая быстро шагала по спуску Урбия. Пот ручьями катил с него.

– Если бы ты больше времени уделял физическим упражнениям, ты бы не жаловался, – равнодушно отозвалась Сервилиия.

Тошнотворные запахи ударили в нос Бруту, когда они достигли высоких многоквартирных домов Субуры, заслонявших свет солнца. По обшарпанным стенам ползла слизь. Темная липкая жижа текла в сточных канавах и проваливалась в решетки. Мать и сын проходили мимо бесчисленных крохотных лавчонок. По крайней мере тень от этих жалких строений немного спасала от жары. Но все же Субура представляла собой ту сторону Рима, которая несколько не привлекала молодого Брута.

Наконец они подошли к довольно благопристойной филенчатой двери из мореного дуба. На двери висело до блеска отполированное кольцо из орихалка в виде головы льва с раскрытой пастью. Один из сопровождавших Сервилиию слуг энергично постучал, и дверь тотчас же

открылась. На пороге появился старый, довольно полный грек-вольноотпущенник. Он низко поклонился, приглашая их войти.

Конечно, они попали на собрание женщин. Через несколько месяцев, когда Брут надеет простую белую *toga virilis*, ему нельзя будет сопровождать мать. Эта мысль вызвала у него панику. Мать просто обязана добиться своей цели! Ему необходимо продолжать видеть свою любовь и после декабря, когда ему исполнится шестнадцать. Ничем не выдав своих чувств, он отошел от Сервилиии, как только началась церемония приветствий, и устроился в углу этой шумной комнаты, стараясь слиться с ее скромным декором.

– Ave, Брут, – послышался нежный, с легкой хрипотцой голосок. – Привет!

Он повернул голову, слегка опустил взгляд – и почувствовал, как его сердце упало.

– Ave, Юлия.

– Иди сюда, сядь со мной, – приказала внучка хозяйки дома, ведя гостя к двум низким стульям, что стояли в другом углу комнаты.

Она уселась грациозно и спокойно, как устраивается в гнезде лебедь. А он неуклюже плюхнулся рядом.

Ей всего восемь лет. «Как можно в столь юном возрасте быть такой красивой?» – удивлялся пораженный Брут, который хорошо знал девочку, потому что его мать была близкой подругой ее бабушки. Беленькая, как снег, острый подбородок, скулы выдаются. Нежно-розовые губы, восхитительные, как клубника, пара распахнутых голубых глаз, которые с живым интересом смотрят на все, что ее окружает. Если Брут пустился в лирику, то это из-за той, которую он любит уже много лет! Он даже не понимал, что это любовь, пока совсем недавно она не посмотрела на него с особенно нежной улыбкой. В тот же миг он нашел слово для своего чувства. Любовь. Осознание этого факта оглушило его, точно удар грома.

В тот же вечер Брут явился к матери и сообщил, что хочет жениться на Юлии, когда она вырастет.

Сервилиия с удивлением посмотрела на сына:

– Дорогой мой Брут, ведь она же еще ребенок! Тебе придется ждать ее лет девять-десять.

– Ее могут с кем-нибудь обручить задолго до того, как она достигнет брачного возраста! – с болью воскликнул юный Брут. – Пожалуйста, мама, как только ее отец вернется, попроси для меня ее руки!

– Но ведь ты можешь и передумать.

– Никогда, никогда!

– У нее совсем небольшое приданое.

– Зато ее происхождение должно тебя устраивать!

– Да, это верно.

Взгляд черных глаз, который умел быть таким жестким, с нежностью остановился на сыне. Сервилиия оценила силу последнего аргумента. Она немного подумала и кивнула:

– Очень хорошо, Брут. Когда ее отец в следующий раз окажется в Риме, я попрошу руки Юлии. Тебе не обязательно жениться на богатой, но весьма существенно, чтобы происхождение твоей супруги было не ниже твоего. А Юлия из рода Юлиев – идеальный вариант. Особенно эта Юлия. Патрицианка с обеих сторон.

И они решили ждать, когда отец Юлии вернется по окончании службы. Сейчас он был квестором в Дальней Испании. Квестор – самая младшая из обязательных магистратур. Сервилиия знала, что отец Юлии отлично выполняет свои обязанности. Странно, что она никогда не встречалась с ним, особенно если учесть, что истинных аристократов в Риме не так-то много. Конечно, Сервилиия была аристократкой, и отец Юлии – тоже. Но среди женщин ходил слух, что в своем кругу Цезарь остается чужим. Он всегда слишком занят и не принимает участия в светских развлечениях, в отличие от большинства аристократов, приезжающих в Рим. Если бы они уже были знакомы с Цезарем, Сервилиии было бы куда проще просить у него руки дочери

для своего сына. Впрочем, Сервилия не сомневалась в согласии. Брут – идеальный жених, даже в глазах представителя рода Юлиев.

Конечно, гостиная Аврелии не могла сравниться с атрием на Палатине, но все же она была достаточно просторной и вмещала с дюжину женщин. Окна с открытыми ставнями выходили в чудесный сад, выращенный стараниями Гая Матия – старого жильца Аврелии, занимавшего другую квартиру первого этажа. Он разыскал розы, которые цвели в тени, и уговорил жильцов посадить виноград, который поднимался на высоту двенадцатого этажа, цепляясь за стены и балконы. Матий подстриг кусты, придав им форму шаров, и придумал хитрое приспособление для подачи воды в небольшой мраморный бассейн. Фонтан бил из распахнутой пасти дельфина с раздвоенным хвостом.

Стены гостиной были выкрашены в охристые тона, простой бетонный пол с кирпичной и мраморной крошкой отполирован до красно-розового блеска; на потолке было изображено полуденное небо, покрытое облаками, но без дорогой позолоты. «Конечно, эти комнаты – не резиденция одного из власть имущих, но вполне подходящее обиталище для молодого сенатора», – подумал Брут, наблюдая за Юлией и женщинами. Юлия поймала его взгляд, и он не отвел глаз.

Его мать уселась на ложе рядом с Аврелией, где имела возможность продемонстрировать себя с выгодной стороны, несмотря на то обстоятельство, что хозяйка дома в свои пятьдесят пять все еще считалась одной из самых красивых женщин Рима. Аврелия была стройная, изящная. Особенно выигрывало Аврелию смотрелась, когда сидела спокойно и ее не портила излишняя резкость движений. Ни единой седой нити не мелькало в ее каштановых волосах, кожа – гладкая, бархатистая. Именно Аврелия рекомендовала Сервилии школу для Брута, поскольку была главной наперсницей Сервилии.

И Брут погрузился в мысли о школе – типично для ума, склонного к блужданию. Мать не хотела отправлять его туда, боясь, что ее ненаглядный мальчик окажется в окружении детей более низкого происхождения. Она беспокоилась, что над его усердием начнут смеяться. Лучше, если у Брута будет домашний наставник. Но отчим мальчика настоял на том, чтобы единственный сын получил стимул соревноваться в знаниях с другими учениками. Это будет полезно. Кроме того, у Брута появятся товарищи для игр. Так высказался Силан, не столько ревнуя к тому, что Брут занимал главное место в сердце Сервилии, сколько желая, чтобы пасынок научился общаться с разными людьми. Это пригодится юному Бруту, когда тот вырастет. Естественно, Аврелия рекомендовала совершенно исключительную школу, но педагоги, к сожалению, обладали слишком независимым складом ума, который позволял им принимать одаренных мальчиков из менее изысканного общества, чем круг, достойный Марка Юния Брута. А что уж говорить о нескольких девочках, которые также были признаны достаточно талантливыми!

Будучи сыном своей матери, Брут неизбежно возненавидел школу. Впрочем, Гай Кассий Лонгин, его соученик, которого Сервилия всячески нахваливала, был из такой же хорошей семьи, как и Юний Брут. Однако Брут выносил «дружбу» Кассия только для того, чтобы доставить удовольствие матери. Что общего у него с крикливым непоседой, который бредит о войне, борьбе, о великих подвигах? Только одно кое-как примирило Брута с тем ужасным испытанием, которым стали для него школа и такие товарищи, как Кассий: Брут очень быстро сделался любимцем учителя.

К сожалению, единственный человек, которого Брут хотел бы назвать другом, был его дядя Катон. Но Сервилия и слышать не желала о дружбе сына с ее презренным сводным братом. Она не уставала напоминать Бруту, что дядя Катон потомок крестьянина из Тускула и раба-кельтибера, в то время как в самом Бруте соединились две очень древние линии: одна – от Луция Юния Брута, основателя Республики (который сверг последнего римского царя Таркви-

ния Гордого), а другая – от Гая Сервилия Агалы (убившего Спурия Мелия, когда тот попытался провозгласить себя царем Рима в первые десятилетия существования Республики). Поэтому Юний Брут, который по матери был патрицием Сервилием, не мог общаться с таким выскочкой, как дядя Катон.

– Но ведь твоя мать вышла замуж за отца дяди Катона и родила ему двоих детей, тетю Порцию и дядю Катона! – однажды возразил ей Брут.

– И тем самым навсегда опозорила себя! – зло ответила Сервилия. – Я не признаю ни этого союза, ни его потомства – и ты, дружок, тоже не будешь их признавать!

На этом дискуссия и закончилась. Вместе с тем исчезла всякая надежда, что Бруту позволят видеться с дядей Катонем чаще, чем этого требуют приличия. А какой замечательный человек дядя Катон! Истинный стоик, восхищающийся древними строгими обычаями Рима, ненавидящий показуху, критикующий дутые претензии на величие таких, как Помпей Великий. Очередной выскочка без достойных предков. Помпей, который убил отца Брута, сделал вдовой его мать, дал возможность такому ничтожеству, как хилый Силан, забраться к ней в постель и сделать ей двух тупоголовых девчонок, которых Брут неохотно называл сестрами...

– О чем ты думаешь, Брут? – улыбаясь, спросила Юлия.

– Да так, ни о чем, – уклончиво ответил Брут.

– Это отговорка. Я хочу знать правду.

– Я думал о том, какой потрясающий человек мой дядя Катон.

Юлия наморщила широкий лоб:

– Дядя Катон?

– Ты его не знаешь, потому что он по возрасту еще не может заседать в сенате. Он не намного старше меня.

– Это он не позволил плебейским трибунам убрать колонну внутри Порциевой базилики?

– Да, это сделал мой дядя Катон! – с гордостью подтвердил Брут.

Юлия пожала плечами:

– Мой папа говорит, что он поступил глупо. Если бы колонну убрали, плебейским трибунам было бы куда просторнее.

– Но дядя Катон был прав. Колонну поставил там Катон Цензор, когда возводил первую базилику в Риме. Там она и должна оставаться, как того требуют *mos maiorum*. Катон Цензор разрешил плебейским трибунам использовать его базилику для заседаний, потому что понимал их положение. Они – магистраты, избранные исключительно плебсом, они не представляют всего римского народа и поэтому не имеют права собираться в храме. Но Катон Цензор предоставил им не все здание, а только часть. В то время они были благодарны ему и за это. А теперь они вознамерились переделать сооружение, оплаченное деньгами Катона Цензора. Мой дядя Катон не допустит осквернения памятного строения своего тезки-прадеда.

Поскольку Юлия по натуре была миролюбива и не любила спорить, она снова улыбнулась, коснулась руки Брута и нежно пожала ее. Брут – такой избалованный мальчик, такой сердитый и преисполненный чувства собственной значимости! Но Юлия давно его знала и, не совсем понимая почему, очень жалела. Вероятно, потому, что его мать – такая злючка!

– Но это случилось до того, как умерли тетя Юлия и моя мама, поэтому, думаю, теперь больше никто не захочет разрушить колонну, – сказала она.

– Твой отец должен скоро вернуться домой, – проговорил Брут, возвращаясь к мысли о браке.

– Он может приехать в любой день, – оживилась девочка. – Я так скучаю по нему!

– Говорят, он заварил дело в Итальянской Галлии по ту сторону реки Пад, – заметил Брут, повторяя то, что горячо обсуждалось женщинами, окружившими Аврелию и Сервилию.

– Зачем бы ему это делать? – спрашивала Аврелия, насупив прямые черные брови. Ее знаменитые фиолетовые глаза сверкнули. – Право, временами Рим и римские аристократы

внушают мне отвращение! Почему именно моего сына они всегда делают мишенью критики и сплетен?

– Потому что он слишком высок, слишком красив, слишком популярен среди женщин и слишком самоуверен, – отозвалась Теренция, жена Цицерона, прямолинейная и вечно чем-то недовольная.

– Кроме того, – добавила супруга знаменитого оратора, – он одинаково хорошо говорит и пишет.

– Эти качества у него врожденные. А клеветник, которого я могла бы назвать по имени, не обладает ни одним из этих достоинств! – резко прервала ее Аврелия.

– Ты имеешь в виду Лукулла? – уточнила Муция Терция, жена Помпея.

– Нет, к этому, по крайней мере, Лукулл не причастен, – возразила Теренция. – Думаю, его больше заботят царь Тигран и Армения, чем что-либо происходящее в Риме, за исключением всадников, которые не могут толком собрать налоги в его провинциях.

– Она намекает на Бибула, ведь он вернулся в Рим, – произнесла величественная дама, занимавшая лучшее кресло. Единственная среди разноцветной группы, она была с головы до ног одета в белое. Драпировки скрывали все женские прелести госты. На ее царственной голове красовался убор из семи жгутов, скрученных из чистой шерсти. Тонкая вуаль, накинутая на корону, взлетела, когда она резко повернулась, чтобы взглянуть на двух женщин, восседавших на ложе. Перпенния, старшая весталка, фыркнула. – О бедный Бибул! Он не в силах прикрыть наготу своей злобы.

– Возвращаясь к тому, что я говорила, Аврелия, – вновь подала голос Теренция. – Если твой рослый, красивый сын делает своими врагами шупленьких, маленьких человечков, вроде Бибула, то он сам виноват в том, что по его поводу злословят. Ведь это верх безрассудства – осмеять человека перед товарищами, назвав его «блохой»! Бибул – враг на всю жизнь.

– Какая чепуха! Это произошло лет десять назад, когда оба они были почти подростками, – сказала Аврелия.

– Перестань! Ты же хорошо знаешь, насколько маленькие люди чувствительны к прозвищам, намекающим на их рост, – отмахнулась Теренция. – Ты, Аврелия, из старинной семьи политиков. Вся политика строится на репутации человека. А твой сын сильно подорвал репутацию Бибула. Его так и продолжают называть Блохой. Он никогда не забудет этого и не простит.

– Не говоря уже о том, – едко добавила Сервилия, – что клеветнические обвинения Бибула охотно выслушивают такие существа, как Катон.

– А что именно говорит Бибул? – сквозь зубы спросила Аврелия.

– О, ну например... что вместо того, чтобы возвратиться из Испании прямо в Рим, твой сын поехал в Италийскую Галлию и стал подстрекать к мятежу людей, которые не имеют римского гражданства, – сообщила Теренция.

– Это абсолютная чушь! – возмутилась Сервилия.

– И почему же это чушь, почтенная матрона? – произнес низкий мужской голос.

В комнате вдруг стало очень тихо. Маленькая Юлия выбежала из своего угла и бросилась к вошедшему:

– *Tata! Tata!*

Цезарь поднял ее, поцеловал в губы, в щеку, крепко прижал к груди, с нежностью погладил ее белые, словно покрытые инеем, волосы.

– Как поживает моя девочка? – спросил он, улыбаясь лишь ей одной.

– О *tata!* – только и могла ответить Юлия, уткнувшись в плечо отца.

– Так почему же это чушь, уважаемая матрона? – повторил свой вопрос Цезарь, удобно устроив ребенка на руке.

Теперь, когда он смотрел прямо на Сервилию, улыбка исчезла даже из его глаз. Судя по его взгляду, Цезарь не придавал значения тому, что Сервилия женщина.

– Цезарь, это – Сервилия, жена Децима Юния Силана, – представила гостью Аврелия, очевидно отнюдь не оскорбленная тем, что Цезарь не нашел времени поздороваться с ней, его матерью.

– Так почему, Сервилия? – снова спросил он, кивнув, когда мать представила ему эту женщину.

Она ответила спокойно, ровным голосом, тщательно отмеривая слова, как ювелир – золото:

– Потому что в этом слухе отсутствует логика. Для чего тебе обременять себя мятежом в Итальянской Галлии? Положим, ты разговаривал с людьми, не имеющими гражданства, и обещал им действовать от их имени, добиваясь, чтобы они получили право голоса. Такое поведение пристало римскому аристократу, который намерен стать консулом. Ты просто набирал себе клиентов, что правильно и похвально для патриция, поднимающегося по политической лестнице. Я была замужем за человеком, который подстрекал людей к мятежу в Итальянской Галлии, поэтому я знаю, чем это заканчивается. Для Лепида и моего мужа Брута жить в Риме Суллы стало невыносимо. Их карьеры потерпели крах, им нечего было терять. А твоя карьера только начинается. Следовательно, на что ты мог надеяться, разжигая мятеж в римских провинциях?

– Истинная правда, – подтвердил Цезарь, и в его глазах, которые Сервилия сочла холодноватыми, блеснула веселая искорка.

– Конечно правда, – отозвалась она. – Насколько мне известно твое положение, я могу сделать единственный вывод из всего мной услышанного: если ты действительно находился в Итальянской Галлии и общался там с негражданами, значит ты набирал себе клиентов.

Запрокинув голову, он рассмеялся. Он выглядел величественно – и, подумала Сервилия, очень хорошо знал, что у него величественный вид. Этот человек не сделает ни единого жеста, предварительно не рассчитав, какой эффект это произведет на аудиторию. Сервилия понимала его интуитивно. Но он ничем не выдал того, что его искренняя веселость в действительности была следствием холодного расчета.

– Это правда, я набирал клиентов, – признал он.

– Тогда все в порядке, – молвила Сервилия, улыбнувшись левым уголком маленького рта. – Никто не может упрекнуть тебя за это, Цезарь.

Затем с важным видом она добавила чуть снисходительно:

– Не беспокойся, я позабочусь о том, чтобы в городе циркулировала правильная версия.

Но это уже было слишком. Цезарь не мог допустить, чтобы его опекала Сервилия, даже если она происходит из патрицианской ветви рода Сервилиев. Бросив на нее презрительный взгляд, он отвернулся и уставился на Муцию Терцию, которую еще прежде заметил среди женщин, жадно внимавших беседе. Цезарь опустил Юлию на пол и приблизился к Муции Терции. Взяв ее руки в свои, он сердечно поздоровался с ней:

– Как поживаешь, жена Помпея?

Она смутилась, что-то пробормотав в ответ. Затем настал черед Корнелии Суллы, дочери Суллы и двоюродной сестры Цезаря. По очереди Гай Юлий Цезарь здоровался с присутствующими дамами. Он был знаком со всеми, кроме Сервилии, которая с восхищением следила за ним, оправившись от шока после того, когда он столь резко оборвал беседу. Даже весталка Перпенния поддавалась его обаянию, а что касается Теренции, эта грозная матрона положительно поглупела! Но вот осталась только его мать. К ней он подошел последней.

– Мама, ты изумительно выглядишь.

– У меня все хорошо. А ты, – добавила она своим сухим, обыденным голосом, – похоже, исцелился.

«Это замечание ранило его, – удивленно подумала Сервилия. – Ага! И здесь имеются свои подводные течения!»

– Я совершенно оправился, – спокойно ответил он, садясь на ложе рядом с матерью, но подальше от Сервилии. – По какому поводу собрание?

– Это наш клуб. Раз в неделю мы сходимся у кого-нибудь в доме. Сегодня – моя очередь.

При этих словах Цезарь поднялся, чтобы уйти, извинившись за свой вид: он прямо с дороги. Сервилия подумала, что никогда не видела путешественника в такой безупречно чистой одежде. Но прежде чем он покинул комнату, Юлия подошла к нему, ведя за руку Брута:

– Папа, это мой друг Марк Юний Брут.

Широкая улыбка, сердечное приветствие. Брут был приятно поражен. «Без сомнения, и эта сердечность тщательно рассчитана», – подумала Сервилия, испытывая боль.

– Твой сын? – спросил ее Цезарь через плечо Брута.

– Да.

– Есть ли у тебя сыновья от Силана?

– Нет. Только две дочери.

Одна бровь взлетела вверх. Цезарь усмехнулся. И вышел из комнаты.

После его ухода беседа как-то не клеилась, всем стало скучно. И задолго до обеденного часа дамы начали расходиться. Сервилия нарочно медлила, чтобы уйти последней.

– У меня есть дело, которое я хотела бы обсудить с Цезарем, – обратилась она к Аврелии, стоя у порога.

Брут прятался за ее спиной, кидая робкие взгляды на Юлию.

– Мне не пристало являться на прием вместе с его клиентами, поэтому я попросила бы тебя организовать нашу личную встречу. И чем скорее, тем лучше.

– Конечно, – сказала Аврелия. – Я извещу тебя.

Аврелия ни о чем не спросила. Даже виду не подала, что ей любопытно знать, о чем Сервилия хочет говорить с Цезарем. «Вот женщина, которая не лезет в чужие дела», – с благодарностью подумала мать Брута и ушла.

Хорошо ли опять оказаться дома после пятнадцати месяцев отсутствия? Цезарь уезжал уже не первый раз и не на самое продолжительное время, но на сей раз он отсутствовал официально. В этом ощущалась некоторая разница. Поскольку наместник Антистий Вет не взял с собой в Дальнюю Испанию легата, Цезарь был вторым по значению римлянином в провинции и отвечал за судебные разбирательства, финансы, управление. Одинокая жизнь, стремительные поездки из одного конца Дальней Испании в другой, нехватка времени, чтобы установить дружеские отношения с соотечественниками. Вероятно, поэтому и получилось, что единственный человек, к которому Цезарь почувствовал там симпатию, не был римлянином. Да и сам Антистий Вет не питал расположения к своему помощнику, хотя они неплохо ладили и даже порой за обедом вели деловые разговоры, когда им доводилось встретиться в каком-нибудь городе. Единственная трудность, которую Цезарь испытывал из-за того, что был патрицием из рода Юлиев Цезарей, заключалась в его отношениях с начальством. Все его начальники слишком хорошо сознавали, насколько он выше их по происхождению. Для любого римлянина выдающиеся предки значат куда больше, чем все остальное. И еще Цезарь постоянно напоминал им Суллу. Древний род, блестящий ум и эффективность, поразительная внешность, ледяной взгляд...

Так хорошо ли вновь оказаться дома? Безупречный порядок в кабинете. Все поверхности блестят чистотой, все свитки на своих местах – в корзине или отделении ящика. Ничто не мешает любоваться столешницей письменного стола с замысловатым узором из листьев и цветов. На столе – лишь чернильница из бараньего рога и глиняная кружка для перьев.

По крайней мере первые минуты пребывания в родном доме оказались более терпимыми, чем предполагал Цезарь. Когда Евтих открыл дверь приемной и он увидел компанию тараторивших женщин, первым его побуждением было бежать, но он тотчас понял, что это неплохое

начало. Ощущение пустоты этого дома без его дорогой Циннии останется, и об этом не стоит говорить. Рано или поздно маленькая Юлия заведет разговор о своей матери, но не в первые мгновения, а спустя некоторое время, когда его глаза привыкнут к отсутствию Циннии и не будут наполняться слезами. Цезарь уже и не помнил, когда в этой квартире не было Циннии. Она жила здесь как его сестра, пока не достигла того возраста, когда могла стать его женой. Она была частью его детства и поры созревания. Бесценная женщина, которая теперь стала прахом в холодной, темной могиле.

Вошла его мать, спокойная и отчужденная как всегда.

– Кто распространял слухи о моей поездке в Италийскую Галлию? – осведомился Цезарь, устанавливая кресло для нее рядом со своим.

– Бибул.

– Понятно. – Он со вздохом сел. – Что же, этого следовало ожидать. Нельзя оскорбить такую блоху, как Бибул, и не нажить себе врага на всю жизнь. Как же он мне не нравился!

– А как же ты ему не нравишься!

– У нас выбирают двадцать квесторов. И мне повезло. По жребию мне досталось место службы вдали от Бибула. Но он на два года старше меня, а это значит, что мы всегда будем служить, одновременно продвигаясь по *cursus honorum*.

– Значит, ты намерен воспользоваться привилегией, установленной для патрициев Суллой, и выставить свою кандидатуру на курульную должность на два года раньше, чем это дозволено плебеям вроде Бибула, – сказала Аврелия с утвердительной интонацией.

– Я был бы дураком, не сделав этого, а я не дурак, мама. Если я буду баллотироваться в преторы в тридцать семь, мой стаж пребывания в сенате к тому времени достигнет шестнадцати лет, не считая срока моего фламмината.

– Но все равно ждать еще шесть лет. А тем временем – что?

Он беспокойно шевельнулся:

– Я уже чувствую, как стены Рима давят на меня, хотя я пересек городскую черту всего несколько часов назад! Мне лучше жить за границей.

– Предстоит множество судебных процессов. Ты – знаменитый адвокат, наравне с Цицероном и Гортензием. Тебе предложат несколько интересных дел.

– Но в Риме, всегда в Риме! Испания была для меня настоящим открытием, – заговорил Цезарь, подавшись вперед. – Антистий Вет оказался апатичным правителем, который был счастлив перепоручить мне столько работы, сколько я захочу на себя взять, хоть я и был всего-навсего младшим магистратом. Поэтому я вел в провинции судебные процессы и управлял финансами наместника.

– Последняя обязанность, наверное, была для тебя тягостной, – сухо заметила мать. – Деньги тебя не интересуют.

– Странно, но оказалось, что это интересно, когда это деньги Рима. Я взял несколько уроков по бухгалтерскому делу у самого замечательного человека – гадесского банкира, карфагенянина по имени Луций Корнелий Бальб-старший. У него есть племянник – они почти ровесники – Бальб-младший, его партнер. Оба очень много сделали для Помпея Магна, когда тот находился в Испании, и теперь, кажется, большая часть Гадеса принадлежит им. Если и найдется такая вещь, которой старший Бальб не знает о банковской системе и других фискальных делах, то она не имеет значения. Само собой разумеется, что казну я застал в полном беспорядке. Но благодаря Бальбу-старшему мне удалось все наладить. Мне он понравился, мама. – Цезарь пожал плечами, глядя в сторону. – Фактически он был единственным настоящим другом, которого я там приобрел.

– Дружба – двустороннее движение. Ты знаешь больше людей, чем остальные римские аристократы, вместе взятые. Но ты не подпускаешь к себе ни одного римлянина своего круга.

Вот почему твои немногочисленные друзья либо иностранцы, либо римляне из низших классов.

Цезарь усмехнулся:

– Чепуха! Я лучше лажу с иностранцами, потому что вырос в твоём многоквартирном доме, с детства окружённый евреями, сирийцами, галлами, греками и боги знают кем ещё.

– В этом вини меня, – спокойно сказала Аврелия.

Цезарь решил пропустить это замечание мимо ушей.

– Марк Красс – мой друг, а он безусловно римлянин и такой же знатный, как и я.

– Ты вообще хоть что-нибудь заработал в Испании? – вдруг поинтересовалась мать.

– Немного здесь, немного там – благодаря Бальбу. К сожалению, в провинции на этот раз было мирно. Никаких пограничных стычек с лузитанами. А если бы они и случались, подозреваю, что Антистий Вет выступил бы против них лично. Не беспокойся, мама. Мои пиратские деньги в сохранности. У меня хватит средств, чтобы баллотироваться в старшие магистраты.

– Даже на должность курульного эдила? – спросила она с тревогой.

– Поскольку я патриций и не могу стать плебейским трибуном, выбор у меня небольшой, – отозвался Цезарь, вынимая перо из кружки и кладя его на стол.

Он никогда не вертел перо в руках при разговоре. Просто иногда ему приходилось на что-то переводить взгляд, чтобы не встречаться глазами с матерью. Странно, он совсем забыл, что она может так сильно действовать на нервы.

– Цезарь, должность курульного эдила разорительно дорога. Твоих пиратских денег не хватит. Я тебя знаю! Ты не станешь устраивать просто хорошие игры. Ты постарайся организовать лучшие игры из тех, какие помнит Рим.

– Наверное, я подумаю об этом года через три-четыре, – спокойно произнес он. – А пока я намерен в следующем месяце баллотироваться на должность куратора Аппиевой дороги. Ни один из Клавдиев не хочет браться за эту работу.

– Ещё одно дорогостоящее предприятие! Казна выделит тебе один сестерций на милю дороги, а ты потратишь на каждую милю добрую сотню денариев.

Цезарь устал от беседы. Как всегда, мать завела разговор о деньгах и о том, что он не беспокоится о них.

– Ты знаешь, – проговорил Цезарь, взяв перо со стола и возвращая его в кружку, – ничто не меняется. Я об этом забыл. Находясь вдали от дома, я стал думать о тебе просто как о своей матери – как любой человек. И вот – действительность. Постоянные жалобы по поводу моей расточительности. Перестань, мама! То, что важно для тебя, для меня не имеет значения.

Аврелия хотела было что-то сказать, но промолчала. Затем, поднявшись с кресла, молвила:

– Сервилия хочет как можно скорее поговорить с тобой.

– Зачем?

– Не сомневаюсь, она непременно скажет тебе об этом при встрече.

– А ты знаешь?

– Я не задаю вопросов никому, кроме тебя, Цезарь. Так я избегаю лживых ответов.

– Значит, ты заранее уверена в моей правдивости.

– Естественно.

Он было встал, но опять сел и, хмурясь, вытащил из кружки другое перо.

– Она интересный человек, – заметил Цезарь, склонив голову набок. – Её оценка слухов, которые распространяет Бибул, удивительно точна.

– Если ты помнишь, несколько лет назад я говорила тебе, что Сервилия обладает тонким политическим чутьём. Но мои слова не произвели на тебя впечатления, и ты не захотел познакомиться с ней.

– Ну что ж, теперь я с ней познакомился. И она меня впечатлила. Но только не своим высокомерием. Фактически она захотела покровительствовать мне.

Что-то в его голосе насторожило Аврелию. Она резко повернулась и пристально посмотрела на Цезаря.

– Силян тебе не враг, – сухо заметила она.

Эти слова вызвали у него смех. Но он быстро смолк.

– Иногда случается и так, что мне нравится женщина, которая не является женой моего политического врага, мама! А Сервилия мне немножко нравится. Конечно, я должен выяснить, чего она хочет. Кто знает? Может быть, меня?

– С Сервилией невозможно знать наперед. Она – загадка.

– Она мне напомнила Циннилу.

– Не будь сентиментальным, Цезарь. Нет никакого сходства между Сервилией и твоей покойной женой. – Глаза Аврелии затуманились. – Циннилла была чудесной, милой девочкой. Сервилии тридцать шесть, и она уже не девочка. Кроме того, она отнюдь не милая. Я бы назвала ее холодной и твердой, как кусок мрамора.

– Она тебе не нравится?

– Она мне нравится. Но вовсе не потому, что она такая.

На этот раз Аврелия дошла до двери и только потом повернулась снова.

– Обед будет скоро готов. Ты обедаешь здесь?

Лицо его смягчилось.

– Как я могу разочаровать Юлию, уйдя куда-нибудь сегодня?

Еще одна мысль пришла Цезарю на ум, и он произнес:

– Странный мальчик этот Брут. Как масло – весь на поверхности. Но подозреваю, что где-то внутри у него скрывается удивительный железный стержень. А Юлия вела себя так, словно она его госпожа. Я бы и не подумал, что он может ей понравиться.

– Сомневаюсь, что это симпатия. Но они старые друзья. – Лицо Аврелии смягчилось. – Твоя дочь необыкновенно добра. В этом отношении она похожа на свою мать. В нашей семье ей больше не от кого унаследовать это качество.

Поскольку Сервилия не умела ходить медленно, она, как всегда, стремительно неслась домой. Бруту непросто было поспеть за ней, но он не жаловался. Солнце пекло уже не так сильно. Кроме того, он снова погрузился мыслями в злополучного Фукидида. Юлия была временно забыта. Равно как и дядя Катон.

Обычно по пути Сервилия разговаривала с ним, но сегодня она словно не замечала сына. Ее мысли были заняты Гаем Юлием Цезарем. Как только она увидела его, у нее пересохло во рту, и она сидела ошеломленная, не в силах шевельнуться. Как же вышло, что она никогда с ним не встречалась? Их круг столь малочислен, что они просто не могли разминуться. И все же она ни разу прежде не видела Цезаря! Да, конечно, Сервилия слышала о нем – какая римская аристократка не ловила сплетен о Юлии из рода Юлиев? И большинство спешили под разными предлогами познакомиться с ним, но Сервилия была не такова. Она и не думала о нем. Для нее он был еще одним Меммием или Катилиной, человеком, который опьяняет женщин одной улыбкой и пользуется этим. Но единственного взгляда на Цезаря хватило, чтобы Сервилия поняла: перед ней отнюдь не Меммий или Катилина. О, действительно улыбка Цезаря пленительна, и он, конечно же, пользуется этим! Но было в нем и что-то еще. Отстраненный, равнодушный, недоступный. Теперь ей сделалось понятно, почему женщины, с которыми у Цезаря случались мимолетные романы, потом чахли, плакали, впадали в отчаяние. Цезарь отдавал своим женщинам лишь то, чего сам не ценил, но он никогда не отдавал им себя.

Будучи беспристрастной, Сервилия принялась анализировать свою реакцию на нового знакомого. Почему он возбуждает ее? В тридцать шесть лет Сервилия привыкла смотреть на

мужчин холодным взглядом. Любой из них значил для нее не больше чем безопасность и соответствующий социальный статус. Конечно, ей нравились красивые мужчины. Брута выбрали ей в мужья без ее участия. Впервые Сервилия увидела его только в день свадьбы. То, что он был очень смуглым, стало для нее большим разочарованием. Да и все остальное, как потом выяснилось. Силана, поразительно красивого, она выбрала сама. Его внешностью Сервилия была по-прежнему удовлетворена. Но что касается всего остального – в этом он тоже разочаровал ее. Ни здоровья, ни интеллекта, ни твердости характера. Неудивительно, что она рожала от него только девочек! Сервилия была абсолютно уверена в том, что пол будущего ребенка зависит исключительно от ее желания, поэтому в первую же брачную ночь с Силаном она твердо решила: Брут останется ее единственным сыном. Таким образом, его уже довольно значительное состояние будет увеличено за счет денег Силана.

Жаль, что она не могла обеспечить для Брута третье, еще большее состояние! Цезарь тотчас был позабыт. Теперь Сервилия думала о своем сыне и о тех пятнадцати тысячах талантов золота, которые ее дед Цепион-консул украл из обоза в Нарбонской Галлии тридцать семь лет назад. Этого золота было больше, чем хранилось в римской казне. Оно перешло в руки Сервилия Цепиона и превратилось в разного рода имущество: промышленные города в Итальянской Галлии, обширные пшеничные поля на Сицилии и в провинции Азия, многоквартирные дома по всему Итальяскому полуострову, анонимное партнерство в делах, которые запрещены сенаторам. Когда Цепион-консул умер, все перешло к отцу Сервилии. Затем тот был убит в Итальянской войне. Имущество попало к ее брату, третьему носителю имени Квинт Сервий Цепион. О да, все уплыло в руки ее брата Цепиона! Дядя Друз постарался, чтобы наследником стал именно он, хотя дядя Друз знал правду. А в чем заключается эта отвратительная правда? В том, что брат Сервилии, Цепион, в действительности являлся ее сводным братом – первым ребенком ее матери от выскочки Катона Салониана, рожденным в то время, когда она была еще замужем за отцом Сервилии. Кукушонок в гнезде Сервилия Цепиона, длинный рыжий кукушонок с катоновским носом, который продемонстрировал всему Риму, от кого на самом деле был зачат этот Цепион. А теперь, когда Цепиону исполнилось тридцать лет, его истинное происхождение известно всем, кто имел в городе хоть какое-то значение. Смех! И где справедливость? Золото Толозы перешло в конце концов к кукушонку, подброшенному в гнездо Сервилия Цепиона!

Брут поморщился. Мысли его прервались. Мать громко скрежетала зубами – страшные звуки, которые заставляли всех, кто слышал их, бледнеть и убегать подальше. Но Брут не мог убежать. Он лишь надеялся, что причиной зубного скрежета был не он. О том же думали и рабы, шедшие впереди хозяйки. Они с ужасом переглядывались. Их прошиб холодный пот, сердца их громко стучали.

Но Сервилия ничего этого не замечала. Она стремительно неслась вперед, и ее короткие, сильные ноги мелькали, как ножницы Атропы. Проклятый Цепион! Теперь уже поздно. Брут не успеет ничего унаследовать от него. Цепион недавно женился на дочери адвоката Гортензия, представительнице одной из старейших и знаменитейших плебейских семей. Гортензия носит их первого ребенка. Будет еще много детей. Состояние Цепиона настолько велико, что даже дюжина сыновей не смогут истратить его. Что касается самого Цепиона, то он здоров и силен, как все Катоны, потомки того нелепого и позорного второго брака Катона Цензора. Когда тому было около восьмидесяти, он неожиданно женился на дочери своего раба Салония. Это случилось сто лет назад. В то время Рим смеялся над этим, а потом простил отвратительного старого развратника и допустил его отпрыска-раба в ряды славных семей. Конечно, Цепион мог умереть от несчастного случая, как его кровный отец Катон Салониан. Опять зубной скрежет: напрасная надежда! Цепион участвовал в нескольких войнах – и ни единой царапины, хотя и был храбрым солдатом. Нет, с золотом Толозы придется распрощаться. Бруту никогда не достанется то, что было куплено на эти деньги. И это несправедливо! По крайней мере, Брут

был настоящим Сервилием Цепионом со стороны матери! О, если бы только Брут смог унаследовать это третье состояние, он был бы богаче Помпея Магна и Марка Красса, вместе взятых!

За несколько метров до дома Силана оба раба бросились к двери, забарабанили в нее и исчезли, как только она открылась. Так что к тому моменту, как Сервилия и ее сын вошли в дом, атрий был пуст. Домашние уже знали, что Сервилия скрипит зубами. Поэтому хозяйку не предупредили о том, кто ждет ее в гостиной. Она влетела в комнаты, мечя громы и молнии по поводу невезения Брута в отношении золота Толозы, – и ее гневный взор упал не на кого-нибудь, а на ее сводного братца Марка Порция Катона! Горячо любимый Брутом дядя Катон!

У него появилась новая причуда: он не носил под тогой туники, потому что в первые дни Республики граждане одевались именно так. И если бы взгляд Сервилии не был замутнен ненавистью, она должна была бы признать, что эта поразительная и экстравагантная мода (в которой никто не мог с ним соперничать) ему шла. Двадцатипятилетний мужчина в расцвете сил, здоровый и хорошо сложенный, он жил строго и экономно, как рядовой солдат во время войны со Спартаксом. Катон не ел жирного, пил только воду. Короткие выующиеся волосы, каштановые с красноватым оттенком; большие светло-серые глаза; гладкая загорелая кожа. Он очень выигрывал, обнажая всю правую сторону тела, от плеча до бедра. Любой мог любоваться его хорошо развитыми грудными мышцами и плоским животом. Открытая правая рука также демонстрировала мускулы. Голова на очень длинной шее была красивой формы, а рот мог просто свести с ума. Если бы не его жутко большой нос, Катон соперничал бы с Цезарем, Меммием или Катилиной. Но нос – огромный, тонкий, острый, крючковатый – портил все. Как будто он жил отдельно от лица, как говорили люди.

– Я уже собирался уходить, – заговорил Катон громким, резким, немзыкальным голосом.

– Жаль, что не ушел, – отозвалась Сервилия сквозь зубы (без скрежета, хотя ей хотелось скрипнуть).

– Где Марк Юний? Мне сказали, что ты брала его с собой.

– Брут! Зови его Брут, как все остальные!

– Я не одобряю перемен, которые последнее десятилетие внесло в наши имена, – произнес он еще громче. – Человек может иметь одно, два или даже три прозвища, но традиция требует, чтобы его называли по родовому имени.

– А я очень рада этим переменам, Катон! – ответила Сервилия, выделяя голосом прозвище. – Что касается Брута, ты не можешь его увидеть.

– Ты думаешь, что я отступлю! – задиристо продолжал он. – Но я никогда не отступлю, Сервилия. Пока я жив, я ни от чего не отступлю. Твой сын – мой кровный племянник, а в его окружении нет ни одного мужчины. Нравится это тебе или нет, но я намерен выполнить свой долг по отношению к нему.

– *Paterfamilias* – его отчим, а не ты.

Катон засмеялся. Этот смех был похож на пронзительное ржание.

– Децим Юний – бедный простофиля, которого постоянно тошнит. Он способен воспитать твоего сына не больше чем умирающая утка.

Хотя Катон обладал чрезвычайно толстой шкурой, Сервилия знала каждую из мельчайших трещин в ней. Например, Эмилия Лепида. Как Катон любил ее, когда ему было восемнадцать лет! Но Эмилия Лепида лишь использовала его, чтобы заставить Метелла Сципиона ревновать и вернуться к ней.

И Сервилия вдруг сказала:

– А я сегодня у Аврелии видела Эмилию Лепиду. Как она хороша! Настоящая маленькая женщина и мать. Она говорит, что никогда еще так не любила Метелла Сципиона.

Стрела явно попала в цель. Катон побледнел.

– Она использовала меня как наживку, чтобы вернуть его, – ответил он с горечью. – Типичная женщина – хитрая, лживая, беспринципная.

– Надеюсь, такого же мнения ты и о своей жене? – осведомилась Сервилия, широко улыбаясь.

– Атилия – моя супруга. Если бы Эмилия Лепида сдержала слово и вышла за меня, она вскоре поняла бы, что я не терплю женских хитростей. Атилия делает то, что ей говорят, и ведет примерную жизнь. Я приемлю лишь идеальное поведение.

– Бедная Атилия! Ты приказал бы ее убить, если бы почувствовал от нее запах вина? Двенадцать таблиц позволяют тебе сделать это, а ты у нас ярый приверженец древних законов.

– Я – верный сторонник старых порядков и *mos maiorum* Рима! – выпалил он, раздул ноздри, так что они стали похожи на пузыри. – Мой сын, моя дочь, она и я – мы все едим пищу, приготовленную Атилией; мы живем в комнатах, за порядком в которых она следит сама, и носим одежду, которую моя жена шьет из сотканной ею ткани.

– Так вот почему ты такой голый! Наверное, она большая труженица!

– Атилия идеальная жена, – повторил Катон. – Я никогда не допущу, чтобы детей отдавали под присмотр слуг или нянек, поэтому Атилия лично отвечает за трехлетнюю дочь и годовалого сына.

– Я же сказала, что она трудяга. Ты ведь можешь позволить себе иметь много слуг, Катон, и она знает это. Вместо этого ты зажал свой кошелек и сделал из жены служанку. Она не поблагодарит тебя за это. – Тяжелые белые веки приподнялись, Сервилия с иронией оглядела сводного брата с головы до ног. – Настанет трудный для тебя день, Катон. Когда-нибудь ты можешь прийти домой слишком рано и обнаружить, что твоя жена ищет утешения у кого-то другого. И кто упрекнет ее за это? Тебе так пойдут рога!

Но на сей раз укол не попал в цель. У Катона был самодовольный вид.

– О, об этом не может быть и речи, – уверенно сказал он. – Сейчас, когда цены так взвинчены, я не могу платить за раба дороже, чем стоил самый дорогой прислужник во времена моего прадеда, но уверяю тебя: я выбираю людей, которые меня боятся. Я скрупулезно справедлив. Ни один мой слуга, оправдывающий заплаченную за него сумму, не страдает! Но при этом каждый слуга принадлежит лично мне, и любой раб в моем доме знает это.

– Полная идиллия в домашнем хозяйстве, – улыбнулась Сервилия. – Не забыть бы рассказать Эмили Лепиде, как много она потеряла. – Она с недовольным видом двинула плечом. – Уходи, Катон, пожалуйста! Ты получишь Брута только через мой труп. У нас разные отцы – и я благодарю богов за эту милость! – но характеры одинаково твердые. И я, Катон, намного умнее тебя. – Она издала звук, похожий на мурлыканье кошки. – Вообще я намного умнее любого из моих сводных братьев.

Этот третий удар пронзил его до глубины души. Катон весь напрягся. Его красивые руки сжались в кулаки.

– Я могу вынести твою злобу, когда она направлена на меня, Сервилия, но не в тех случаях, когда твоя цель – Цепион! – рявкнул он. – Это незаслуженное оскорбление! Цепион – твой родной брат! Я бы очень хотел, чтобы он был моим родным братом! Я люблю его больше, чем кого-либо в мире! И я не стерплю такого оскорбления, особенно от тебя!

– Посмотри на себя в зеркало, Катон. Все в Риме знают правду.

– Наша мать была из Рутилиев – Цепион унаследовал цвет волос от этой ветви семьи!

– Чушь! У Рутилиев светло-рыжие волосы. И нос совсем не такой, как у Катона Салониана. – Сервилия презрительно фыркнула. – Подобное льнет к подобному, Катон. С самого твоего рождения Цепион отдал тебе всего себя. Вы – горошек из одного стручка. Всю жизнь вы оставались закадычными друзьями. Не расстанетесь, никогда не ссоритесь. Нет, Цепион – твой родной брат, а не мой!

Катон поднялся:

– Ты злая женщина, Сервилия.

Она нарочито зевнула:

– Ты проиграл, Катон. Прощай, и скатертью дорога.

Выходя из комнаты, он все-таки произнес свое последнее слово:

– В конце концов победа будет за мной! Я всегда побеждаю!

– Только через мой труп ты победишь! Но ты умрешь прежде меня.

После этого ей предстояло поговорить еще с одним мужчиной ее жизни – с мужем, Децимом Юнием Силаном. Катон верно охарактеризовал его – простофиля. Неясно, что было у него с желудком, но его часто мучила тошнота. Застенчивый, покорный, бесхарактерный человек. Все его прелести, думала Сервилия, глядя, как он чахнет над обедом, – снаружи. У него красивое лицо, а за изящным фасадом – пустота. Вот уж чего не скажешь о другом красивом лице, которое принадлежит Гаю Юлию Цезарю. «Цезарь... Я очарована им. Там, в доме Аврелии, на какой-то момент я вообразила, что и он обратил на меня внимание, но потом я распустила язык и оскорбила его. Почему я забыла, что он из Юлиев? Даже патрицианка из рода Сервилиев не может управлять жизнью и делами Юлия...»

С супругами обедали две девочки, которых Сервилия родила Силану и которых, как обычно, третировал Брут (они в свою очередь считали сводного брата сорняком). Старшей, Юнии, было семь лет, а Юнилле – почти шесть; обе смугловатые и очень привлекательные. Нет повода опасаться, что они останутся без мужей. Прекрасная внешность и приличное приданое – против такого сочетания нельзя устоять. Официально они помолвлены с наследниками двух известных семей. Только Брут еще не был пристроен, хотя сам он уже сделал выбор. Маленькая Юлия. Какой он странный, влюбиться в ребенка! Хотя обычно Сервилия в этом себе не признавалась, но нынешним вечером она была настроена на правду и отдавала себе отчет в том, что порой не понимает сына. Почему, например, он упорно считает себя интеллектуалом? Брут никогда не сделает карьеру, если не откажется от глупых иллюзий. У интеллектуала должна быть репутация храброго солдата, как у Цезаря, или блестящая адвокатская карьера, как у Цицерона, а иначе ему придется терпеть пренебрежительное отношение окружающих. Брут же не был ни решительным, ни сообразительным. Он ни в чем не обладал превосходством над равными себе. Хорошо, если он станет зятем Цезаря. Часть волшебной энергии и обаяния Юлиев перейдет к нему.

На следующий день Цезарь прислал Сервилии записку. Он будет рад видеть ее в своей квартире на улице Патрициев, третий этаж многоквартирного дома, между красивой мастерской Фабриция и субурскими банями. Завтра в четыре часа пополудни некий Луций Декумий будет ждать ее в коридоре первого этажа, чтобы проводить наверх.

Срок наместничества Антистия Вета в Дальней Испании был продлен, однако Цезарь не давал обещания остаться с ним. Цезарь не старался добиться личного назначения, просто по жребию ему досталась эта провинция. Было бы даже приятно задержаться в Дальней Испании, но должность квестора слишком низка, чтобы обеспечить известность на Форуме. Цезарь отдавал себе отчет в том, что следующие несколько лет он обязан провести в Риме. Рим должен постоянно видеть его лицо, слышать его голос.

Поскольку в возрасте двадцати лет Цезарь заслужил гражданский венок за выдающуюся храбрость и стал членом сената за десять лет до положенного тридцатилетнего возраста, ему с самого начала было разрешено выступать (обычно новички в сенате молчат, пока не поднимутся выше должности квестора). Но Цезарь не злоупотреблял этой экстраординарной привилегией. Он был слишком проницателен, чтобы надоедать коллегам, добавляя себя в список выступавших, и так слишком длинный. Цезарю не требовалось прибегать к красноречию, чтобы привлечь внимание. Он сам был живым напоминанием о своем особом положении. Закон Суллы гласил, что всякий раз, появляясь на публике, он должен надевать гражданский

венки из дубовых листьев. И все при виде его обязаны вставать и аплодировать. Этот закон выделял Цезаря из общей массы и ставил его над остальными людьми – то и другое очень ему нравилось. Все прочие могли заручаться поддержкой влиятельных друзей. Но Цезарь предпочитал действовать один. Да, человеку следовало набирать толпы клиентов и приобретать известность популярного патрона. Но подъем на вершину – а Цезарь был уверен, что поднимется! – благодаря связям с какой бы то ни было фракцией, не входил в его планы. Все фракции контролируют своих членов.

Например, *boni* – «хорошие люди». Из множества сенатских фракций эта самая многочисленная. *Boni* могли доминировать на выборах, участвовать в важных судебных процессах, кричать на собраниях громче всех. И все же у них не было программы. Единственное, что их объединяло, – это глубоко укоренившееся неприятие любых перемен. А Цезарю нравились перемены. Так много необходимо исправить, отменить... Если служба в Дальней Испании и показала ему что-то, так это необходимость и неизбежность реформ. Коррупция и жадность наместников погубят империю, если их не обуздать. И это только одно изменение, которое он хотел увидеть. Но все *boni* традиционно и упорно выступали против новшеств, даже самых незначительных. И Цезарь был среди них непопулярен. Их исключительно чувствительные носы уже давно унюхали в Цезаре радикала.

Фактически для Цезаря оставался единственный путь – сделаться военачальником. Но чтобы законным путем получить командование римской армией, сначала нужно было поднаться хотя бы до преторской должности и стать председателем одного из восьми постоянных судов. Система правосудия требовала, чтобы следующие шесть лет он провел в городе. Сбор голосов, проведение предвыборной кампании, попытки справиться с хаосом на политической арене... Оставаться на переднем плане в сложном мире римской политики, приобретать и накапливать влияние, власть, клиентов, заручиться поддержкой всадников из деловых кругов, приобрести последователей всех сортов – все это Цезарь обязан делать сам и исключительно от своего имени. Ни в коем случае он не должен выступать от лица *boni* или какой-либо другой группы. Членство в любой фракции предполагает единомыслие. А еще предпочтительней – отсутствие собственных мыслей.

Но амбиции Цезаря простирались дальше создания собственной фракции: он хотел стать Первым Человеком в Риме. *Primus inter pares*, первым среди равных, обладавшим максимальными *auctoritas* и *dignitas*. Первый Человек в Риме был олицетворением величия. Каждому его слову внимали, его нельзя было свергнуть, потому что он не являлся ни царем, ни диктатором. Первый Человек в Риме сохранял свое положение исключительно благодаря личным способностям, а не из-за должности или армии за спиной. Старик Гай Марий добился всего собственным трудом, победив германцев, поскольку у него не было знатных и знаменитых предков. У Суллы предки имелись, но такого титула он не получил, потому что объявил себя диктатором. Просто он был Сулла – великий аристократ, автократ, обладатель венка из трав, полководец, не знавший поражений. Военная слава вкупе с головокружительной политической карьерой – вот что значит Первый Человек в Риме.

Поэтому тот, кто намерен стать Первым Человеком, не может быть членом какой-то фракции. Он должен сам создать фракцию, должен появиться на Римском форуме не как чей-то прихлебатель, но как грозный союзник. В сегодняшнем Риме этого легче добиться, будучи патрицием, а Цезарь был патриций. Его древние предки входили в сенат еще в те времена, когда этот орган состоял всего из ста человек, советников римского царя. Еще до основания Рима пращуры Цезаря сами были царями Альба-Лонги. Его прапраматерь – богиня Венера, которая родила Энея, царя Дардана. Он уплыл в Латинскую Италию и основал там новое царство, где впоследствии возник Рим. Обладать такой звездной родословной – значит быть человеком, достойным стать лидером собственной фракции. Римлянам нравятся люди со знаменитыми предками. И чем величественнее предки, тем выше шансы создать свою фракцию.

Таким образом, Цезарь знал, чем заняться в эти девять лет, которые отделяют его от консульства. Он должен добиться, чтобы люди видели в нем достойного претендента на титул Первого Человека в Риме. Что отнюдь не означало дружбы с равными. Это означало доминирование над теми, кто ниже его, а также страх и ненависть равных. Именно так они относятся ко всем, кто стремится стать Первым Человеком в Риме. Люди его класса будут драться зубами и ногтями, не останавливаясь ни перед чем, лишь бы свалить его прежде, чем он станет слишком могущественным. Вот почему они презирают Помпея Великого, который возомнил себя Первым Человеком. Ну что ж, Цезарь не будет медлить. Этот титул принадлежит Цезарю, и ничто и никто не помешает ему получить его. Цезарь знал это, потому что он знал себя.

На рассвете следующего дня после возвращения домой приятно обнаружить, что небольшая группа клиентов пришла засвидетельствовать свое почтение. Приемная Цезаря была полна народу. При виде посетителей широкая улыбка не сходила с жирного лица управляющего Евтиха. И старый Луций Декумий тоже был доволен. Худенький, как сверчок, он даже запрыгал от радости, когда Цезарь появился из своих комнат.

Цезарь поцеловал Луция Декумия в губы, к ужасу свидетелей их встречи.

– Я скучал по тебе больше всех, кроме Юлии, папа, – проговорил Цезарь, сжимая Луция Декумия в объятиях.

– Рим без тебя совсем не тот, Павлин! – ответил Луций Декумий, называя Цезаря старым прозвищем, которое дал хозяйскому сыну, когда тот только начал ходить.

– Кажется, ты вообще не стареешь, папа.

Это была правда. Никто точно не знал, сколько лет Луцию Декумию, хотя ему, вероятно, было ближе к семидесяти, чем к шестидесяти. Он, наверное, будет жить вечно. Будучи гражданином четвертого класса и входя в городскую трибу Субурана, он не имел веса на выборах в центуриатных комициях. И все же Луций Декумий обладал большим влиянием – в определенных кругах. Он возглавлял коллегия перекрестка возле инсулы Аврелии. И каждый человек, живший по соседству, к какому бы классу он ни принадлежал, хотя бы время от времени заглядывал внутрь небольшого помещения, которое одновременно представляло собой и таверну, и место религиозных собраний. В качестве главы общины Луций Декумий имел немало полномочий. Ему также удалось сколотить значительное состояние – правда, весьма сомнительным способом. Он был не прочь одолжить деньги под очень небольшие проценты тем, кто мог оказаться полезным ему или его хозяину, Цезарю, которого он любил больше, чем своих двух здоровенных сыновей. Цезарю, который еще мальчиком принимал участие в некоторых его рискованных делах. Цезарь, Цезарь, всегда Цезарь...

– Твои комнаты готовы, – сказал старик, широко улыбаясь. – Новая кровать – очень приятная.

Взгляд холодных бледно-голубых глаз посветлел. Цезарь улыбнулся, подмигнул:

– Я сначала опробую ее, а потом вынесу решение, папа. Кстати, не доставишь ли ты записку жене Децима Юния Силана?

Луций Декумий нахмурился:

– Сервилии?

– Вижу, эта женщина знаменита.

– А как же иначе! Она жестоко обращается с рабами.

– Откуда ты это знаешь? Наверное, ее рабы часто посещают таверну на перекрестке.

– Слухи ходят, слухи! Она может приказать распять человека, если сочтет, что рабам нужно преподать урок. У всех на глазах она распяла молодую рабыню – прямо в своем саду. Но обычно она сперва порет так жестоко, что долго на кресте они не мучаются.

– Гуманно, – отметил Цезарь и стал писать записку Сервилии.

Он не сделал ошибки, предположив, что Луций Декумий пытается предупредить его, чтобы он не связывался с этой женщиной, или критикует его вкус. Луций Декумий просто выполнял свою обязанность, предоставляя соответствующую информацию.

Еда мало значила для Цезаря – он не был гурманом и уж определенно не являлся эпикурейцем. Поэтому, принимая клиента за клиентом, он машинально жевал булочку из пекарни Аврелии – свежую, с хрустящей корочкой, – и запивал ее водой. Зная щедрость Цезаря, его управляющий уже несколько раз обошел посетителей с блюдом, с которого желающие могли угощаться свежими булочками, разбавленным вином и маслом с медом, налитым в мисочки, чтобы обмакивать в них булочки. Приятно наблюдать, как растет клиентура Цезаря!

Некоторые пришли просто продемонстрировать патрону, что готовы ему служить, другие – со специальной целью: желая получить какую-нибудь должность в казначействе или архивах для выучившегося сына. Одного интересовало, что думает Цезарь о предложении, сделанном дочери клиента, другого – мнение патрона о предложении купить клочок земли. Некоторые просили денег, словно кошелек Цезаря был так же велик, как кошелек Марка Красса, в то время как на самом деле кошелек этот был совсем тощим.

Большинство удалились сразу после обмена любезностями и непродолжительной беседы. Оставшиеся ждали, пока он напишет для них несколько строчек. Цезарь терпеливо сидел за своим столом, раздавая бумаги. В результате минуло более четырех часов, прежде чем исчез последний посетитель. Оставшаяся часть дня целиком принадлежала Цезарю. Конечно, клиенты далеко не ушли. Через час, когда Цезарь, покончив с неотложной корреспонденцией, покинул квартиру, они образовали его свиту. Цезарь обязан показывать публике своих клиентов!

К сожалению, никого из влиятельных граждан не было на Римском форуме, когда Цезарь и его клиенты прибыли в нижний Аргилет и пошли между базиликой Эмилия и лестницей курии Гостилия. Там находился центр Рима, Нижний форум, пространство, где буквально повсюду были святыни или памятники старины. Прошло приблизительно пятнадцать месяцев с тех пор, как Цезарь видел все это последний раз. Ничего не изменилось. И никогда не менялось.

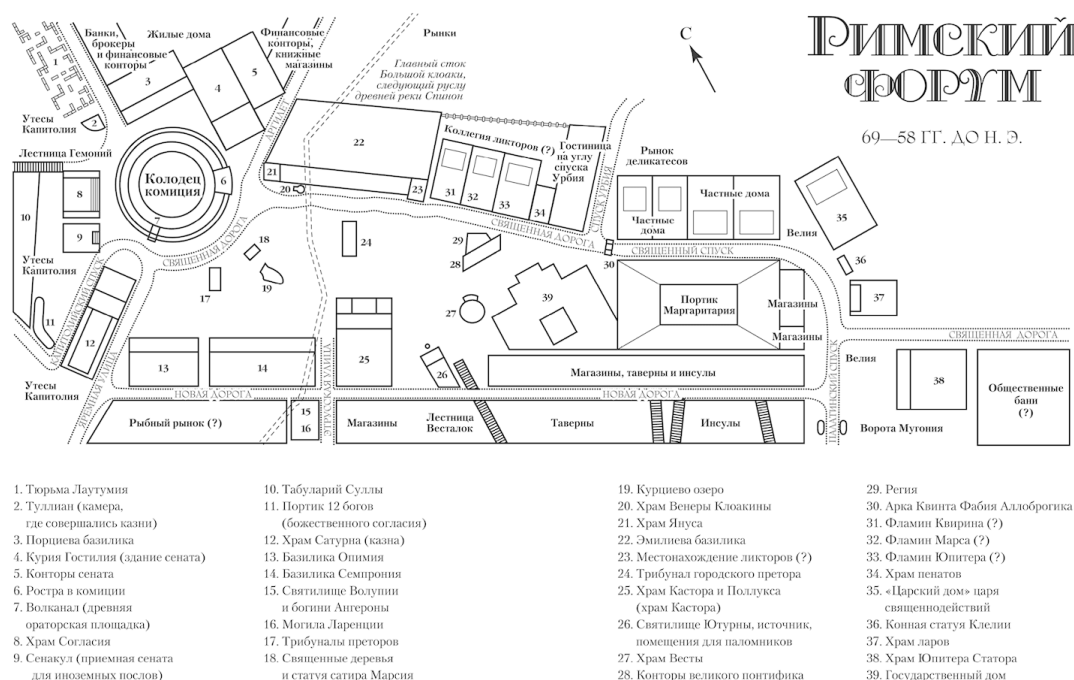
Перед ним предстал колодец комиция, обманчиво маленький круг широких ступеней, ярусами спускавшихся к нижнему уровню. Здесь проводились плебейские и трибутные собрания. Колодец вмещал около трех тысяч человек. К его задней стене, выходившей на ступени курии Гостилия, примыкала ростра, с которой политики обращались к толпе, собравшейся внизу колодца. Древняя курия Гостилия служила зданием сената на протяжении нескольких столетий, с тех пор как ее построил царь Тулл Гостилий. Слишком тесная для увеличенного Суллой сената, она имела обшарпанный вид. Не спасали даже замечательные фрески на стенах. Курциево озеро, священные деревья, изображение Сципиона Африканского наверху высокого столба, носы захваченных кораблей, прибитые к колоннам, статуи, статуи, изобилие статуй на внушительных постаментах – и с гневным выражением лица, как у Аппия Клавдия Цека, и самодовольные и невозмутимые, как лукавый и неподражаемый старый Скавр, принципс сената. Каменные плиты Священной дороги были более изношены, чем мостовые вокруг (Сулла заново замостил улицы, но согласно *mos maiorum* любое улучшение этой дороги запрещалось). На дальней стороне открытого пространства, занятой двумя-тремя трибуналами, стояли две безвкусные базилики Опимия и Семпрония, а слева от них – великолепный храм Кастора и Поллукса. Как римлянам удавалось проводить собрания и суды среди нагромождения стольких строений, оставалось загадкой, но они проводились – всегда проводились и будут проводиться.

С северной стороны виднелась громада двойной вершины Капитолия, один горб выше другого; множество храмов, яркие колонны, цоколи, позолоченные статуи на крышах, покрытых оранжевой черепицей. Новый храм Юпитера Всеблагого Всесильного все еще строится,

недовольно заметил Цезарь (старый сгорел дотла несколько лет назад). Катул не торопится, ему все равно, когда закончат строительство храма. Но огромный архив, Табуларий Суллы, был уже возведен и возвышался в центре переднего склона. Внушительное сооружение со сводчатыми этажами и галереями, способное вместить все архивы Рима, законы, бухгалтерские книги. А в нижней части Капитолия располагались другие общественные здания: храм Согласия, а рядом с ним – маленький старый Сенакул, в котором сенат принимал иностранные делегации.

Место, куда направлялся Цезарь, находилось рядом с залом заседаний и разделяло Яремную улицу и Капитолийский спуск. Там стоял храм Сатурна, очень старый, большой, в строгом дорическом стиле, если не считать ярких красок, покрывавших его стены и колонны. Это было местопребывание древней статуи бога, которую требовалось смазывать маслом и пеленать в ткани, чтобы она не развалилась. К тому же – и это было настоящей целью Цезаря – здесь размещалось казначейство Рима.

Сам храм был расположен на подиуме высотой в двадцать ступеней. Внутри этой каменной глыбы имелся настоящий лабиринт коридоров и комнат. Часть из них занимало хранилище законов, запечатленных на камне или в бронзе. Неписаная конституция Рима требовала, чтобы там сберегались все законы, но время и избыток таблиц диктовали новые условия: когда в хранилище вносили новый закон, один из старых законов убирал в другое место.

Значительно большее пространство было отведено казначейству. Здесь, в комнате за большой железной дверью, хранилась римская казна, в виде слитков золота и серебра стоимостью в много тысяч талантов. Здесь, в конторах, тускло освещенных мерцающим светом масляных ламп и забранных решетками окошек, проделанных высоко в наружных стенах, трудились несколько служащих, которые занимались бухгалтерией Рима, – от самых старших, именуемых *tribuni aerarii*, до скромных писарей и государственных рабов, которые подметали полы, но обычно ухитрялись не замечать паутины, висящей на стенах.

Рост римских провинций и доходов давно уже сделал храм Сатурна слишком маленьким для фискальных дел, но римляне не хотели менять некогда определенные места правительственных учреждений, поэтому казначейство оставалось в храме Сатурна. Основной запас монет и слитков перенесли в другие хранилища, оборудованные в подвалах других храмов.

Бухгалтерские книги за все годы, кроме нынешнего, перенесли в Табуларий Суллы. Места стало больше – и, как следствие, должностные лица казначейства и мелкие чиновники тотчас размножились. Еще одно проклятие Рима – государственные служащие. Но в конце концов, казна есть казна. Деньги необходимо правильно размещать, следить за оборотом, получать прибыль, даже если это означает огромное количество работников.

Свита Цезаря осталась стоять, глядя сияющими глазами на своего патрона. Эти люди чувствовали гордость оттого, что они – его клиенты. А Цезарь поднялся к большой резной двери в боковой стене подиума храма Сатурна. На нем была свежая тога с широкой пурпурной полосой сенатора на правом плече, на голове – венец из дубовых листьев, потому что это было его публичное появление, а на публике Цезарь обязан носить свой знак отличия. Кто-нибудь другой мог жестом приказать сопровождающему постучать в дверь, но Цезарь сделал это сам и подождал, пока дверь откроется. Наружу просунулась чья-то голова.

– Гай Юлий Цезарь, квестор провинции Дальняя Испания при наместнике Гае Антистии Вете, желает представить отчеты своей провинции, как требует того закон и обычай, – спокойно объяснил он.

Его пустили, дверь закрылась. Клиенты остались ждать на свежем воздухе.

– Ты ведь только вчера вернулся? – спросил Марк Вибий, глава казначейства, когда Цезаря сопровождали в его плохо освещенный кабинет.

– Да.

– Ты же знаешь, что с этими делами нет нужды торопиться.

– Что касается меня, то такая нужда есть. Моя квесторская служба не закончится, пока я не представлю отчеты.

Вибий заморгал:

– Ну, тогда за дело!

Цезарь вынул из складок тоги семь свитков, каждый с двумя печатями: одна – кольцо Цезаря, другая – кольцо Антистия Вета. Вибий хотел сломать печати на первом свитке, но Цезарь остановил его.

– В чем дело, Гай Юлий? – удивился глава казначейства.

– Здесь нет свидетелей.

– Ну, обычно мы не беспокоимся о таких пустяках, – сказал Вибий, криво улыбнувшись, и взял свиток.

Цезарь протянул руку и крепко сжал его запястье.

– Я настоятельно советую вам отныне начать беспокоиться о таких пустяках, – спокойно сказал он. – Это официальные отчеты о моей работе в должности квестора в Дальней Испании, и я требую присутствия свидетелей. Если сейчас нельзя найти подходящих людей, тогда назначь любое удобное время, и я приду снова.

Атмосфера в комнате изменилась – стала ледяной.

– Конечно, Гай Юлий.

Первые четыре свидетеля Цезарю не понравились, и только после того, как пришли двенадцать человек, были выбраны четверо, одобренных Цезарем. Тогда Цезарь стал отчитываться, причем в таком темпе и с таким блеском, что Вибий был поражен. Он не привык к тому, что квесторы вообще что-то понимают в бухгалтерии и уж тем более обладают такой памятью. Цезарь сыпал цифрами, не заглядывая в записи. К тому времени как Цезарь закончил, с Вибия градом катил пот.

– Честное слово, никогда не видел, чтобы квестор так хорошо отчитался, – сказал он, вытирая со лба пот. – Прекрасно, Гай Юлий. Дальняя Испания должна благодарить тебя за то, что ты привел в порядок такую груду неразберихи.

Это было сказано с примирительной улыбкой. Вибий начинал понимать, что этот высокомерный парень намерен стать консулом, так что не мешает вовремя польстить ему.

– Если все в порядке, мне нужна официальная бумага от тебя, подтверждающая это. И подписанная свидетелями.

– Я и хотел это сделать.

– Отлично! – ответил Цезарь, довольный.

– И когда придут деньги? – спросил Вибий, провожая к выходу своего неудобного посетителя.

Цезарь пожал плечами:

– Это в мою компетенцию не входит. Думаю, наместник привезет все деньги с собой, когда закончится срок его службы.

Вибий не смог скрыть разочарования.

– Разве это не типично? – задал он риторический вопрос. – То, что должно принадлежать Риму уже в этом году, будет оставаться у Антистия Вета так долго, что он успеет пустить деньги в оборот и получить прибыль.

– Это вполне законно, и не мое дело критиковать Антистия Вета, – тихо проговорил Цезарь, выходя на Форум и жмурясь от яркого солнца.

– Ave, Гай Юлий! – резко попрощался Вибий и захлопнул дверь.

За тот час, пока длился отчет, Форум заполнился людьми, многие торопились закончить свои дела до обеденного часа. Среди новых лиц Цезарь с сожалением заметил одно, принадлежавшее Марку Кальпурнию Бибулу. Тому самому Бибулу, которого он когда-то легко поднял и посадил на шкаф в присутствии шести товарищей, а потом вдобавок обозвал блохой. И не без причины! С первого взгляда они возненавидели друг друга. Время от времени такое случается между молодыми людьми. Бибул нанес Цезарю оскорбление, за которое полагается физическое возмездие. Однако для Бибула эта выходка была безопасной: маленький рост негодяя не позволял Цезарю ударить его. Бибул намекнул на то, что Цезарь получил от вифинского царя Никомеда великолепный флот лишь потому, что не погнушался переспать со старым греховодником. При других обстоятельствах Цезарь, возможно, и сдержался бы, но Бибул позволил себе грязные намеки сразу же после аналогичного заявления полководца Лукулла. Дважды – это уж слишком! И Бибул взлетел на шкаф, сопровождаемый несколькими язвительными словами. Это произошло в начале почти годичного пребывания Цезаря с Бибулом в одном помещении. Их совместная жизнь длилась до тех пор, пока Рим – в лице Лукулла – не показал Митилене на Лесбосе, что какой-то город не смеет бросать вызов своему сюзеру.

Точки над «i» расставлены. Бибул – враг.

За десять лет, что минули с тех пор, Бибул не изменился, подумал Цезарь, когда к ним приблизились несколько человек, в числе которых находился Бибул. Представители иной ветви Кальпурниев, прозванных Пизонами, все были очень высокими, а вот Кальпурнии Бибулы (что означало «Впитывающие», то есть любящие выпить) разительно отличались от своих родственников. Римским аристократам нетрудно определить, к какой ветви славной семьи принадлежит Бибул Блоха. Он был не просто маленьким, он был миниатюрным, а его бледное лицо казалось бесцветным. Выступающие скулы, белесые волосы, невидимые брови, пара серебристо-серых глаз. Не столько неприятная, сколько пугающая внешность.

Бибул был не один, и сопровождали его не только клиенты. Рядом с ним шагал очень заметный человек, у которого не было туники под тогой, – молодой Катон, судя по рыжей масти и гигантскому носу. Да, такая дружба вполне объяснима. Бибул женат на Домиции, двоюродной сестре зятя Катона, Луция Домиция Агенобарба. Удивительно, как все неприятные люди держатся вместе, даже с помощью брачных союзов. А поскольку Бибул был одним из *boni*, нет сомнения, что и полуголый Катон принадлежит к этой партии.

– Гуляешь в поисках тени, Бибул? – ласково спросил Цезарь, когда они встретились, и перевел взгляд со своего старого врага на его рослого компаньона, который действительно отбрасывал тень на Бибула.

– Подожди, Катон всех нас оставит в тени, – холодно ответил Бибул.

– В этом отношении ему очень поможет нос, – сказал Цезарь.

Катон нежно погладил свой выдающийся нос, совсем не обидевшись, но и не повеселев. Он был обделен чувством юмора.

– Меня никто ни с кем не спутает, – сказал он.

– Это правда, – согласился Цезарь, глядя на Бибула. – Планируешь выдвинуться на какую-нибудь должность?

– Только не я!

– А ты, Марк Катон?

– В военные трибуны, – коротко ответил Катон.

– Хорошо сделаешь. Я слышал, ты завоевал много наград, служа под командованием Попликолы в войне против Спартака.

– Это правда! – прервал его Бибул. – Не все в армии Попликолы были трусами.

Красивые брови Цезаря взметнулись вверх.

– Я этого не говорил.

– А тебе и не требуется что-то говорить. Ты выбрал Красса в той кампании.

– У меня не было выбора. И у Катона не будет, когда он станет военным трибуном. Военные магистраты идут туда, куда направляет их Ромул.

На этом разговор и закончился. К Цезарю почти тотчас приблизилась еще одна пара. По крайней мере, эти люди были ему намного приятнее: Аппий Клавдий Пульхр и Марк Туллий Цицерон.

– Я вижу, ты опять голый, Катон? – весело воскликнул Цицерон.

Бибул не выдержал и ушел вместе с Катоном.

– Удивительно, – заговорил Цезарь, глядя вслед удалявшемуся Катону, – почему без туники?

– Он утверждает, это входит в *mos maiorum*, и пытается убедить всех нас вернуться к старым порядкам, – пояснил Аппий Клавдий, типичный представитель своей семьи – смуглый, среднего роста, приятной наружности. Он похлопал Цицерона по животу и усмехнулся. – Это хорошо для таких людей, как он и Цезарь, но не думаю, что демонстрация твоей шкуры произведет впечатление на присяжных!

– Чистая показуха, – проворчал Цицерон. – С возрастом пройдет.

Черные умные глаза весело посмотрели на Цезаря.

– А я помню времена, когда твои портняжные изыски огорчали некоторых *boni*, Цезарь. Пурпурная кайма на длинных рукавах... помнишь?

Цезарь засмеялся:

– Мне было скучно. В то время мне хотелось позлить Катула.

– И это действительно его раздражало! Как предводитель *boni*, Катул воображал себя хранителем обычаев и традиций Рима.

– Кстати, о Катуле. Когда он планирует закончить строительство храма Юпитера Всеблагого Всесильного? Я не вижу никакого прогресса.

– Храм был освящен год назад, – отозвался Цицерон. – А когда можно будет им пользоваться, неизвестно. Сулла поставил беднягу в очень жесткие финансовые условия, ты же знаешь. Большую часть средств ему приходится выуживать из собственного кошелька.

– Он может себе это позволить. Он так уютно сидел в Риме, делая деньги при Цинне и Карбоне, пока Сулла был в изгнании! И Сулла отомстил – поручил Катулу вновь отстроить храм.

– Да уж! Хотя Суллы уже десять лет нет на свете, а все до сих пор помнят, как он мстил.

– Он был Первым Человеком в Риме, – сказал Цезарь.

– А теперь у нас есть Помпей Магн, претендующий на этот титул, – с нескрываемым презрением заметил Аппий Клавдий.

Что мог сказать по этому поводу Цезарь, так никто и не узнал, потому что заговорил Цицерон:

– Я очень рад, что ты вернулся в Рим, Цезарь. Гортензий безнадежно устарел, он уже не тот с тех пор, как я выиграл в деле Верреса. И я не прочь посоревноваться с тобой в суде.

– Устарел? В сорок семь лет? – удивился Цезарь.

– Он прожигает жизнь, – пояснил Аппий Клавдий.

– Люди того круга все так живут.

– В данный момент я бы не сказал этого о Лукулле.

– Это правда. Ведь ты совсем недавно служил с ним на Востоке, – сказал Цезарь и кивнул своей свите, готовый продолжить путь.

– Я рад, что больше не служу с ним, – произнес Аппий Клавдий с явным облегчением и хихикнул. – Однако я послал Лукуллу замену!

– Замену?

– Моего братца, Публия Клодия.

– О, это ему очень понравится! – засмеялся Цезарь.

Цезарь покинул Форум, примирившись с мыслью о том, что следующие несколько лет придется провести в Риме. Будет нелегко, вот что ему нравилось. Катул, Бибул и прочие *boni* сделают все, чтобы ему досадить. Но у него имеются и друзья. Аппий Клавдий не связан с этой фракцией и, как патриций, будет на стороне товарища-патриция.

А вот как поведет себя Цицерон? Блестящий ум и новации этого талантливого оратора привели к тому, что Гай Веррес вынужден был скрыться навсегда, но все знали, что Цицерону очень тяжело: у него нет предков, о которых можно сказать хоть что-то достойное. *Novus homo*, «новый человек». Первый из своей вполне достойной сельской семьи, который заседает в сенате. Он родился в том же округе, что и Гай Марий, и даже приходился ему родственником. Но какой-то изъян в натуре Цицерона не позволял ему признать тот факт, что вне стен сената большая часть Рима все еще боготворила память Гая Мария. Поэтому Цицерон не стал извлекать выгоду из этого родства. Он избегал всякого упоминания о своем арпинском происхождении и пытался делать вид, будто он – самый настоящий римлянин. У него даже имелись в атрии восковые маски предков, но на самом деле они принадлежали семье его жены, Теренции. Как и Гай Марий, Цицерон вошел в аристократическое общество благодаря браку и рассчитывал, что связи Теренции помогут ему стать консулом.

В отличие от своего родственника Гая Мария, Цицерон был карьеристом, отчаянно карабкавшимся по социальной лестнице. Гай Марий женился на старшей сестре отца Цезаря, его любимой тете Юлии. По той же причине Цицерон женился на некрасивой Теренции. Однако для Мария консульство было лишь способом получить высший командный пост, и ничем больше, в то время как Цицерон считал консульство пределом своих мечтаний. Марий хотел быть Первым Человеком в Риме. Цицерон жаждал принадлежать к высшей знати этого города. О, он добьется своего! В судах он не имел себе равных. Как следствие, он окружил себя внушительным числом благодарных негодяев, которые обладали колоссальным влиянием в сенате. Не говоря уже о том, что Цицерон был величайшим оратором в Риме и, следовательно, к его помощи прибегали влиятельные люди, желая, чтобы он выступал от их имени.

Цезарь не был снобом и потому охотно признавал заслуги Цицерона. Цезарь надеялся заполучить этого человека в свою фракцию. Беда заключалась в том, что Цицерон был неизлечимо нерешителен. Этот огромный ум усматривал повсюду такое множество потенциальных опасностей, что в конце концов робость не позволяла ему принять решение. Для Цезаря, который никогда не позволял страху одерживать верх над собой, робость была худшим из недо-

статков. Если Цезарю удастся привлечь на свою сторону Цицерона, его политическая жизнь будет гораздо легче. Но поймет ли Цицерон выгоду такого союза? Одним богам известно.

К тому же Цицерон беден, а у Цезаря неостанется денег, чтобы купить его. Единственным источником дохода знаменитого оратора – помимо земель в Арпине – являлась его жена. Теренция очень богата. Но к сожалению, она сама управляла своими деньгами и отказалась потакать любви Цицерона к произведениям искусства и загородным виллам. О, деньги! Деньги устраняют так много трудностей, особенно для того, кто хочет стать Первым Человеком в Риме. Посмотрите на Помпея Великого, хозяина несметных богатств! Он попросту купил себе сторонников, в то время как у Цезаря, несмотря на всех его выдающихся предков, нет возможности оплатить голоса избирателей. В этом отношении он и Цицерон равны. Если что-то и могло одержать над ним верх, думал Цезарь, так это отсутствие денег.

На следующее утро Цезарь отпустил своих клиентов сразу после утренних приветствий и в одиночестве направился по улице Патрициев в квартиру, которую арендовал в инсуле, расположенной между красильней Фабриция и субурскими банями. Эта квартирка стала для него убежищем после возвращения с войны против Спартака. Иной раз женское общество матери, жены и дочери становилось ему тягостным. Все в Риме привыкли к шуму, даже те, кто жил в просторных домах на Палатине или в Каринах. Рабы кричали, пели, смеялись и ссорились, младенцы плакали, малыши вопили, женщины без усталости болтали, если не ссорились и не жаловались. Это было нормально и едва ли беспокоило большинство мужчин – глав семейств. Но Цезаря раздражали посторонние звуки, потому что он любил быть один и у него не хватало терпения на то, что он считал пустяками. Будучи истинным римлянином, Цезарь не пытался изменить свое домашнее окружение, запретив шум и вторжение женщин. Ему легче было избежать их, подыскав себе убежище на стороне.

Цезарю нравились красивые вещи, поэтому те три комнаты, которые он арендовал на третьем этаже инсулы, тотчас наполнились ими. Его единственный настоящий друг, Марк Лициний Красс, со страстью скупал разного рода движимое и недвижимое имущество. И вот однажды Красс, в порыве щедрости, очень дешево продал Цезарю мозаичное покрытие для пола, чтобы украсить те две комнаты, которые Цезарь занимал сам. Когда Красс купил дом Марка Ливия Друза, ему не понравились мозаики. Но вкус Цезаря был безупречен. Он не встречал ничего лучшего из произведенного за последние пятьдесят лет. Кроме того, Красс собирался использовать квартиру Цезаря, чтобы обучить неопытных рабов, которых он натащивал в таких ценных и дорогостоящих ремеслах, как оштукатуривание, золочение лепнины и пилястров, роспись стен (что было очень выгодно).

И когда Цезарь вошел в свою новую квартиру, он остался очень доволен великолепной отделкой комнат: кабинета, одновременно служившего гостиной, и спальни. Хорошо, превосходно! Луций Декумий в точности выполнил все его указания и поставил несколько новых предметов мебели именно в тех местах, где хотел Цезарь. Мебель подобрали в Дальней Испании и заранее доставили на корабле в Рим: гладкий консольный стол из красноватого мрамора с ножками в виде львиных лап; позолоченное ложе, покрытое пурпурным тирским ковром; два великолепных кресла. В спальне, заметил он с удовольствием, стояла новая кровать, о которой упоминал Луций Декумий, – огромная конструкция из черного дерева и позолоты, также покрытая тирским пурпуром. Кто, глядя на Луция Декумия, догадался бы, что его вкус совпадал со вкусом Цезаря?

Хозяин этого великолепия не потрудился проверить третью комнату, которая в действительности представляла собой часть балкона, опоясывавшего внутреннюю сторону светового колодца. С двух сторон она была отделена от соседей стенами. Третья сторона тоже была закрыта ставнями, пропускающими воздух, но не позволяющими любопытным заглянуть внутрь. Там имелись бронзовая ванна, бак для воды и ночной горшок. Кухни не было. Цезарь не хотел

нанимать слугу, который будет жить в квартире. За чистотой следили слуги Аврелии, которых Евтих регулярно присылал, чтобы вылить воду из ванны, наполнить свежей водой бак и вычистить горшок, а также постирать белье, подмести пол и вытереть пыль.

Луций Декумий уже находился там. Сидя на высоком ложе и свесив ноги так, чтобы не касаться причудливого тритона на полу, он пробежал глазами свиток, который держал в руках.

– Проверяешь отчет коллегии перед тем, как отдать городскому претору? – спросил Цезарь, закрывая дверь.

– Что-то вроде этого, – ответил Луций Декумий, бросив свиток в сторону.

Цезарь пересек комнату, чтобы посмотреть на цилиндр водяных часов:

– Если верить этому маленькому животному, пора спускаться вниз, папа. Вероятно, она не будет очень пунктуальной, если, конечно, Силану не по душе хронометры. Но все же эта матрона не производит впечатления особы, которая не дорожит временем.

– Ты не захочешь, чтобы я оставался здесь, Павлин, поэтому я только впихну ее в дверь и сразу же уйду, – обещал Луций Декумий и вышел.

Цезарь сел за стол написать письмо царице Орадалтис в Вифинию. Писал он так же быстро, как делал все остальное. Однако едва Цезарь успел положить перед собой лист бумаги, как дверь открылась и вошла Сервилия. Его мнение было правильным: она дорожила временем.

Поднявшись, он обошел стол, чтобы поздороваться с ней. Она протянула ему руку так, как это обычно делает мужчина, желая обменяться рукопожатием. Цезарь взял ладонь Сервилии с осторожностью и чуть стиснул тонкие косточки. Возле его стола уже стояло кресло, хотя до прихода Сервилии он еще не принял решения, разговаривать с ней через стол или уютно расположиться поближе к гостье. Его мать права: Сервилия – загадка. Поэтому Цезарь проводил ее к креслу, стоящему напротив стола, а после вернулся на свое место. Положив руки на столешницу, он с серьезным видом посмотрел на визитершу.

Сервилия хорошо выглядит для своих почти тридцати семи лет, решил он, и со вкусом одета в ярко-красное платье. Цвет опасно граничил с любимыми расцветками проституток, и все же одежда матроны выглядела вполне благопристойной. Да, она умна! Густые волосы – такие темные, что на свету они скорее отливали синевой, чем рыжиной, – были зачесаны назад. Разделенные прямым пробором, они закрывали верхнюю часть ушей и соединялись на затылке в пучок. Необычно, но, опять же, весьма строго. Маленький рот с чуть поджатыми губами, чистая белая кожа, черные глаза под тяжелыми веками с длинными, загнутыми вверх ресницами. Брови, заподозрил он, сильно выщипаны, и – что интереснее всего – чуть отвисшая правая щека. Как и у ее сына Брута, насколько он заметил раньше.

Настало время прервать молчание, поскольку казалось, она не собирается этого делать.

– Чем я могу быть тебе полезен, *domina*? – официально осведомился Цезарь.

– Децим Силан – наш *paterfamilias*, Гай Юлий, но существуют определенные вопросы, связанные с моим покойным первым мужем Марком Юнием Брутом, которые я предпочитаю решать сама. Мой нынешний муж не очень хорошо себя чувствует, поэтому я стараюсь избавить его от лишних хлопот. Важно, чтобы ты правильно понял мои действия, поскольку может показаться, что я покушаюсь на права *paterfamilias*, – проговорила она еще более официально.

Выражение деланого интереса на его лице не изменилось с того момента, как он сел. Цезарь просто слегка откинулся на спинку кресла.

– Я пойму правильно, – обещал он.

Нельзя сказать, что при этих словах она успокоилась. С момента появления в кабинете она выглядела вполне спокойной. И все же в ее поведении появилось чуть больше уверенности. Это было заметно по глазам.

– Позавчера ты видел моего сына, Марка Юния Брута, – сказала она.

– Приятный мальчик.

- Я тоже так думаю.
- Но официально пока еще ребенок.
- Да, еще несколько месяцев. Но дело, по которому я пришла, касается его, и он настаивает, что оно не терпит отлагательств. – Чуть заметная улыбка мелькнула в левом уголке ее рта, который, когда она говорила, был более подвижен, чем правый. – Молодость импульсивна.
- Мне он не показался импульсивным.
- В большинстве случаев он такой и есть.
- Значит, я должен сделать вывод, что ты пришла по поручению молодого Марка Юния Брута?
- Да, это так.
- Ну что ж, – глубоко вздохнув, молвил Цезарь, – следуя протоколу нашей беседы, вероятно, теперь ты должна рассказать мне, чего же он хочет.
- Он хочет жениться на твоей дочери Юлии.
- «Потрясающий самоконтроль!» – мысленно аплодировала Сервилия, не заметив никакой реакции в его глазах, лице, теле.
- Но ей всего восемь лет, – сказал Цезарь.
- И он еще не достиг совершеннолетия. Но он желает этого брака.
- Он может передумать.
- Я тоже сказала ему об этом. Но он уверяет, что не изменит решения, и в конце концов убедил меня в серьезности своих намерений.
- Сомневаюсь, что я хочу прямо сейчас обручить Юлию.
- А почему бы и нет? Обе мои дочери уже помолвлены, а они моложе Юлии.
- Приданое у Юлии небольшое.
- Это не новость для меня, Гай Юлий. Но состояние моего сына весьма велико. Ему нет нужды искать богатую невесту. Его отец очень хорошо обеспечил его. А кроме того, он – наследник Силана.
- Ты еще можешь иметь другого сына от Силана.
- Возможно.
- Но маловероятно?
- Силан плодит девочек.
- Цезарь подался вперед, сохраняя равнодушный вид:
- Объясни мне, Сервилия, почему я должен согласиться на этот союз?
- Брови ее взлетели вверх.
- Я думала, это очевидно! Неужели Юлия сможет найти себе мужа более высокого происхождения? С моей стороны Брут – патриций Сервилий, со стороны отца его предок – Луций Юний Брут, основатель Республики. Все это тебе известно. Состояние у него великолепное, политическая карьера определенно приведет его к консульству, и теперь, когда цензорская должность восстановлена, он может закончить жизненный путь цензором. У него кровное родство с Рутилиями, Сервилиями Цепионами и Ливиями Друзами. К тому же не забывай об *amicitia*, существующей благодаря преданности деда Брута твоему дяде по браку Гаю Марию. Я понимаю, ты – близкий родственник семьи Суллы, но ни моя семья, ни мой муж не ссорились с Суллой. Твое собственное различное отношение к Марию и Сулле выражено более явно, чем у любого из Брутов.
- Ты аргументируешь, как заправский адвокат! – оценил Цезарь и наконец улыбнулся.
- Принимаю это как комплимент.
- Да, это комплимент.
- Цезарь встал, обошел стол и протянул руку, чтобы помочь Сервилии подняться.
- Ответа я не получу, Гай Юлий?
- Ответ ты получишь, но не сегодня.

– Когда? – спросила она, направляясь к двери.

Еле уловимый соблазнительный запах духов исходил от тела Сервилиии, шедшей впереди Цезаря, который уже готов был сказать ей, что даст ответ после выборов. И вдруг он заметил нечто, что заставило его захотеть увидеть ее снова. И прежде, чем состоятся выборы. Хотя платье матроны было полностью закрытым, как требовали приличия, спинка чуть отвисала, оголяя шею и позвоночник до середины лопаток. И там узенькой дорожкой рос черный пушок, спускаясь по шее и исчезая в глубинах одежды. Он вовсе не выглядел грубым, скорее похожим на шелк и не стоял дыбом, а беспорядочно лежал на ее белой коже, потому что тот, кто вытирал ей спину после ванны, не позаботился пригладить волоски и уложить их вдоль позвонков. О, этот капризный пушок просто умолял уделить ему внимание!

– Приходи завтра, если это удобно, – сказал Цезарь, обгоняя ее, чтобы открыть дверь.

На лестничной площадке сопровождающего не оказалось, поэтому Цезарь провел ее до вестибула. Но когда он хотел проследовать за ней на улицу, Сервилия остановила его.

– Благодарю, Гай Юлий. Дальше не надо провожать, – сказала она.

– Ты уверена? Здесь не лучшие места для прогулок матроны.

– У меня имеются спутники. До завтра.

И он побежал обратно, вверх по ступеням, к последним мгновениям еле уловимого запаха духов и к ощущению оглушительной пустоты комнаты. Так пусто там еще никогда не было. Сервилия... Непостижимая, многослойная, и каждый слой тверд по-разному – железо, мрамор, базальт и алмаз. Совсем не милая. И не женственная, несмотря на большую и красивую грудь. Отвернешься от нее – жди беды, ибо, в его представлении, у нее два лица, как у Януса: одно – чтобы видеть, куда она идет, а другое – чтобы наблюдать за тем, кто ступает следом. Абсолютное чудовище. Неудивительно, что все говорили, будто Силан сдает все больше и больше. Никакой *paterfamilias* не решится просить за Брута. Она могла и не объяснять этого. Ясно, что Сервилия сама управляет своими делами, включая и сына, что бы ни говорил закон. Интересно, помолвка с Юлией – ее идея или это действительно исходит от Брута? Аврелия может знать. Цезарь немедленно пойдет домой и расспросит мать.

И он поспешил домой, продолжая думать о Сервилиии: каково будет привести в порядок тонкую дорожку черного пушка, бегущую вдоль всего ее позвоночника.

– Мама, – влетел он в ее рабочую комнату, – мне нужна срочная консультация, прерви свои дела и приходи в мой кабинет!

Аврелия отложила перо и с удивлением посмотрела на Цезаря.

– Сегодня день ежемесячного сбора ренты, – напомнила она.

– Мне все равно, даже если это день квартальной выплаты.

Он исчез, едва закончив фразу и оставив Аврелию в состоянии шока. Это не похоже на Цезаря! Какой демон в него вселился?

– Ну? – осведомилась она, входя в его таблиний.

Он стоял, заложив руки за спину и перекатываясь с пяток на носки. Его тога валялась на полу. Она подняла ее и выбросила в столовую, потом прикрыла за собой дверь.

Какой-то момент Цезарь словно не замечал ее присутствия, а потом вздрогнул, посмотрел на мать с изумлением и... неужели приятным возбуждением? Потом сын приблизился к Аврелии и усадил в ее любимое кресло.

– Дорогой мой Цезарь, ты можешь стоять спокойно, если уж не в силах сидеть? Ты похож на уличного кота, почуявшего кошку.

Это показалось ему очень смешным. Он расхохотался:

– Вероятно, я и чувствую себя как уличный кот, почуявший кошку.

Забыв день платежей. Аврелия поняла, с кем только что разговаривал Цезарь.

– Ого! Сервилия!

– Сервилия, – подтвердил он и сел, вдруг став серьезным.

- Мы влюбились? – поставила диагноз мать.
- Он подумал, покачал головой:
- Сомневаюсь. Возможно, это просто сильное желание, хотя я и в этом не уверен. Думаю, она мне даже не понравилась.
- Многообещающее начало. Тебе все наскучило.
- Правильно. Мне надоели все эти женщины, которые с обожанием глазеют на меня и ложатся, позволяя вытирать о них ноги.
- Она тебе этого не позволит, Цезарь.
- Я знаю, я знаю.
- Почему она хотела тебя видеть? Начать роман?
- О, до этого мы не дошли, мама. Фактически я не имею никакого понятия, взаимно ли мое желание. Может быть, и нет, потому что оно возникло, когда она повернулась, чтобы уйти.
- Еще интереснее! И чего же она хотела?
- Догадайся, – усмехнулся он.
- Не играй со мной в отгадки!
- Не догадываешься?
- Я даже не собираюсь отгадывать, Цезарь. Если ты не перестанешь вести себя как десятилетний ребенок, я уйду.
- Нет-нет, останься, мама, я буду вести себя хорошо. Просто так приятно встретиться с вызовом, с маленькой *terra incognita*.
- Да, это я понимаю, – сказала она и улыбнулась. – Расскажи мне.
- Она пришла от имени молодого Брута. Просить моего согласия на помолвку Брута с Юлией.
- Это был сюрприз. Аврелия даже заморгала:
- Как удивительно!
- Вопрос в том, мама, чья это идея: ее или Брута?
- Аврелия склонила голову набок и стала думать. Наконец она кивнула и сказала:
- Скорее, Брута. Когда горячо любимая внучка – совсем ребенок, обычно подобного не ждешь, но, если подумать, признаки были. Он смотрит на нее, как глупая овца.
- Сегодня ты сыплешь замечательными сравнениями, мама, и все связаны с животными! От уличных котов до овец.
- Перестань веселиться, даже если ты испытываешь вожделение к матери этого мальчика. Будущее Юлии имеет слишком большое значение.
- Он мгновенно стал серьезным:
- Да, конечно. На первый взгляд это замечательное предложение, даже для Юлии.
- Я согласна, особенно сейчас, когда твоя политическая карьера приближается к зениту. Помолвка с Юнием Брутом, чья мать – из семьи Сервилия Цепиона, даст тебе огромную поддержку среди *boni*, Цезарь. На твоей стороне будут все Юнии, все Сервилии, и патриции, и плебеи, а также Гортензии, некоторые из Домициев, несколько Цецилиев Метеллов... Даже Катул вынужден будет замолчать!
- Заманчиво, – проговорил Цезарь.
- Очень заманчиво, если, конечно, мальчик серьезен в своем намерении.
- Его мать заверила меня в том, что он крайне серьезен.
- Я верю этому. Он не показался мне человеком, постоянно меняющим свои взгляды. Очень сдержанный и осмотрительный.
- Но вот понравится ли это Юлии? – хмурясь, промолвил Цезарь.
- Аврелия подняла брови:
- Странно слышать это от тебя. Ты – ее отец, тебе решать, за кого она выйдет замуж. И ты никогда не давал ей повода надеяться, что разрешишь ей выйти замуж по любви. Она

имеет слишком большое значение. Она – твой единственный ребенок. Юлия сделает то, что ей скажут. Я воспитала ее так, чтобы она понимала: в таких вещах, как брак, у нее нет права голоса.

– Но я хотел бы, чтобы идея брака с Брутом не была ей противна.

– Обычно ты не сентиментален, Цезарь. Значит ли это, что тебе самому этот юноша не слишком по душе? – вдруг спросила проникательная Аврелия.

Цезарь вздохнул:

– Отчасти, быть может. О, нельзя сказать, что он вызвал у меня такую же неприязнь, как его мать. Просто он занудливый, как унылая собака.

– Что за звериное сравнение!

Он коротко засмеялся:

– Юлия – такая прелестная малышка. И такая живая. Ее мать и я – мы были так счастливы... Я хотел бы видеть и дочь счастливой в браке.

– Из зануд получают неплохие мужья, – заметила Аврелия.

– Значит, ты – за их союз.

– Да. Если мы упустим этот шанс, другого такого же может не представиться. Его сестры уже заполучили молодого Лепида и старшего сына Ватии Исаврийского, так что двоих подходящих претендентов мы лишились. Возможно, ты лучше отдашь ее сыну Клавдия Пульхра или Цецилия Метелла? А может, сыну Помпея Магна?

Цезаря так и передернуло.

– Ты абсолютно права, мама. Лучше унылая собака, чем хищный волк или шелудивая дворняжка! Сказать честно, я надеялся на кого-нибудь из сыновей Красса.

Аврелия фыркнула:

– Красс – твой хороший друг, Цезарь, но ты отлично знаешь, что он никому из своих сыновей не позволит жениться на девушке без значительного приданого.

– Ты опять права, мама. – Цезарь хлопнул себя по коленям – верный знак, что он принял решение. – В таком случае пусть будет Марк Юний Брут! Кто знает? Вдруг он превратится в неотразимого красавца, как Парис, когда минует пора прыщей!

– Я очень хочу, чтобы ты не был таким легкомысленным, Цезарь! – произнесла его мать, поднимаясь, чтобы вернуться к своим бухгалтерским книгам. – Это помешает твоей карьере на Форуме, как иногда мешает карьере Цицерона. Бедный мальчик никогда не будет ни красивым, ни решительным.

– В таком случае, – совершенно серьезно сказал Цезарь, – ему повезло. Чересчур красивым людям обычно не доверяют.

– Если бы женщины могли голосовать, – лукаво заметила Аврелия, – это положение вещей изменилось бы очень скоро. Каждый смазливый Меммий становился бы царем Рима.

– Не говоря уже о каждом Цезаре, да? Спасибо, мама, но я предпочитаю оставить все так, как есть.

Вернувшись домой, Сервилия не сообщила о своем разговоре с Цезарем ни Бруту, ни Силану. Не сказала она и о том, что завтра опять пойдет к нему. В большинстве домов новости распространяются через слуг, но только не через слуг Сервилиии. Два грека, которых она брала для сопровождения всякий раз, когда куда-нибудь отправлялась, служили у нее давно и отлично знали: лучше не болтать о хозяйке, даже среди соотечественников. История о няне, которую Сервилия выпорола, а потом распяла за то, что та уронила малютку Брута, последовала за госпожой из дома Брута в дом Силана, и все знали, что Силан не способен противостать жене. С тех пор никого больше не распинали, но пороли часто, и это обеспечивало мгновенное повиновение и постоянное молчание. В этом доме рабов не освобождали, чтобы

те могли нахлобучить войлочную шапку свободы и называть себя вольноотпущенниками. Раб, проданный Сервилию, оставался рабом навеки.

Поэтому два грека, проводив на следующее утро госпожу в нижний конец улицы Патрициев, даже не пытались посмотреть, что находится в здании, куда она отправилась, и даже не мечтали о том, чтобы потом пробраться наверх и подслушать у дверей или заглянуть в замочную скважину. Конечно, они не подозревали матрону в связи с каким-нибудь мужчиной. Сервилия была слишком хорошо известна. В этом отношении ее репутация оставалась безупречной. Она была гордячкой. От равных ей по происхождению до самых ничтожных слуг – любой знал: даже Юпитера Всеблагого Всесильного Сервилия считает ниже себя.

Может быть, случись Великому Богу положить глаз на Сервилию, он и получил бы от ворот поворот, но любовная связь с Гаем Юлием Цезарем определенно занимала ее мысли, представляясь весьма желанной, когда она в одиночестве поднималась по лестнице. На этот раз того странного и довольно шумного маленького человечка нигде не было видно, и Сервилия отметила это. Поначалу ей не приходила в голову мысль о том, что ее разговор с Цезарем повлечет за собой не только помолвку ее сына. Но она почувствовала в Цезаре перемену – когда уже стояла возле двери, собираясь уходить. Перемену, достаточно ощутимую, чтобы у нее появилась надежда... Нет, предчувствие. Конечно, она знала то, что знал весь Рим: Цезарь придирчив к своим женщинам и помешан на чистоте. Поэтому перед новым визитом Сервилия тщательно вымылась и ограничилась несколькими каплями духов, чтобы они не перебивали запаха тела. К счастью, она почти не потела и никогда не надевала одно и то же платье дважды. Вчера на ней было ярко-красное. Сегодня она выбрала насыщенный желтый цвет, в ушах покачивались янтарные подвески, на шее лежало янтарное ожерелье. «Я нарядилась, чтобы быть соблазненной», – подумала она и постучала в дверь.

Он сам открыл, провел ее к креслу, сел за стол – все как вчера. Но смотрел на нее не так, как вчера. Сегодня взгляд его не был отсутствующим, холодным. Появилось нечто, чего Сервилия раньше не замечала ни у одного мужчины. Искра интимности и права собственника. И это не вызвало ее возмущения. Она не посчитала этот взгляд похотливым или грубым. Но почему она вообразила, что эта искра делает ей честь, выделяет ее среди всех знакомых ей женщин?

– Так что ты решил, Гай Юлий? – спросила Сервилия.

– Принять предложение молодого Брута.

Это понравилось ей. Она широко улыбнулась, в первый раз за все время их знакомства. И Цезарь отчетливо увидел, что правый уголок ее рта определенно слабее левого.

– Отлично! – воскликнула она, вздохнула облегченно и улыбнулась, но уже не так широко.

– Твой сын очень много для тебя значит, – заметил Цезарь.

– Он значит для меня все, – просто сказала она.

На столе лежал лист бумаги, Цезарь посмотрел на него.

– Я тут сочинил юридическое соглашение о помолвке твоего сына с моей дочерью, – произнес он. – Но если ты хочешь, мы некоторое время можем считать эту помолвку неофициальной. По крайней мере, до тех пор, пока Брут не повзрослеет еще. Он может передумать.

– Он не передумает, и я не передумаю, – отозвалась Сервилия. – Давай покончим с этим делом здесь и сейчас.

– Как хочешь. Но должен предупредить тебя: после подписания соглашения обе стороны и их опекуны имеют право обратиться в суд, если какая-либо из сторон расторгнет помолвку, и потребовать компенсацию в размере приданого.

– А какое у Юлии приданое? – спросила Сервилия.

– Я записал здесь сто талантов.

Сервилия ахнула:

– Но у тебя же нет ста талантов для приданого, Цезарь!

– Сейчас нет. Но когда Юлия достигнет брачного возраста, я уже буду консулом, потому что я не разрешу ей выйти замуж, пока ей не исполнится восемнадцать лет. А к тому времени у меня будут сто талантов.

– Я этому верю, – медленно проговорила Сервилия. – Однако это означает, что, если мой сын передумает, он обеднеет на сто талантов.

– Теперь ты уже не так уверена в его постоянстве? – усмехнулся Цезарь.

– По-прежнему уверена, – отрезала она. – Давай покончим с этим делом.

– А ты уполномочена подписывать документы от имени Брута, Сервилия? Я помню, вчера ты назвала Силана опекуном мальчика.

Сервилия облизнула губы.

– Я – законный опекун Брута, Цезарь. Я, а не Силан. Вчера я беспокоилась, что ты подумаешь обо мне дурно, потому что я пришла к тебе сама, а не прислала мужа. Мы живем в доме Силана, в котором он действительно является *paterfamilias*. Но дядя Мамерк был душеприказчиком моего покойного мужа и распорядителем моего очень большого приданого. До того как я вышла замуж за Силана, дядя Мамерк и я привели в порядок мои дела. Мне принадлежат и поместья моего покойного мужа. Силан охотно согласился на то, чтобы я сама управляла своим имуществом и была опекуном Брута. Все идет хорошо, и Силан не вмешивается.

– Никогда? – спросил Цезарь, улыбаясь одними глазами.

– Ну, только однажды, – призналась Сервилия. – Он настоял, чтобы я отправила Брута в школу, а я хотела оставить его дома и нанять учителя. Я согласилась с его доводами. К моему удивлению, школа пошла Бруту на пользу. У него природная склонность к интеллектуальным занятиям, а домашний педагог развил бы ее еще больше.

– Да, домашний педагог способен сделать это, – серьезно подтвердил Цезарь. – Он еще посещает школу, конечно?

– До конца года. В следующем году он начнет проходить подготовку на Форуме. Под наблюдением дяди Мамерка.

– Великолепный выбор и великолепное будущее. Мамерк и мой родственник тоже. Могу я надеяться, что ты позволишь мне принять участие в обучении Брута риторике? В конце концов, я – его будущий тесть! – сказал Цезарь, вставая.

– Мне было бы приятно, – ответила Сервилия, чувствуя огромное и тревожное разочарование. Ничего не произойдет! Интуиция страшно, чудовищно, кошмарно ее подвела!

Цезарь обошел стол и встал за ее креслом. Сервилия подумала, что он собирается проводить ее, но почему-то ноги отказались ее слушаться, и она продолжала сидеть, как статуя, чувствуя себя ужасно.

– А ты знаешь... – услышала она его голос... Его? Или чей-то еще? Потому что он звучал совсем по-другому, хрипло. – А ты знаешь, что у тебя на спине восхитительнейшая дорожка волос, которая струится по позвоночнику до самого низа, насколько я могу видеть? Но никто не ухаживает за ними, как полагается, они примяты и растрепаны. И вчера я подумал, что это очень досадно.

Он дотронулся сзади до ее шеи, чуть ниже пучка волос. Сначала она решила, что он прикасается к ней кончиками пальцев, гладкими и неторопливыми. Но его голова оставалась как раз на уровне ее головы, обеими руками он стиснул ее груди. Его дыхание холодило шею, точно ветерок – мокрую кожу. И тогда она поняла, что он делает. Он лизал эти волосы, которые она так ненавидела. Ее мать чувствовала к ним жгучее отвращение и до самой своей смерти высмеивала их! А Цезарь проводил языком сначала с одной стороны, потом с другой, зализывая волосы к середине позвоночника. Он действовал медленно, опускаясь все ниже, ниже... Сервилия могла только сидеть неподвижно, испытывая чувства, о существовании которых даже не подозревала. Всепоглощающая страсть сжигала ее, пропитывала насквозь.

Она уже восемнадцать лет была замужем. За двумя очень разными мужчинами. И все же за всю свою жизнь Сервилия не испытывала ничего подобного. Огненный, пронизывающий взрыв ощущений, исходящих от его языка, сначала оставался на поверхности ее кожи, потом проникал все глубже, пробирался в груди, в живот, в самую сердцевину естества. В какой-то миг ей удалось встать, но не для того, чтобы помочь ему развязать кушак под грудью, снять с нее одежду и бросить на пол – это он сделал сам, – а чтобы просто стоять, пока он своим языком приводит в порядок линию волос вдоль всей ее спины, до того места, где сходятся ягодички. «И если он сейчас возьмет нож и вонзит в мое сердце, – думала она, – я не двинусь с места, чтобы остановить его. Я даже не захочу его остановить». Ничто не имело значения, только жгучее наслаждение, которое испытывала та сторона ее натуры, о существовании которой она даже не подозревала.

Его одежда, и тога и туника, оставалась на нем, пока его язык не достиг конца путешествия. Потом Сервилия почувствовала, что Цезарь отступил от нее, но не решалась повернуться, чтобы посмотреть на него. Если она отпустит спинку кресла, то сразу упадет.

– Вот так-то лучше, – услышала она его смешок. – Вот как это должно быть. Всегда. Замечательно.

Цезарь развернул ее к себе, обхватил ее руками свою талию, и она наконец ощутила прикосновение его кожи. Сервилия подняла лицо для поцелуя, которого он еще ей не подарил. Но вместо этого он поднял ее и понес в спальню, легко уложил ее на заранее приготовленные простыни. Веки ее были опущены, она могла только чувствовать, как он склоняется над ней. Сервилия открыла глаза и увидела, что он уткнулся носом в ее пупок и глубоко вдохнул.

– Душистый, – сказал он и стал двигаться ниже, к холму Венеры. – Пухлая, душистая и сочная, – одобрил он со смехом.

Как он мог смеяться? Но он смеялся. Потом, когда она с восторгом увидела его эрекцию, он прижал ее к себе и наконец поцеловал. Не так, как целовал ее Брут, который просовывал свой очень мокрый язык так далеко, что ей было противно. И не так, как Силан, чьи поцелуи были почтительны, на грани целомудрия. Этот поцелуй был идеальным, им хотелось упиваться бесконечно. Пальцы одной руки пробегали по ее спине от ягодиц к плечам, пальцы другой раздвинули губы и нежно исследовали вульву, вызывая у нее дрожь. О, какое удовольствие! Она совсем не думала о том, какое впечатление производит, слишком ли торопится или медлит и вообще что он думает о ней. Сервилии было все равно, все равно, все равно... И она обеими руками взяла его член, чтобы показать ему дорогу, потом села на него и стала энергично двигать бедрами до тех пор, пока громко не закричала в экстазе, словно животное, пронзенное копьем охотника. Она упала на него и лежала у него на груди без сил, без жизни, как то убитое животное, которым себе казалась.

Но этим все не закончилось. Они занимались любовью несколько часов, хотя она не имела понятия, когда он сам достиг оргазма и было ли их несколько или только один, потому что он не издал ни единого звука. И эрекция продолжалась, пока вдруг Цезарь не остановился.

– А он действительно очень большой, – заметила Сервилия, поднимая его пенис и роняя его обратно Цезарю на живот.

– На самом деле он очень липкий, – сказал он, легко соскочил с постели и исчез из комнаты.

Когда Цезарь вернулся, зрение ее восстановилось, и она увидела, что он безволос, как статуя бога, и сложен, как Аполлон Праксителя.

– Ты такой красивый, – выговорила она, во все глаза глядя на него.

– Думай так, если хочешь, но не говори об этом, – был его ответ.

– Как я могу тебе нравиться, если у тебя самого нет волос?

– Потому что ты пухлая, душистая и сочная и эта линия волос на спине восхищает меня.

Цезарь уселся на край кровати и улыбнулся Сервилиии так, что сердце ее бешено заколотилось.

– Кроме того, ты получила удовольствие. А это уже полдела.

– Время уходить? – спросила она, видя, что он не собирается ложиться.

– Да, время уходить. – Он засмеялся. – Интересно, можно ли это считать инцестом? Ведь наши дети помолвлены.

Но Сервилиия не находила в этом ничего смешного и нахмурилась:

– Конечно нет!

– Я шучу, Сервилиия, шучу, – тихо проговорил Цезарь и встал. – Надеюсь, твоя одежда не смялась. Все на полу в другой комнате.

Пока она одевалась, он принялся наливать воду в ванну, черпая из бака ведром. Он не остановился, когда она подошла посмотреть.

– Когда мы сможем увидеться снова? – спросила Сервилиия.

– Не слишком часто, иначе надоест, а я этого не хочу, – ответил он, продолжая черпать воду.

Она не знала, что это была проверка. Если женщина начинала плакать или протестовать, чтобы показать ему, как это важно для нее, его интерес к ней пропадал.

– Я согласна с тобой, – сказала Сервилиия.

Ведро замерло на полпути. Цезарь с удивлением посмотрел на нее:

– Ты действительно согласна?

– Абсолютно, – заверила она, проверяя, на месте ли янтарные подвески. – У тебя есть другие женщины?

– В данный момент нет, но в любой день это может измениться.

Это был второй тест, более жестокий, чем первый.

– Да, ты должен поддерживать репутацию, я могу это понять.

– Действительно?

– Конечно.

И хотя чувства юмора у нее почти не было, она чуть улыбнулась и добавила:

– Видишь ли, теперь я поняла, почему о тебе столько говорят. Несколько дней я буду совсем разбитой.

– Тогда давай снова встретимся на следующий день после выборов в трибутных комициях. Я выдвинул свою кандидатуру на должность куратора Аппиевой дороги.

– А мой брат Цепион – на должность квестора. Конечно, до этого Силан будет баллотироваться на претора в центуриях.

– А твой другой брат, Катон, несомненно, станет военным трибуном.

Лицо ее посуровело, губы сжались, взгляд стал каменным.

– Катон мне не кровный брат, а сводный. Цепион носит имя моего отца, и поэтому мне приходится признавать его.

– Разумно с твоей стороны, – одобрил Цезарь, продолжая работать ведром.

После этого Сервилиия ушла, удостоверившись, что выглядит вполне прилично, хотя и не так невозмутимо, как несколько часов назад.

Цезарь погрузился в ванну. Лицо его было задумчивым. Необычная женщина. Проклятье на эту дорожку черных волос! Такая ерунда могла его соблазнить. Он не был уверен, что Сервилиия нравится ему больше теперь, когда они стали любовниками. И все же он не намеревался порывать с ней. Во-первых, во всех отношениях, кроме характера, она была истинной радостью. Женщины из высших слоев общества, которые умели раскованно вести себя в постели, были так же редки, как трусы в армии Красса. Даже его дорогая Циннилла вечно сохраняла скромность и заботилась о приличиях. Ну что ж, так уж они воспитаны, бедняжки. И поскольку у Цезаря появилась привычка быть честным с собой, ему пришлось признать, что он не сде-

лает попытки воспитать Юлию по-другому. О, среди женщин его класса встречались истинные куртизанки, знаменитые своими сексуальными проказами, от покойной великой Колубры до стареющей Преции. Но когда Цезарь хотел постельных шалостей, он предпочитал искать их среди честных и открытых, земных и неприхотливых женщин Субуры. До сегодняшнего дня. До Сервилиии. Кто бы мог подумать? Она тоже будет молчать о своем загуле. Цезарь повернулся в ванне и потянулся за пемзой. Бесполезно использовать *strigilis* в холодной воде. Человек должен пропотеть, чтобы можно было соскрести грязь.

– И сколько из всего этого я расскажу своей матери? – задал он вопрос маленькому кусочку пемзы. – Странно! Аврелия так не похожа на других. С ней можно свободно говорить о женщинах. Но, думаю, имя Сервилиии я упомяну не раньше, чем надену пурпурную тогу цензора.

В том году выборы провели вовремя: сначала в центуриатных комициях были избраны консулы и преторы, затем трибутные комиции, в состав которых входили патриции и плебеи, избрали младших магистратов, и наконец было созвано плебейское собрание для выборов плебейских эдилов и плебейских трибунов.

Хотя по календарю был летний месяц квинтилий, сезоны отставали, потому что Метелл Пий, великий понтифик, уже несколько лет не вставлял в каждый второй февраль дополнительные двадцать дней. И возможно, поэтому Гней Помпей Магн – Помпей Великий – решил таки приехать в Рим надзирать за соблюдением законности во время выборов в плебейское собрание, ведь погода стояла весенняя и тихая.

Несмотря на свои претензии на звание Первого Человека, Помпей не любил Рим и предпочитал жить в своих обширных поместьях в Северном Пицене. Там он, в сущности, был царем. В Риме же Помпей чувствовал себя неуютно. Он сознавал, что большинство сенаторов ненавидят его даже больше, чем он ненавидит Рим. Среди всадников, занимавшихся торговлей и денежными операциями, Помпей, напротив, был очень популярен и имел много сторонников, но это обстоятельство не могло успокоить его чувствительное и уязвимое честолюбие. Самоуверенность Помпея то и дело ранили сенаторы из числа *boni* и прочих аристократических фракций. Они давали понять, что считают Помпея Великого всего лишь самоуверенным выскочкой, неримлянином, силой вторгшимся в их круг.

Его родословная была посредственной, но ни в коем случае не вымышленной, ибо дед Помпея являлся членом сената и через брак породнился с аристократической римской семьей Луцилиев, а его отец – знаменитый Помпей Страбон – консул, победоносный главнокомандующий в Италийской войне, оплот консерваторов в сенате в те дни, когда Риму угрожали Марий и Цинна. Но Марий и Цинна победили, а Помпей Страбон умер от болезни в лагере у стен города. Обвиняя Помпея Страбона в том, что он, допустив в своем лагере вопиющую антисанитарию, вызвал эпидемию брюшного тифа, которая разразилась в осажденном Риме, жители Квиринала и Виминала протащили по улицам его голое тело, привязанное к ослу. Помпей-младший так и не простил Риму это поругание.

У него появился шанс, когда Сулла возвратился из ссылки и вторгся на Италийский полуостров. Став полководцем в возрасте двадцати двух лет, Помпей набрал три легиона из ветеранов своего покойного отца и повел их на соединение с Суллой в Кампанию. Хорошо отдавая себе отчет в том, что Помпей добился совместного с ним командования шантажом, хитрый Сулла использовал пиценца в некоторых своих, весьма сомнительных, предприятиях, пока опасно маневрировал на пути к диктаторству. Перед тем как удалиться на покой, диктатор позаботился об этом амбициозном, самоуверенном юнце, заблаговременно приняв закон, согласно которому человеку, не являющемуся сенатором, разрешается поручать командование армиями Рима. Потому что Помпей не любил сенат и отказался быть его членом.

Последовала шестилетняя война Помпея против восставшего Квинта Сертория в Испании. Шесть лет, в течение которых Помпею пришлось более трезво оценить свои военные способности. Он уехал в Испанию, твердо уверенный, что немедленно побьет Сертория, – и неожиданно для себя очутился лицом к лицу с одним из лучших полководцев в истории Рима. Сертория Помпей все-таки сломил с помощью предателя. Но тот Помпей, который после этой победы возвратился в Италию, был совершенно другим человеком: коварным, беспринципным, желавшим показать сенату (который не давал ему денег и подкрепления в Испании), что он, Помпей, не входя в сенат, в состоянии ткнуть уважаемых отцов города носом в пыль.

И Помпей продолжал поступать так – при молчаливом согласии двух человек: Марка Красса, победителя Спартака, и не кого иного, как Цезаря. Помпей и Красс заставили сенат разрешить им выдвинуть свои кандидатуры на должность консулов. И им это удалось, поскольку оба военачальника использовали в качестве главного аргумента свои армии. Но за кулисами этого предприятия таился двадцатидевятилетний Цезарь. Именно он дергал за веревочки двух марионеток. Никогда прежде не избирали на высшую должность в Риме человека не из сенаторского сословия. И все же Помпей стал старшим консулом, а Красс – младшим. Таким образом, этот экстраординарный, не достигший консульского возраста выскочка из Пицена добился своей цели совершенно незаконным способом. И именно Цезарь, который был на шесть лет младше его, показал ему, как это сделать.

Но сенат примирился с вопиющим фактом, потому что совместное консульство Помпея Великого и Марка Красса оказалось триумфальным. Это был год праздников, игр, веселья и процветания. И когда он закончился, оба не захотели стать наместниками провинций. Вместо этого они удалились в свои поместья и вернулись к частной жизни. Они провели единственный важный закон: восстановили права плебейских трибунов, которых Сулла лишил власти.

Сейчас Помпей находился в городе, чтобы проследить за выборами плебейских трибунов. И это заинтриговало Цезаря, который встретился с ним и его клиентами на углу Священной дороги и спуска Урбия, у входа на Нижний форум.

– Не ожидал увидеть тебя в Риме, – сказал Цезарь. Он открыто смерил Помпея взглядом с головы до ног и усмехнулся. – Хорошо выглядишь, и бодрый к тому же. Вижу, фигура человека среднего возраста.

– Среднего возраста? – высокомерно переспросил Помпей. – Если я уже побывал консулом, это вовсе не значит, что я дожил до старческого слабоумия! В конце сентября мне будет всего тридцать восемь!

– А вот мне, – самодовольно сказал Цезарь, – совсем недавно исполнилось тридцать два. В этом возрасте, Помпей Магн, ты еще не был консулом.

– Ты подшучиваешь надо мной, – сказал Помпей, успокаиваясь. – Ты, как Цицерон, и на погребальном костре не перестанешь шутить.

– Хотел бы я быть таким остроумным. Но ты не ответил на мой серьезный вопрос, Магн. Что ты делаешь в Риме – помимо того, что следишь за выборами плебейских трибунов? Я бы не подумал, что в данный момент тебе надо нанимать плебейских трибунов.

– Парочка плебейских трибунов никогда не помешает, Цезарь.

– Даже сейчас? Что у тебя на уме, Магн?

Голубые глаза широко открылись, Помпей простодушно посмотрел на Цезаря:

– Ничего.

– Посмотри! – воскликнул Цезарь, показав на небо. – Ты видишь это, Магн?

– Вижу что? – спросил Помпей, рассматривая облака.

– Этого розового поросенка, летящего, подобно орлу.

– Ты мне не веришь.

– Правильно, не верю. Почему не сказать прямо? Я не враг тебе, как ты хорошо знаешь. Фактически я очень тебе помог в прошлом, и нет причины, по которой я не стану помогать твоей карьере в будущем. Я неплохой оратор, ты должен это признать.

– Ну... – начал было Помпей, но замолчал.

– Ну – что?

Помпей остановился, оглянулся на толпу клиентов, следующих за ним, покачал головой, немного отошел и прислонился к одной из красивых мраморных колонн, поддерживающих аркаду главного помещения базилики Эмилия. Понимая, что таким образом Помпей хотел избежать подслушивания, Цезарь приблизился к Великому Человеку, а клиенты остались в стороне – с блестящими глазами, умирающие от любопытства, но стоящие слишком далеко, чтобы уловить хоть слово из сказанного Помпеем.

– А если кто-нибудь из них умеет читать по губам? – спросил его Цезарь.

– Ты опять шутишь!

– Да нет. Но мы можем отвернуться от них и сделать вид, что пишем в передний проход базилики Эмилия.

Это было уже слишком. Помпей захохотал. Однако, успокоившись, он все-таки отвернулся от клиентов, став к ним боком, и шевелил губами осторожно, словно продавец порнографии на Форуме.

– На самом деле, – пробормотал Помпей, – в этом году у меня есть приятель среди кандидатов.

– Авл Габиний?

– Как ты догадался?

– Он родом из Пицены и входил в твой штаб в Испании. Кроме того, он мой хороший друг. При осаде Митилены мы оба были младшими военными трибунами. – Цезарь поморщился. – Габинию Бибул тоже не нравился, и прошедшие годы не примирили его с *boni*.

– Габиний хороший человек, – сказал Помпей.

– К тому же весьма способный.

– И это тоже.

– И что он собирается для тебя сделать? Отобрать командование у Лукулла и передать тебе на позолоченном подносе?

– Нет-нет! – резко возразил Помпей. – Для этого еще не пришло время! Сначала мне нужна короткая кампания, чтобы разогреться.

– Пираты, – мгновенно догадался Цезарь.

– На сей раз ты прав! Пираты.

Цезарь согнул ногу в колене и уперся им в колонну, делая вид, что они ни о чем серьезном не разговаривают, просто вспоминают старые времена.

– Браво, Магн. Это не только очень умно, но и необходимо.

– Что ты думаешь о Метелле Козленке на Крите?

– Тупой и продажный дурак. Он не просто так стал зятем Верреса – на то было много причин. Имея три хороших легиона, он едва сумел выиграть сражение на суше против двадцати четырех тысяч всякого сброда и необученных критян, которыми командовали не солдаты, а моряки.

– Ужасно, – сказал Помпей, мрачно качая головой. – Ответь, Цезарь, к чему драться на суше, когда пираты орудуют на море? Хорошо говорить, что следует ликвидировать их наземные базы, но если не поймашь их на море, то не разрушишь их средства к существованию – корабли. Современный морской флот – это тебе не троянский, когда можно было сжечь вражеские суда, выгашенные на берег. Пока большинство из них сдерживают твои силы, оставшиеся сумеют увести флот в другое место.

– Да, – кивнул Цезарь, – до сих пор именно в этом вопросе все, от Антониев до Ватии Исаврийского, допускали ошибку. Жгли деревни и грабили города. Нужен человек с настоящим организаторским талантом.

– Именно! – воскликнул Помпей. – Я этот человек – клянусь! Если мое добровольное бездействие в последние два года и было бесполезно в других отношениях, оно дало мне время подумать. В Испании я просто опускал рога и вслепую лез в драку. Теперь все иначе. Сидя дома, я разрабатывал план. Прежде чем я выйду из Мутины, я должен знать, как выиграть войну. Мне нужно было подумать обо всем заранее, и не только о том, как проложить маршрут через Альпы. Нужно подсчитать, сколько легионов потребуется, сколько всадников, сколько денег. Кроме того, нужно научиться понимать врага. Квинт Серторий был блестящим тактиком. Но, Цезарь, тактикой войны не выиграешь. Стратегия нужна, стратегия!

– Значит, все это время ты размышлял о пиратах, Магн?

– Да. Продумал каждый аспект, до последней мелочи. Карты, шпионы, корабли, деньги, люди. Я знаю, что делать.

Помпей демонстрировал совсем иной настрой, чем раньше. В Испании была последняя кампания Мясничка. В будущем он мясником уже не будет.

Итак, Цезарь с интересом наблюдал, как выбирают десять плебейских трибунов. Конечно, Авл Габиний попал в их число. Он возглавил список победивших. А это означало, что он сделается главой новой коллегии трибунов, которая приступит к своим обязанностям в пятнадцатый день нынешнего декабря.

Поскольку плебейские трибуны вводили новейшие законы и традиционно были единственными законодателями, которым нравились перемены, каждой влиятельной фракции в сенате нужно было иметь по крайней мере одного «собственного» плебейского трибуна. Включая *boni*, которые использовали своих людей, чтобы блокировать все инициативы. Самым мощным оружием плебейского трибуна являлось право вето, которое он мог применять против своих же товарищей, против всех других магистратов и даже против сената. Это означало, что плебейские трибуны, принадлежавшие *boni*, будут не вводить новые законы, а накладывать вето. И конечно, *boni* удалось провести трех своих ставленников – Глобула, Требеллия и Отона. Никто из них не блистал умом, но плебейскому трибуну, поддерживающему *boni*, и не требуется быть умным. Он просто должен уметь произносить слово «вето».

У Помпея имелось два отличных члена новой коллегии, чтобы добиться цели. Авл Габиний родился в незнатной и бедной семье, но он далеко пойдет. Цезарь понял это еще со времени осады Митилены. Естественно, другой человек Помпея был тоже из Пицены: некий Гай Корнелий. Не патриций и не член древнего рода Корнелиев. Вероятно, он был не так тесно связан с Помпеем, как Габиний, но определенно не решится накладывать вето на плебисцит, который Габиний предложит плебсу.

Хотя Цезарь и полюбостраивал насчет планов Помпея, но на самом деле по-настоящему его беспокоил лишь один новоизбранный плебейский трибун, который не был связан ни с фракцией *boni*, ни с Помпеем Великим. Это был Гай Папирий Карбон, радикал, преследовавший собственные цели. На Форуме ходили слухи, что он намерен обвинить дядю Цезаря, Марка Аврелия Котту, в незаконном присвоении трофеев, взятых в Гераклею во время кампании Марка Котты в Вифинии против старого врага Рима, царя Митридата. Марк Котта с триумфом возвратился к концу знаменитого совместного консульства Помпея и Марка Красса, и никто не усомнился тогда в его честности. Теперь же этот Карбон мутит старую воду. В качестве плебейского трибуна, полностью восстановленного в своих прежних правах, он может судить Марка Котту в специально созванном суде плебейского собрания. Поскольку Цезарь любил дядю Марка и восхищался им, то его очень беспокоило выдвижение Карбона.

Но вот все избирательные таблички сосчитаны, и десять победивших взошли на роstrу, принимая поздравления. Цезарь повернулся и направился домой. Он устал: очень мало спал,

слишком много времени провел с Сервилией. Они не встречались до дня выборов в трибунных комициях, состоявшихся шесть дней назад. Как и ожидалось, им обоим было что отпраздновать. Цезарь стал куратором Аппиевой дороги («Какого дьявола ты взялся за эту работу? – удивился Аппий Клавдий Пульхр. – Это дорога моего предка, но я не такой дурак! Ты через год обеднеешь!»). Так называемый кровный брат Сервилии, Цепион, попал в число двадцати квесторов. По жребию ему досталось работать в Риме в качестве городского квестора, а это означало, что ему не придется служить в провинции.

Поэтому любовники встретились в хорошем настроении, истосковавшись друг по другу, и провели весь день в постели с таким наслаждением, что никто из них не хотел откладывать следующее свидание надолго. Они встречались каждый день. Это был истинный праздник губ, языка, кожи; всякий раз они открывали друг в друге что-то новое, что-то неизведанное. До сегодняшнего дня, когда предстоящие выборы сделали встречу невозможной. Не увидятся они, вероятно, до сентябрьских календ, потому что Силан увозил Сервилию, Брута и девочек на прибрежный курорт в Кумы, где у него имелась вилла. Силан тоже победил на нынешних выборах. С будущего года он станет городским претором. Эта чрезвычайно важная должность повысит также общественный статус Сервилии. Помимо всего прочего, она надеялась, что ее дом изберут для проведения обрядов, посвященных *Bona Dea*, Благой Богине. Во время этих обрядов самые знатные матроны Рима укладывают богиню для зимнего сна.

И пора сообщить Юлии, что Цезарь устроил ее будущий брак. Официальная церемония помолвки не состоится, пока в декабре Брут не наденет *toga virilis*, но брачный договор подписан, и законность соблюдена. Отныне на судьбе Юлии поставлена печать. Почему Цезарь все откладывает это дело, ведь у него нет такой привычки? Вопрос постоянно вертелся у него в голове. Он даже просил Аврелию сообщить дочери новость, но Аврелия, строго соблюдавшая традиционный семейный уклад, отказалась. Цезарь – *paterfamilias*, он и должен это сделать. Женщины! Почему в его жизни так много женщин? И что заставляло Цезаря предполагать, что в будущем их станет еще больше? А сколько неприятностей они принесут с собой!..

Юлия играла с Матией, дочерью его дорогого друга Гая Матия, который занимал другую квартиру на первом этаже инсулы Аврелии. Однако Юлия вернулась домой задолго до обеденного часа. Поэтому у Цезаря больше не было причин откладывать разговор. Юлия, подпрыгивая, бежала через сад светового колодца, как юная нимфа. Платье бледно-лилового цвета обвивало ее детскую фигурку. Аврелия всегда одевала ее в нежные голубые или зеленые цвета. Бабушка права, делая это. «Какая она будет красивая», – думал Цезарь, наблюдая за дочерью. Возможно, Юлия и не отличалась греческой чистотой черт, как Аврелия, но она обладала тем волшебным даром женщин из рода Юлиев, которого лишена Аврелия, такая прагматичная и здравомыслящая. Считалось, что Юлии делают своих мужей счастливыми. Глядя на свою дочь, Цезарь был готов поверить в это. Но старинная примета не всегда сбывалась: его младшая тетка, первая жена Суллы, покончила с собой, после того как пристрастилась к вину; его кузина Юлия Антония страдала от частых приступов депрессии и истерии. И все же Рим продолжал верить в чудесное свойство Юлий, и Цезарю не хотелось возражать. Каждый аристократ с приличным состоянием, не имевший нужды искать богатую невесту, думал прежде всего о Юлии из рода Юлиев.

Когда Юлия увидела отца, облокотившегося о подоконник в столовой, лицо ее озарилось, она со всех ног бросилась к нему, вскарабкалась на стену, прыгнула и очутилась в его объятиях.

– Как поживает моя девочка? – спросил Цезарь, неся ее к одному из трех обеденных лож и усаживая рядом с собой.

– У меня был прекрасный день, *tata*. А избранные плебейские трибуны – все хорошие люди?

Цезарь улыбнулся, и во внешних уголках его глаз показались лучики морщинок. Хотя его кожа от рождения была очень бледной, но после многих лет пребывания на свежем воздухе – на форумах, в судах, на полях сражений – открытые места стали смуглыми. Однако в глубине морщин возле глаз кожа оставалась белой. Этот контраст очень нравился Юлии. Когда отец не улыбался и не шурился, веер белых полосок, похожий на боевой раскрас дикаря, был отчетливо виден. Юлия встала на колени и поцеловала сначала один веер, потом другой, а он наклонил голову к ее губам и весь растаял, как не таял ни от одной женщины, даже Циндиллы.

– Ты отлично знаешь, – ответил он ей, когда ритуал поцелуев закончился, – никогда не бывает так, чтобы все плебейские трибуны оказались хорошими людьми. Новая коллегия – обычная смесь хорошего, плохого, безразличного, зловредного и интриганского. Но я думаю, что они проявят себя более активно, чем нынешние, так что ближе к новому году Форум будет кипеть.

Юлия была сведуща в вопросах политики, но жизнь в Субуре означала, что ее товарищи по играм (даже Матия из соседней квартиры) были разного социального положения и их мало интересовали различные махинации и перестановки в сенате, комициях и судах. По этой причине, когда девочке исполнилось шесть лет, Аврелия отправила ее в школу Марка Антония Гнифона. Гнифон был учителем Цезаря, но, когда Цезарь, достигнув совершеннолетия, надел жреческое облачение фламина Юпитера, Гнифон оставил его дом и возвратился в школу, где преподавал детям знатных родителей. Юлия оказалась одаренной и старательной ученицей, любившей литературу, как и ее отец. В математике и географии ее способности были более скромными. Она не обладала удивительной памятью Цезаря. И очень хорошо, разумно заключили все, кто ее любил. Сообразительные и умные девочки – это хорошо. Но девочки-интеллектуалки – это никому не нужно. Прежде всего, это неудобно для них самих.

– Почему мы здесь, *tata*? – спросила Юлия, немного озадаченная.

– У меня есть для тебя новость, и я хочу сообщить ее тебе так, чтобы нам никто не мешал, – ответил Цезарь, теперь зная, как это сделать, раз уж он решился.

– Хорошая новость?

– Не знаю, Юлия. Надеюсь, хорошая. Однако я – не ты. Может быть, тебе она покажется не очень хорошей. Но я думаю, когда ты к ней привыкнешь, ты не будешь считать ее невыносимой.

Поскольку девочка была сообразительной и умной, она сразу поняла, в чем дело.

– Ты нашел для меня мужа, – сказала она.

– Да. Тебе это нравится?

– Очень, *tata*. Юния помолвлена и важничает перед нами, потому что мы еще не помолвлены. Кто он?

– Брат Юнии, Марк Юний Брут.

Цезарь пристально смотрел в ее глаза и поэтому заметил, как на мгновение в них мелькнуло непонятное выражение. Затем она отвернулась и стала смотреть прямо перед собой. Ее нежное горло задрожало, и она сглотнула.

– Ты недовольна? – спросил Цезарь, сердце его упало.

– Просто неожиданно, ничего больше, – ответила внучка Аврелии, которую с пеленок учили безропотно принимать все, что уготовит ей судьба, от нелюбимого мужа до вполне реальных опасностей при беременности и родах. Девочка повернула голову, ее большие голубые глаза теперь улыбались. – Я очень рада. Брут хороший.

– Ты уверена?

– О *tata*, конечно уверена, – сказала Юлия так искренне, что ее голос дрогнул. – Правда, *tata*, это хорошая новость. Брут будет любить меня и заботиться обо мне. Я знаю это.

У него стало легче на сердце, он вздохнул, улыбнулся, взял ее маленькую ручку и нежно поцеловал, а потом крепко прижал ее к груди. Ему и в голову не приходило спросить дочь,

может ли она научиться любить Брута. Ибо любовь не радовала Цезаря – даже та, которую он испытывал к Циннии и дочери, этой изящной юной нимфе. Любовь делала его уязвимым, а Цезарь это ненавидел.

Юлия соскочила с ложа и убежала. Он слышал, как она зовет Аврелию, спеша в ее кабинет:

– *Avia, avia*, я выйду замуж за моего друга Брута! Замечательно, правда? Ведь правда, это хорошая новость?

И вдруг раздался долгий стон и – рыдания. Цезарь слушал, как плачет его дочь, плачет так, словно ее сердце разбилось. Он не знал, почему она рыдает – от радости или от горя. Цезарь вышел в гостиную и увидел, как Аврелия ведет ребенка в спальню, а та уткнулась лицом в ее бок.

Лицо его матери было спокойно.

– Я очень хочу, – сказала она ему, – чтобы женщины смеялись, когда они счастливы! А вместо этого добрая половина их ревет. Даже Юлия!

«Фортуна определенно продолжает благоволить Гнею Помпею Магну», – с улыбкой подумал Цезарь в начале декабря. Великий Человек изъявил желание навсегда покончить с угрозой пиратства, и Фортуна послушно доставила ему это удовольствие. Сицилийское зерно прибыло в Остию, римский перевалочный пункт в устье реки Тибр. Здесь драгоценное зерно с глубоководных торговых судов обычно перегружали на баржи, которые везли его дальше вверх по Тибру на склады римского порта. Здесь было безопасно – наконец-то дома.

Несколько сотен кораблей собрались в Остии. Но баржи не подходили. Квестор Остии перепутал время, что позволило баржам совершить дополнительный рейс вверх по Тибру, в Окрикул, где ждал урожай, собранный в долине Тибра, который также надлежало доставить в Рим. Поэтому пока капитаны и торговцы зерном метали громы и молнии, а несчастный квестор бегал кругами, разгневанный сенат направил туда единственного консула, Квинта Марция Рекса, исправить положение.

Для Марция Рекса этот год выдался несчастливый. Его младший коллега умер вскоре после вступления в должность. Сенат немедленно назначил вместо него консула-суффекта, но тот тоже скончался, даже не успев сесть в курульное кресло. Сразу же справились в священных Книгах Сивиллы и, сообразуясь с предсказаниями, пришли к выводу, что больше никаких мер принимать не следует. Таким образом, Марций Рекс остался один. Это разрушило его планы. Во время консульства он желал поехать в свою провинцию, Киликию, отданную ему после того, как всадникам-оппозиционерам из деловых кругов удалось отобрать ее у Лукулла.

И вот теперь, когда Марций Рекс надеялся наконец отправиться в свою желанную Киликию, произошел этот ужасный конфуз с зерном в Остии. Багровый от гнева, он освободил двух преторов от их обязанностей в судах и срочно послал их в Остию – разобраться, в чем там дело. Итак, Луций Беллиен и Марк Секстилий, каждый в сопровождении шести ликторов в малиновых туниках, с топорами в фасциях, отправились в Остию. И именно в тот самый момент пиратский флот, насчитывавший свыше сотни военных галер, налетел на Остию со стороны Тирренского моря.

Оба претора прибыли, когда половина города уже горела. Пираты заставили команды кораблей, нагруженных зерном, грести обратно в море. Дерзость налета – кто бы мог подумать, что пираты нападут на город, расположенный всего в нескольких милях от всемогущего Рима? – ошеломила всех. Римские войска располагались не ближе Капуи, гарнизон Остии был слишком занят тушением пожаров на берегу, чтобы оказать сопротивление, и никто даже не подумал послать за помощью в Рим.

Преторы не были решительными людьми. Оба стояли в доках в недоумении, не зная, что делать среди этого хаоса. Там-то группа пиратов и обнаружила их, захватила в плен вместе с

ликторами, фасциями и топорами, погрузила их на борт галеры и весело отплыла вслед исчезающему флоту с зерном. Захват двух преторов – один из них был дядей могущественного аристократа-патриция Катилины! – будет означать по меньшей мере двести талантов выкупа!

В самом Риме эффект этого набега был предсказуем и неизбежен: цены на зерно немедленно подскочили, толпы разъяренных торговцев, мельников, пекарей и потребителей собрались на Нижнем форуме, дабы выразить протест против некомпетентности правительства. Сенат тайно собрался в курии за закрытыми дверями, чтобы никто не услышал ни слова из того, что будет сказано на этом тягостном совещании. И оно действительно было тягостным. Никто не хотел выступать первым.

Квинт Марций Рекс несколько раз предложил кому-нибудь высказаться. Наконец поднялся – казалось, весьма неохотно – плебейский трибун, вновь избранный Авл Габиний. «В этом тусклом, едва проникающем в помещение свете, – подумал Цезарь, – он еще больше похож на галла». Вот беда всех уроженцев Пицены: в них всегда больше проглядывает галл, чем римлянин. И Помпей не исключение. Дело не столько в рыжих или золотистых волосах и даже не в голубых или зеленых глазах. Многие истинные римляне очень светлые, например Цезарь. Всеми виной строение лиц, характерное для пиценцев. Полное круглое лицо, острый подбородок, короткий нос, тонкие губы. Галл, не римлянин. И это мешает. Сколько бы ни протестовали пиценцы, доказывая, что их предки – переселенцы-сабины, истина заключалась в том, что все они – потомки галлов, которые осели в Пицене более трехсот лет назад. И весь мир знал об этом.

Когда поднялся галл Габиний, реакция большинства сенаторов, сидящих на своих складных стульях, была явной: неприязнь, неодобрение, смутение. При обычных обстоятельствах его очередь говорить была бы в самом конце. В нынешнем месяце Габинию в списке предшествовали четырнадцать действующих магистратов, четырнадцать вновь избранных магистратов, около двадцати консуляров – если, конечно, все они присутствовали на заседании. Но присутствовали не все. Никогда не бывало, чтобы присутствовали все. Тем не менее случай беспрецедентный: трибун открывал дебаты.

– Год не был хорошим, не так ли? – задал вопрос Авл Габиний сенату по завершении официального обращения ко всем, кто стоял перед ним и после него в списке ораторов. – Последние шесть лет мы пытались воевать с пиратами лишь на Крите, хотя пираты, только что напавшие на Остию и захватившие флот с зерном, не говоря уж о пленении двух преторов, прибыли из мест, расположенных к Риму значительно ближе Крита. Они патрулируют центральную часть Нашего моря, у них базы на Сицилии, в Лигурии, на Сардинии и Корсике. Ими командуют Мегадат и Фарнак, а эти люди уже несколько лет успешно и к взаимному удовольствию поддерживают связи с наместниками Сицилии, такими как ссыльный Гай Веррес, благодаря чему они могут беспрепятственно плавать в сицилийских водах и стоять в бухтах. Я думаю, они собрали всех своих союзников и следовали за зерновым флотом от Лилибея. Вероятно, их первоначальным намерением было захватить наши корабли на море. Но кто-то, кому они платят в Остии, сообщил им, что в Остии барж нет и не будет дней восемь-девять. Зачем в таком случае довольствоваться частью зерна, напав на корабли на море? Лучше сделать это, когда весь флот спокойно, с полным грузом будет стоять в Остии. Я хочу сказать: все знают, что Рим не держит войск на своей территории, в Лации! И что же в таком случае остановит пиратов в Остии? Ответ короткий и простой: ничто!

Это последнее слово оратор так выкрикнул, что все вскочили, но никто не ответил. Габиний огляделся и пожалел, что нет Помпея и Великий Человек не услышал его выступления. Жаль, очень жаль. Все же Помпею понравится письмо, которое Габиний отправит ему этим вечером!

– Что-то надо предпринять, – продолжал Габиний, – и под этим я не имею в виду наши обычные хаотические метания, вроде той кампании, в которой Козленок завяз на Крите. Сна-

чала он кое-как справляется с критским сбродом на суше, потом осаждает Кидонию, которая в конце концов капитулирует, – при этом он отпускает пиратского главаря Панарета! В результате он берет еще парочку городов. После этого осаждает Кносс, за стены которого тайком пробрался известный пиратский флотоводец Ластен. Когда падение Кносса становится неизбежным, Ластен уничтожает все, что не может унести с собой, и убегает. Эффективная осада, не так ли? Но какая катастрофа доставляет нашему Козленку больше горя? Побег Ластена или потеря сокровищ? Разумеется, потеря клада! Ластен – только пират, а пираты не дают выкупа за своих. Пираты знают, что их распнут, как рабов!

Габиний, галл из Пицена, замолчал, дикарски ухмыляясь. Так скалиться умеют только галлы. Наконец плебейский трибун тяжело вздохнул и повторил:

– Что-то надо делать.

И сел.

Никто не сказал ни слова. Никто не шевельнулся. Квинт Марций Рекс испустил тяжкий вздох:

– Никто не хочет что-нибудь сказать?

Он обвел взглядом один ряд за другим по обеим сторонам сената, нигде не останавливаясь, пока не наткнулся на насмешливый взгляд Цезаря. Почему Цезарь так смотрит?

– Гай Юлий Цезарь, когда-то тебя захватили пираты, но тебе удалось одолеть их. Разве тебе нечего сказать? – спросил Марций Рекс.

Цезарь поднялся со своего места во втором ряду:

– Только одно, Квинт Марций. Что-то надо делать.

И сел.

Единственный консул этого года вскинул руки, словно сдавался невидимому врагу, и распустил собрание.

– Когда ты намерен ударить? – спросил Цезарь Габиния, когда они вместе покидали курию Гостилия.

– Не сейчас, – весело ответил Габиний. – У меня и Гая Корнелия имеется кое-какое дело. Я знаю, обычно плебейский трибун начинает службу, совершив что-то выдающееся, но я считаю это плохой тактикой. Пусть сначала наши уважаемые будущие консулы Гай Пизон и Маний Ацилий Глабрион согреют курульные кресла своими задницами. Пусть они подумают, что Корнелий и я исчерпали репертуар. А уж потом я попытаюсь снова поднять эту тему.

– Вероятно, это случится в январе или феврале.

– Определенно не раньше января, – сказал Габиний.

– Значит, Магн уже готов взяться за пиратов.

– Он во всеоружии. Могу сказать тебе, Цезарь, что Рим не видел ничего подобного.

– Тогда скорее бы наступил январь. – Цезарь помолчал, загадочно посмотрел на Габиния. – Магну никогда не удастся привлечь на свою сторону Гая Пизона, который ни на шаг не отходит от Катуга и от *boni*. Глабрион более перспективен. Он так и не забыл, как с ним поступил Сулла.

– Когда Сулла заставил его развестись с Эмилией Скаврой?

– Именно. В будущем году он будет лишь младшим консулом, но если можно опереться хотя бы на одного консула, это уже неплохо.

Габиний хихикнул:

– Помпей кое-что придумал для нашего дорогого Глабриона.

– Хорошо. Если ты сможешь разделить консулов будущего года, Габиний, ты далеко пойдешь.

Цезарь и Сервилия вновь стали встречаться в конце октября, когда она возвратилась из Кум, и страсть их нисколько не остыла, влечение не ослабло. Время от времени Аврелия

пыталась что-нибудь выведать об их связи, но Цезарь свел свои откровения к минимуму. Он ничем не выдавал матери, насколько это серьезно и сильно. Сервилия ему по-прежнему не нравилась, но это никак не влияло на их отношения, потому что симпатия здесь необязательна. Возможно даже, что симпатия отняла бы у их отношений что-то важное.

– Я нравлюсь тебе? – спросил он Сервилию за день до того, как новые плебейские трибуны вступили в должность.

Она по очереди давала ему груди и не отвечала, пока оба соска не стали твердыми и она не почувствовала, как тепло начинает стекать вниз по животу.

– Мне никто не нравится, – сказала она, взбираясь на него. – Я или люблю, или ненавижу.

– Так удобно?

Поскольку чувство юмора ей было чуждо, она не отнесла его вопрос к их позе, но поняла его настоящее значение.

– Я бы сказала, намного удобнее, чем чувствовать просто симпатию. Я заметила, что, когда люди нравятся друг другу, они становятся неспособными действовать так, как должны. Они, например, не могут говорить друг другу горькую правду – из страха причинить боль. А любовь и ненависть допускают эту горькую правду.

– А ты сама хотела бы ее слышать? – спросил он, улыбаясь и лежа неподвижно.

Разговор отвлекал ее. Кровь Сервилии кипела, она испытывала потребность ощущать его движение.

– Почему ты не заткнешься и не продолжишь, Цезарь?

– Потому что я хочу сказать тебе горькую правду.

– Хорошо, тогда говори! – фыркнула она, массируя свои груди, раз он не делал этого. – О, как ты любишь мучить!

– Тебе больше нравится быть на мне, чем подо мной, – сказал он.

– Да. Так мне больше нравится. Теперь ты доволен? Мы можем покончить с этим?

– Еще нет. Почему тебе больше нравится эта поза?

– Потому что мой верх, конечно, – прямо сказала она.

– Ага! – воскликнул он, переворачивая ее. – Теперь – мой верх.

– Я бы этого не хотела.

– Мне нравится доставлять тебе удовольствие, Сервилия, но не тогда, когда это значит потакать твоему властолюбию.

– А как еще я могу насытить мое властолюбие? – спросила она, двигая бедрами. – Ты слишком тяжелый для этой позы.

– Ты совершенно права, говоря об удобстве, – сказал он, придавливая ее своим весом. – Если нет симпатии, то нет и необходимости уступать.

– Жестоко, – сказала она, сверкнув глазами.

– Любовь и ненависть жестоки. Только симпатия добра.

Но у Сервилии, чуждой симпатии, имелся собственный способ мести. Она вонзила свои ухоженные ногти в его ягодицу и провела к плечу пять параллельных кровавых дорожек.

Она пожалела об этом, потому что он схватил ее запястья, сжал до хруста костей, а затем заставил лежать неподвижно целую вечность, проникая в нее все глубже и глубже, сильнее и сильнее. Когда Сервилия наконец закричала, она не поняла, боль или экстаз исторг из ее естества этот крик. И какое-то время она была уверена, что ее любовь превратилась в ненависть.

Худшего не произошло, пока Цезарь не ушел домой. Эти пять алых полос были очень болезненными, на тунике остались следы крови. Опыт порезов и царапин, которые он время от времени получал в сражениях, говорил ему, что следует попросить кого-нибудь промыть их и забинтовать, иначе это грозит нагноением. Если бы Бургунд находился в Риме, все было бы проще, но в эти дни Бургунд жил на вилле Цезаря в Бовиллах с Кардиксой и восемью сыновьями, ухаживая за лошадьми и овцами, которых разводил Цезарь. Луций Декумий не подхо-

дил: он недостаточно чистоплотен. А Евтих разболтает своему другу, а тот – своим друзьям и половине членов общины перекрестка. Остается мать.

Аврелия взглянула на царапины и воскликнула:

– О бессмертные боги!

– Хотел бы я быть одним из них, тогда не было бы больно.

Мать вышла и вернулась, держа две миски: одну с водой, другую – с крепленным кислым вином. Она принесла также чистый египетский хлопок.

– Хлопок лучше, чем шерсть. Шерсть оставляет волокна в ранах, – заметила Аврелия, начиная с крепленого вина.

Ее прикосновения нельзя было назвать нежными, так что на глазах у Цезаря выступили слезы. Он лежал на животе, прикрытый настолько, насколько требовало ее понятие о приличии, и принимал ее помощь без звука. Он утешал себя тем, что без такой обработки мог бы умереть от заражения крови.

– Сервилия? – спросила наконец Аврелия, посчитав, что налила в царапины достаточно вина, чтобы предупредить нагноение, и приступая к омовению водой.

– Сервилия.

– Что же это за отношения? – строго спросила мать.

– Не очень удобные, – ответил он и затрясся от смеха.

– Да, вижу. Она могла убить тебя.

– Надеюсь, что достаточно бдителен, чтобы предотвратить такой исход.

– Но тебе еще не надоело.

– Определенно не надоело, мама.

– Не думаю, что это здоровые отношения, – наконец произнесла она, насухо вытирая его спину. – Было бы разумно покончить с ними, Цезарь. Ее сын помолвлен с твоей дочерью, а это значит, что вы двое должны будете сохранять приличия много лет. Пожалуйста, Цезарь, покончи с этим.

– Когда буду готов, не раньше.

– Нет, не вставай еще! – резко остановила его Аврелия. – Пусть сначала совсем высохнет, потом надень чистую тунику. – Она оставила его и стала рыться в сундуке с одеждой, пока не нашла то, что удовлетворило ее чувствительный нос. – Сразу видно, что нет Кардиксы, прачка плохо выполняет свою работу. Завтра утром я с ней поговорю.

Аврелия снова подошла к кровати и сунула ему тунику.

– Ничего хорошего из этих отношений не получится. Они нездоровые, – повторила она.

На это Цезарь ничего не ответил. К тому времени, как он свесил ноги с кровати и про-сунул руки в тунику, его мать уже ушла. И это, сказал он себе, было очень милосердно.

В десятый день декабря новые плебейские трибуны вступили в должность, но на ростре главенствовал не Авл Габиний. Эта привилегия принадлежала Луцию Росцию Отону из числа *boni*, который сообщил собравшейся толпе всадников первых классов, что пора восстановить их былое право занимать лучшие места в театре. До диктатуры Суллы они обладали исключительным правом на четырнадцать рядов, расположенных за двумя передними рядами, предназначенными для сенаторов. Но Сулла, ненавидевший всадников всех родов, отнял у них эту привилегию вместе с жизнями тысячи шестисот всадников, их поместьями и деньгами, которые сгинули во время проскрипций. Предложение Отона оказалось настолько популярным, что прошло сразу. И это не удивило Цезаря, наблюдавшего за происходящим со ступеней сената. *Boni* умело заискивали перед всадниками. В этом заключалась одна из основ их длительного успеха.

Следующее заседание плебейского собрания интересовало Цезаря намного больше. Авл Габиний и Гай Корнелий, люди Помпея, взяли инициативу в свои руки. Первым делом тре-

бывалось сократить количество консулов будущего года с двух до одного. И способ, которым Габиний добился этого, был весьма хитроумен. Габиний попросил плебс предоставить младшему консулу Глабриону пост наместника новой провинции на Востоке, которую предложил назвать Вифиния-Понт. Затем он рекомендовал плебсу послать Глабриона туда на следующий же день после вступления в должность. Таким образом, Гай Пизон останется один и вынужден будет сам справляться с делами в Риме и в Италии. Ненависть всадников к Лукуллу привела к тому, что плебс, в большинстве состоявший как раз из всадников, однозначно высказался в пользу этого предложения, потому что оно лишало Лукулла власти и четырех легионов. Все еще вынужденный сражаться одновременно с двумя царями – Митридатом и Тиграном, он теперь ничего не имел, кроме звания, которое было пустым звуком.

Отношение Цезаря к этому было двойственное. С одной стороны, он презирал Лукулла, который до такой степени стремился все делать правильно, что скорее одобрил бы чьи-то некомпетентные действия, чем нарушил бы протокол. С другой стороны, нельзя было отмахнуться от того факта, что в своих провинциях Лукулл отказался предоставить всадникам Рима полную свободу обирать местное население. Естественно, это было главной причиной столь лютой ненависти. Именно потому они были за любой закон, направленный против Лукулла. «Жаль», – думал Цезарь, вздыхая про себя. Та часть его натуры, которая желала лучших условий для местного населения римских провинций, поддерживала Лукулла, в то время как колоссальное оскорбление, которое Лукулл нанес Цезарю, намекнув, что он был игрушкой сластолюбивого царя Никомеда, заставляло желать падения Лукулла.

Гай Корнелий не был настолько связан с Помпеем, как Габиний. Он представлял собой одного из тех редких плебейских трибунов, которые искренне верили, что можно исправить некоторые из самых вопиющих зол Рима, и это Цезарю нравилось. Поэтому Цезарю хотелось, чтобы Корнелий не сдался после того, как его первая маленькая реформа провалилась. Предложение Корнелия состояло в том, чтобы запретить иноземным сообществам занимать деньги у римских ростовщиков. Он привел разумные и патриотичные доводы. Ростовщики не были римскими служащими, но они нанимали римских чиновников, чтобы те помогали собирать деньги у неплательщиков. В результате многие иноземцы воображали, будто само Римское государство занимается ростовщицеством. Престиж Рима страдал. Но зато эти отчаявшиеся или легковверные иноземцы были ценным источником дохода для всадников. «Неудивительно, что Корнелий потерпел неудачу», – печально подумал Цезарь.

Второе предложение Корнелия чуть не провалилось, зато показало его способность к компромиссу, что в общем и целом несвойственно выходцам из Пицена. В намерения Корнелия входило лишить сенат права издавать декреты, освобождающие отдельного человека от соблюдения определенного закона. Естественно, только очень богатые или очень знатные могли рассчитывать на такую привилегию, обычно предоставляемую в тех случаях, когда какой-нибудь высокопоставленный сенатор созывал специальное собрание, предварительно позаботившись о том, чтобы присутствовали только его сторонники. Всегда ревностно относившийся к своим правам, сенат стал возражать Корнелию так яростно, что тот сразу понял: он проиграл. Поэтому плебейский трибун внес в свой законопроект поправку: право освобождать отдельного гражданина от соблюдения закона остается за сенатом, но только при наличии кворума в двести сенаторов. И в этом виде закон был принят.

После этого интерес Цезаря к Гаю Корнелию начал быстро расти. Корнелий принялся за преторов. Со времени диктатуры Суллы их обязанности были ограничены отправлением правосудия. Согласно закону, когда претор вступает в должность, он должен опубликовать свои *edicta* – правила и инструкции, которым он лично будет следовать, разбирая гражданские и уголовные дела. Недостаток данного положения заключался в том, что закон не обязывал претора соблюдать свои *edicta*. И как только возникала необходимость сделать одолжение другу или же просто некое дело сулило неплохие деньги, *edicta* игнорировались. Корнелий просил

плебс ликвидировать эту лазейку и заставить преторов придерживаться правил и инструкций, которые они сами же оглашали. Предложение имело смысл и прошло.

К сожалению, Цезарь мог только наблюдать: патриций не имел права участвовать в делах плебса. Поэтому Цезарь не присутствовал в колодце комиция, не голосовал в плебейском собрании, не выступал там. Не мог он и выдвигать свою кандидатуру на должность плебейского трибуна. Вместе с другими патрициями Цезарь стоял на ступенях курии Гостилия настолько близко к плебсу, насколько позволяли правила.

Действия Корнелия демонстрировали любопытную черту в характере Помпея, которого Цезарь никогда не считал поборником справедливости. Но вероятно, некоторое стремление к этому у него все же имелось, учитывая настойчивость Гая Корнелия в делах, которые никак не могли повлиять на планы Помпея. А еще более вероятно, заключил Цезарь, что Помпей просто использовал Корнелия, чтобы всячески мешать таким людям, как Катул и Гортензий, лидерам *boni*. Ибо *boni* были категорически против специальных военных назначений, а Помпей опять добивался специального назначения.

Рука Великого Человека явно виделась – по крайней мере, Цезарю – в следующем предложении Корнелия. Гай Пизон, вынужденный теперь, когда Глабрион уехал на Восток, один управляться со всеми делами, был раздражителен, бездарен и мстителен. Как политик он полностью принадлежал Катулу и фракции *boni*. Он был готов оспаривать любое специальное назначение Помпея до тех пор, пока здание сената не пошатнется. И вся свора – Катул, Гортензий, Бибул и прочие – стала бы тут же таять у него за спиной. Не обладая никакими достоинствами, кроме имени и знатности рода, Кальпурний Пизон вынужден был потратить крупную сумму на подкуп избирателей. И вот теперь Корнелий выдвинул новый законопроект о взятках. Пизон и *boni* почувствовали, как холодный ветер подул им в затылок, особенно когда плебс ясно дал понять, что одобряет данный проект и примет закон. Конечно, плебейский трибун от *boni* мог наложить вето, но Отон, Требеллий и Глобул были не настолько уверены в своем влиянии, чтобы воспользоваться этим правом. Вместо этого фракция *boni* стала энергично уговаривать плебс, и особенно трибуна Корнелия, чтобы те позволили Гаю Пизону самому сформулировать новый закон о взятках. «А это, – вздохнув, подумал Цезарь, – неизбежно приведет к тому, что закон не будет угрожать ни одному взяточнику, и меньше всего – Гаю Пизону». Бедного Корнелия перехитрили.

Когда Авл Габиний взял слово, он не говорил ни о пиратах, ни о специальном назначении для Помпея Великого. Он предпочел сосредоточиться на второстепенных вопросах, потому что был проницательнее и умнее Корнелия. И уж определенно не был таким альтруистом. Габинию удалось провести плебисцит, в результате которого иностранным послам запрещалось занимать деньги в Риме, что было явно более скромной версией предложения Корнелия относительно всех иноземных сообществ. Но какие отдаленные цели преследовал Габиний, когда предложил закон, согласно которому сенату предписывалось в течение февраля разбирать дела, связанные только с иностранными делегациями? Сообразив, Цезарь засмеялся. До чего умен наш Помпей! Как изменился Великий Человек с тех пор, как сделался консулом, сжимая в потном кулаке составленное Варроном руководство по поведению, чтобы не допустить ляпсусов! Ибо именно этот *lex Gabinia* яснее ясного сообщил Цезарю о том, что Помпей намеревался сделаться консулом второй раз и заранее обеспечивал себе преимущество, когда наступит этот второй срок. Никто из возможных кандидатов не получит больше голосов, чем Помпей, следовательно именно Помпей будет старшим консулом. Это означало, что фасции и с ними власть ему вручат в январе. В феврале настанет очередь младшего консула, а в марте фасции опять вернутся к старшему консулу. В апреле они перейдут к младшему консулу. Но если в феврале сенат будет, как ему предписано, заниматься исключительно иностранными делами, то у младшего консула не будет шанса показать себя аж до апреля. Блестяще!

Посреди всех этих забавных хитросплетений вторжение другого плебейского трибуна в жизнь Цезаря доставило ему значительно меньше удовольствия. Этого трибуна звали Гай Папирий Карбон. Он представил в плебейское собрание законопроект с целью привлечь к суду среднего дядю Цезаря, Марка Аврелия Котту, по обвинению в краже трофеев из вифинского города Гераклея. К сожалению, коллегой Марка Котты по консульству в том году был не кто иной, как Лукулл, с которым они были в дружеских отношениях. Ненависть всадников к Лукуллу неизбежно восстанавливала плебс против любого его друга или союзника, поэтому плебс позволил Карбону действовать. Любимого дядю Цезаря будут судить за вымогательство. Причем не в постоянном суде, который установил Сулла. Присяжными на слушании дела Марка Котты станут несколько тысяч человек, которым не терпится подорвать репутацию Лукулла и его дружков.

– Да нечего было и красть! – сказал Марк Котта Цезарю. – Вначале Митридат использовал Гераклею как свою базу, а потом этот город несколько месяцев пробыл в осаде. Когда я вошел туда, Цезарь, город был голый, как новорожденная крыса! Это всем известно! Что, ты думаешь, могло там остаться после того, как ушли триста тысяч Митридатовых солдат и моряков? Они разграбили Гераклею основательнее, чем Веррес обокромсал Сицилию!

– Тебе не надо доказывать мне свою невиновность, дядя, – угрюмо сказал Цезарь. – Я даже не могу защищать тебя, потому что это суд плебса, а я – патриций.

– Само собой разумеется. Тогда это сделает Цицерон.

– Он не сможет, дядя. Разве ты не слышал?

– Что слышал?

– У него ужасное горе. Сначала умер его кузен Луций, потом совсем недавно скончался его отец. Не говоря уж о том, что у Теренции ревматизм, который обостряется в Риме в это время года. Цицерон уехал в Арпин.

– Тогда это будут Гортензий, мой брат Луций и Марк Красс, – сказал Котта.

– Не так эффективно, но вполне достаточно, дядя.

– Сомневаюсь, ох сомневаюсь. Плебс жаждет моей крови.

– Любой, кого знают как друга бедняги Лукулла, является мишенью для всадников.

Марк Котта с иронией взглянул на племянника:

– «Бедняга Лукулл»? Ведь он же не друг тебе!

– Правильно. Но, дядя Марк, я не могу не одобрить его финансовую политику на Востоке. Сулла показал ему способ, но Лукулл пошел дальше. Вместо того чтобы позволить всадникам-публиканам обескровить восточные провинции Рима, Лукулл проследил за тем, чтобы налоги Рима были не только справедливы, но и популярны у местного населения. Старые методы, при которых публиканам разрешалось беспощадно обирать народ, были, конечно, чрезвычайно выгодны всадникам, но это приводило к враждебности по отношению к Риму. Да, я ненавижу этого человека. Лукулл не только непростительно оскорбил меня, он отказался признать мои военные заслуги. И все же как администратор он великолепен, и мне его жаль.

– Плохо, что вы не ладите друг с другом, Цезарь. Во многих отношениях вы как близнецы.

Пораженный, Цезарь уставился на сводного брата матери. Он почти никогда не замечал фамильного сходства между Аврелией и любым из ее троих сводных братьев, но это сухое замечание Марка Котты могло бы исходить из уст Аврелии! Ее образ он увидел и в больших серо-фиолетовых глазах Марка Котты. Пора уходить, если дядя Марк превращается в мать. Кроме того, у него назначена встреча с Сервилией.

Но и это свидание тоже радости не принесло.

Обычно в тех случаях, когда Сервилия приходила раньше, она всегда была уже раздета и ждала его в постели. Но не сегодня. Сегодня она, полностью одетая, сидела в кресле в его кабинете.

– Мне нужно кое-что обсудить с тобой, – объявила она.

– Неприятность? – спросил он, садясь напротив нее.

– Самая серьезная и, если подумать, неизбежная. Я беременна.

В его холодном взгляде появилось непонятное выражение.

– Понимаю, – проговорил Цезарь и пристально посмотрел на нее. – Это затруднение?

– Во многих отношениях. – Она облизала губы – верный признак нервозности, необычной для нее. – Как ты относишься к этому?

Он пожал плечами:

– Ты замужем, Сервилия. Значит, это твоя проблема, не так ли?

– Да. Но что, если это будет мальчик? У тебя нет сына.

– А ты уверена, что это мой ребенок? – быстро парировал он.

– В этом не может быть сомнения, – решительно ответила она. – Я уже два года не сплю в одной постели с Силаном.

– И в этом случае проблема остается твоей. Ради мальчика я бы рискнул, но я не могу признать его своим, если ты не разведешься с Силаном и не выйдешь за меня до рождения ребенка. А если мальчик родится, пока ты будешь замужем за Силаном, сын – его.

– И ты готов рискнуть? – спросила она.

Он не колебался:

– Нет. Моя удача подсказывает мне, что это будет девочка.

– Не знаю. Я не предполагала, что такое произойдет, поэтому не сосредотачивалась на том, кто это будет – девочка или мальчик. Теперь все решится само собой.

Цезарь оставался невозмутимым, а Сервилия вела себя так же, как обычно. Он с восхищением отметил это. Женщина держала себя в руках.

– В таком случае самое лучшее, что ты можешь сделать, Сервилия, – это как можно быстрее заманить Силана в свою постель. Надеюсь, вчера ты так и поступила?

Она медленно покачала головой:

– К сожалению, это невозможно. Силан – не мужчина. Мы перестали спать вместе не по моей вине, уверяю тебя. Он – импотент, и это обстоятельство приводит его в отчаяние.

Это известие вызвало у Цезаря реакцию: стиснув зубы, он со свистом выдохнул.

– Значит, твой секрет скоро перестанет быть секретом, – констатировал он.

Следует отдать ей должное, она не рассердилась, встретив в любовнике подобное отношение. Сервилия не назвала Цезаря эгоистом, равнодушным к ее положению. Во многих отношениях они были похожи, чем, возможно, объяснялся тот факт, что Цезарь не мог полюбить ее. В постели сошлись два рассудочных человека, всегда подчиняющие сердце холодной голове.

– Не обязательно, – сказала она и улыбнулась. – Я увижу Силана сегодня, когда он придет домой с Форума. Вероятно, я все же смогу сохранить мою тайну.

– Да, так будет лучше, особенно если учесть, что наши дети помолвлены. Я не отказываюсь отвечать за свои действия, но меня беспокоит мысль о том, что о нашей связи пойдут обычные слухи и это причинит боль Юлии или Бруту. – Цезарь наклонился, взял ее руку, поцеловал и улыбнулся, глядя ей в глаза. – Ведь это не обычная связь, не так ли?

– Ты прав, – ответила Сервилия. – Все, что угодно, только не обычная. – Она снова облизала губы. – Срок еще совсем маленький, так что до мая или июня мы можем продолжать. Если ты хочешь.

– О да, – сказал Цезарь. – Я хочу этого.

– Потом, боюсь, мы не встретимся месяцев семь-восемь.

– Мне будет этого не хватать. И тебе тоже.

На этот раз она взяла его руку, но не поцеловала, а просто держала, улыбаясь ему.

– В эти семь-восемь месяцев ты можешь сделать мне одолжение, Цезарь.

– Какое?

– Соблазни жену Катона Атилию.

Он расхохотался:

– Занять меня женщиной, у которой нет шанса заменить тебя, да? Очень умно!

– Это правда. Я умная. Окажи мне услугу, пожалуйста. Соблазни Атилию!

Хмурясь, Цезарь стал обдумывать эту идею.

– Катон не стоит этого, Сервилия. Что он собой представляет в свои двадцать шесть лет? Я согласен, в будущем он может оказаться занозой у меня в боку, но я лучше подожду.

– Для меня, Цезарь, для меня! Пожалуйста! Ну пожалуйста!

– Ты так его ненавидишь?

– Достаточно, чтобы хотеть увидеть его разбитым на мелкие кусочки, – процедила Сервилия сквозь зубы. – Катон не заслуживает политической карьеры.

– Если я соблазню Атилию, это не мешает его карьере, как ты хорошо знаешь. Однако, если это так много для тебя значит, я согласен.

– О, замечательно! Благодарю тебя! – весело воскликнула она. Затем новая мысль пришла ей на ум: – А почему ты так и не соблазнил жену Бибула, Домицию? Уж ему-то ты с удовольствием наставил бы рога, он – уже опасный враг. Кроме того, его жена Домиция – кузина мужа моей сводной сестры Порции. Это также не понравится Катону.

– Я думаю, во мне есть что-то от хищной птицы. Предвкушение обольщения Домиции так приятно, что я все время откладываю это событие.

– Катон намного важнее для меня.

«Хищная птица, вот как? – думала она про себя, возвращаясь на Палатин. – Он, конечно, может считать себя орлом, но его поведение по отношению к жене Бибула – простая хитрость».

Беременность и дети были привычной частью жизни, и, за исключением Брута, Сервилия воспринимала их как нечто, что необходимо перенести с минимальными неудобствами. Брут – другое дело. Сын принадлежал только ей. Сервилия сама кормила его, сама меняла пеленки, купала его, играла с ним, развлекала. Ее отношение к двум дочерям было совсем иным. Сразу после рождения мать отдала их няням и почти забыла о них, пока они не подросли. Тогда Сервилия позаботилась дать им строгое воспитание, достойное римлянок. Но воспитывала она девочек без всякого интереса, без любви. Когда дочерям исполнилось шесть лет, она отдавала их в школу Марка Антония Гнифона, потому что Аврелия рекомендовала ее как наиболее подходящую для девочек. И у Сервилии не возникало причин жалеть об этом решении.

А теперь, по прошествии семи лет, у нее будет дитя любви, плод страсти, которая управляла ее жизнью. Ее чувство к Гаю Юлию Цезарю было таким интенсивным и мощным, что могло бы сойти за большую любовь. Но главным препятствием этому был он сам – его нежелание находиться во власти эмоций, возникающих в личных отношениях любого рода. С самого начала эта инстинктивная догадка спасла ее от ошибок, которые обычно совершают женщины, – от проверки его чувств до ожидания верности и открытого проявления интереса к чему-либо помимо того, что происходило между ними в скромной субурской квартире.

Поэтому, отправляясь к Цезарю, чтобы сообщить свою новость, Сервилия не ожидала, что известие о ребенке вызовет у него радость или пробудит в нем отцовские чувства. И она оказалась права, не позволяя себе надеяться на что-то. Новость не обрадовала Цезаря, но и не огорчила его. Как он сказал, это касалось только ее, а к нему не имело никакого отношения. Неужели она где-то глубоко-глубоко в душе лелеяла отчаянную надежду на то, что Цезарь захочет признать ребенка? Нет, Сервилия так не думала и домой шла не разочарованная и вовсе не подавленная. Так как у Цезаря не было жены, предстояло бы расторгнуть только один союз – ее с Силаном. Но стоит вспомнить, как Рим осудил Суллу за его скоропалительный развод с Элией! Сулле тогда было все равно, раз предмет его давней страсти, молодая жена Скавра, стала вдовой и теперь была свободна. И Цезарю было бы все равно. Конечно, в отличие от Суллы Цезарь имел некое понятие о чести, но не особенно возвышенное, поскольку оно было слишком тесно связано с самомнением. Цезарь определил для себя нормы поведения, которые

включали каждый аспект жизни. Он не подкупал присяжных, не вымогал в провинциях, не был ханжой. Все это – не более и не менее чем гарантия того, что Цезарь сделает все наилучшим образом: он не будет прибегать к методам, облегчающим политическую карьеру. Его уверенность в себе была нерушима. Он ни на мгновение не сомневался в своей способности достичь желаемого. Но признать ребенка Сервилией своим, попросить ее развестись с Силаном, чтобы жениться на ней? Нет, он даже думать об этом не захочет. И Сервилия точно знала почему. Ведь это продемонстрировало бы другим патрициям на Форуме, что Цезарь находится в подчинении у человека ниже себя – у женщины.

Конечно, Сервилия отчаянно хотела выйти за него замуж, но не для того, чтобы Цезарь признал своим этого будущего ребенка, а потому, что любила его умом и телом, признавала в нем одного из великих римлян. Сервилия видела в Цезаре подходящего ей мужа, который не обманет ее ожиданий, чья политическая или военная карьера, чье *dignitas* могли еще больше повысить ее статус. В нем соединились и Публий Корнелий Сципион Африканский, и Гай Сервилий Агала, и Квинт Фабий Максим Кунктатор, и Луций Эмилий Павел. Он был плоть от плоти истинной патрицианской аристократии – квинтэссенция римлянина; он обладал огромным интеллектом, энергией, решительностью и силой. Идеальный муж для Сервилией Цепионы. Идеальный отчим для ее дорогого Брута.

Незадолго до часа обеда Сервилия явилась домой. Децим Юний Силан, как сообщил ей управляющий, был в своем кабинете. «Что же с ним случилось?» – думала она, входя в комнату. Силан сидел за столом, писал письмо. В свои сорок лет он выглядел на пятьдесят. Лицо процертили глубокие морщины. Преждевременная седина сливалась с серым цветом лица. Силан стремился как можно лучше выполнять обязанности городского претора, но эта должность забирала у него последние жизненные силы. Его недомогание было непонятно до такой степени, что ставило под сомнение диагностические способности всех врачей в Риме. Общее мнение медиков сводилось к тому, что болезнь прогрессирует слишком медленно, чтобы делать вывод о наличии злокачественной опухоли. Причем никто не мог нащупать никакой опухоли, и печень его не была увеличена. Через год Силан уже мог бы выставить свою кандидатуру на должность консула, но Сервилия считала, что у супруга не хватит сил обеспечить себе успешную предвыборную кампанию.

– Как ты сегодня себя чувствуешь? – осведомилась она, усаживаясь в кресло у его стола.

Когда она вошла, он поднял голову, улыбнулся ей и теперь положил перо с явным удовольствием. Его любовь к Сервилии после десяти лет брака не угасла, но неспособность быть ей мужем терзала Силана куда больше, чем болезнь. Зная о слабости своего характера, он думал, когда болезнь обострилась после рождения Юниллы, что Сервилия обрушится на него с упреками и критикой. Но она ни разу ни в чем его не упрекнула, даже после того, как боль и жжение в животе по ночам заставили его спать в отдельной комнате. Любая попытка заняться сексом заканчивалась страшно смущающей его неудачей, и Силану казалось: если он удалится от жены физически, это будет более милосердно и менее унижительно. Он был способен только на объятия и поцелуи, но Сервилия в акте любви не проявляла сентиментальности, ей была неинтересна бесцельная сексуальная игра.

Поэтому Силан ответил на вопрос жены честно:

– Не лучше и не хуже, чем обычно.

– Муж мой, я хочу поговорить с тобой, – сказала она.

– Конечно, Сервилия.

– Я беременна, и ты прекрасно знаешь, что ребенок не твой.

Лицо Силана из серого стало белым, он покачнулся. Сервилия вскочила, быстро прошла к консольному столику, где стояли два графина и несколько серебряных кубков. Налила неразбавленного вина в один из них и подала ему, поддерживая мужа, пока он пил, чуть рыгая.

– О Сервилия! – воскликнул Силан, когда это стимулирующее средство возымело действие и она вернулась в свое кресло.

– Если это послужит тебе хоть каким-то утешением, – проговорила Сервилия, – это обстоятельство не имеет ничего общего с твоей болезнью и неспособностью. Если бы даже ты был неутомимым, как Приап, я все равно пошла бы к тому человеку.

У него брызнули слезы и покатались по щекам все быстрее и быстрее.

– Возьми платок, Силан! – не выдержала Сервилия.

Он вынул платок, вытер слезы.

– Кто он? – едва выговорил Силан.

– Все в свое время. Сначала я хочу знать, что ты намерен делать в данной ситуации. Отец ребенка на мне не женится. Сделать так – значит уронить свое *dignitas*, а это для него значит куда больше, чем я. Я не виню его, ты понимаешь.

– Как ты можешь быть такой рассудительной? – удивился он.

– Не вижу смысла вести себя по-другому! Или ты хочешь, чтобы я бегала, рыдала, кричала и сделала всеобщим достоянием то, что касается только нас?

– Думаю, нет, – устало ответил он и вздохнул, спрятав носовой платок. – Нет, конечно нет. Ведь это доказало бы, что ты – человек. Если что и беспокоит меня, Сервилия, так это отсутствие в тебе человечности, твоя неспособность понять слабость. Ты сверлишь как бурав, с мастерством опытного ремесленника.

– Это очень плохая метафора, – сказала Сервилия.

– Но именно это я всегда чувствовал в тебе – и, наверное, завидовал, потому что у меня самого нет этого качества. Я восхищен. Но это доставляет неудобство, поэтому не вызывает жалости.

– Не трать на меня своей жалости, Силан. Ты не ответил на мой вопрос. Как ты поступишь в данной ситуации?

Он встал, не отпуская спинки кресла, и медлил, пока не уверился, что ноги его держат. Затем несколько раз прошелся по комнате и наконец взглянул на нее. Такая спокойная, сдержанная, словно ничего не случилось!

– Поскольку ты не намерена выходить замуж за этого человека, полагаю, лучшее, что я могу сделать, – это на некоторое время вернуться в нашу общую спальню. Достаточное для того, чтобы все сочли ребенка моим, – сказал Силан, снова садясь.

Ну почему она не может хотя бы сделать вид, что благодарна ему, чтобы он увидел, как она расслабилась, как счастлива? Нет, кто угодно, только не Сервилия! Она совершенно не изменилась, даже выражение ее глаз осталось прежним.

– Это разумно, Силан, – произнесла она. – Будь я на твоем месте и в твоем положении, именно так я бы и поступила. Но никогда ведь не знаешь, как поступит мужчина, когда задета его гордость.

– Да, это задевает мою гордость, Сервилия, но я предпочел бы не уронить мою гордость, по крайней мере, в глазах людей нашего круга. Никто не знает?

– Знает он, но он будет молчать.

– Какой у тебя срок?

– Небольшой. Если мы опять начнем спать вместе, сомневаюсь, что кто-нибудь догадается по дате рождения ребенка, что он не твой.

– Вы, наверное, были очень осторожны, потому что я ничего не слышал, а всегда сыщется доброжелатель, который с удовольствием сообщит сплетню обманутому мужу.

– Слухов не будет.

– Кто он? – снова спросил Силан.

– Конечно, Гай Юлий Цезарь. Я не пожертвовала бы своей репутацией ради кого-то другого.

– Нет, конечно не пожертвовала бы. Его происхождение, говорят, так же высоко, как велик его детородный орган, – с горечью сказал Силан. – Ты его любишь?

– О да.

– Могу понять почему, как бы мне ни был противен этот человек. Женщины из-за него становятся дурами.

– Я дурой не стала.

– Это правда. И ты намерена продолжать видеться с ним?

– Да. Я не могу не видеться с ним.

– Когда-нибудь это выйдет наружу, Сервилия.

– Может быть. Но ни он, ни я не хотим, чтобы о нашей связи знали, поэтому мы постараемся избежать огласки.

– Думаю, за это я должен быть тебе благодарен. В любом случае меня уже не будет в живых, когда все откроется.

– Я не хочу твоей смерти, муж мой.

Силан засмеялся, но как-то невесело:

– И за это я тоже должен быть благодарен! Думаю, если бы это тебе было выгодно, ты постаралась бы ускорить мой уход.

– Это мне невыгодно.

– Понимаю. – Вдруг он вздрогнул. – О боги, Сервилия, ведь ваши дети официально помолвлены! Как ты надеешься сохранить эту связь в секрете?

– Не вижу, какую опасность представляют для нас Брут и Юлия. Они не видят нас вместе.

– Очевидно, вас никто не видит. Учитывая, что слуги тебя боятся.

– Да, это так.

Силан обхватил голову руками:

– Я хотел бы побыть один, Сервилия.

Она немедленно встала:

– Обед скоро будет готов.

– Только не для меня.

– Ты должен есть, – сказала она, направляясь к двери. – Я заметила, что после того, как ты поешь, боли на несколько часов ослабевают. Особенно когда ты хорошо поешь.

– Не сегодня! Уйди, Сервилия, уйди!

Сервилия ушла, вполне довольная разговором. Сама того не ожидая, она чувствовала к Силану что-то вроде благодарности.

Плебейское собрание обвинило Марка Аврелия Котту в казнокрадстве, наложило на него штраф, превышающий его состояние, и запретило селиться ближе чем за четыреста миль от Рима.

– Я теперь не могу поехать в Афины, – сказал он своему младшему брату Луцию и Цезарю, – но и мысль о Массилии мне претит. Поэтому, думаю, я отправлюсь в Смирну и присоединюсь к дяде Публию Рутилию.

– Компания куда лучше, чем Веррес, – сказал Луций Котта, пораженный приговором.

– Я слышал, что плебс собирается сделать Карбона консуляром в знак уважения к нему, – сказал Цезарь, криво улыбаясь.

– С ликторами и фасциями? – ахнул Марк Котта.

– Признаюсь, со вторым консулом легче сладить теперь, когда Глабрион уехал управлять новой, объединенной провинцией Вифиния-Понт, дядя Марк, но, хотя плебс имеет право раздавать тоги с пурпурной полосой и курульные кресла, я никогда не слышал, что он может жаловать империй! – взорвался Цезарь, дрожа от гнева. – Это все из-за азиатских публиканов!

– Оставь, Цезарь, – стал успокаивать его Марк Котта. – Времена меняются, это же так просто. Можешь назвать это реакцией всаднического сословия на притеснения Суллы. Мы ведь предвидели, что такое может случиться, и перевели мои земли и деньги на Луция.

– Доходы мы будем посылать тебе в Смирну, – заверил Луций Котта. – Хотя осудили тебя всадники, сенат тоже в этом поучаствовал. Я могу понять Катугла, Гая Пизона и остальное охвостье, но Публий Сулла, его приспешник Автроний и вся эта свора старательно помогали Карбону. Да и Катилина тоже. Этого я никогда не забуду.

– Я тоже, – сказал Цезарь, стараясь улыбнуться. – Я очень тебя люблю, дядя Марк, ты это знаешь. Но даже ради тебя я не смогу сделать рогатым Публия Суллу, соблазнив эту ведьму, сестру Помпея.

Такое заявление вызвало всеобщий смех. Каждый с удовлетворением подумал о том, что Публий Сулла уже наказан – тем, что вынужден жить с сестрой Помпея, немолодой, некрасивой и очень любившей выпить.

В конце февраля Авл Габиний наконец поразил всех. Только он один знал, как трудно было сдерживать себя, заставляя Рим думать, что он, глава коллегии плебейских трибунов, – несерьезный, ничтожный человек. К нему относились не слишком доброжелательно: уроженец Пицена, ставленник Помпея. И все же Габиний не был «новым человеком». Его отец и дядя были сенаторами. Кроме того, в жилах Габиниев текло много всеми уважаемой римской крови. Авл Габиний мечтал сбросить с себя ярмо Помпея и стать самостоятельным политиком, хотя здравый смысл подсказывал ему, что он никогда не будет достаточно влиятелен для того, чтобы возглавить собственную фракцию. Скорее, Помпей Великий был недостаточно велик. А Габиний очень хотел стать союзником настоящего римлянина, ибо многое в Пицене и пиценцах раздражало его, особенно их отношение к Риму. Помпей для них значил больше, чем Рим, и Габинию было тяжело принять это. Но это было естественно! Помпей был некоронованным царем Пицена, и в Риме он тоже обладал огромным влиянием. Большинство пиценцев с гордостью следовали за земляком, который утвердил свое господство над людьми, считавшимися выше его.

Авл Габиний, красивый и статный, не желал иметь патроном Помпея. Разумеется, его выбор пал не на кого другого, как на Гая Юлия Цезаря. Много лет назад они познакомились при осаде Митилены и сразу прониклись друг к другу симпатией. С неподдельным восхищением Габиний наблюдал, как Цезарь демонстрировал свои экстраординарные способности. Многое подсказывало Габинию, что ему выпала привилегия считать своим другом человека, который однажды приобретет огромное значение. Другие тоже могут быть красивы, высоки, хорошо сложены, обладать шармом и даже иметь великих предков. Но Цезарь был наделен гораздо большим. Иметь такой мощный интеллект и в то же время быть храбрейшим из храбрых! Это выделяло Цезаря из толпы. Обычно очень умные люди усматривают в храбрости множество рисков. А Цезарь умел устранять все риски, грозившие любому его предприятию. Что бы он ни затеял, он всегда находил способ применить именно те свои качества, которые лучше всего служили осуществлению его цели. И у него имелась сила, которой у Помпея никогда не будет. Нечто неуловимое, что исходило от Цезаря и формировало мир вокруг него согласно его желанию. Цезарь не останавливался ни перед чем, ему был чужд страх.

И хотя за прошедшие после Митилены годы они мало виделись, мысль о Цезаре не давала Габинию покоя. Он твердо решил, что в тот день, когда Цезарь возглавит собственную фракцию, он станет одним из самых верных его сторонников. Но как ему выйти из числа клиентов Помпея, Габиний не знал. Помпей был его патроном, поэтому Габиний обязан работать на него, как всякий клиент. Все это значило, что своим выступлением Габиний надеялся больше поразить молодого и загадочного Цезаря, нежели Гнея Помпея Магна, Первого Человека в Риме, своего патрона.

Габиний не собирался говорить в сенате. С тех пор как права плебейских трибунов были полностью восстановлены, это необязательно. Лучше ударить по сенату без предупреждения и в такой день, когда никто не заподозрит грядущих великих перемен.

В комиции собрались всего около пятисот человек. Габиний поднялся на ростру, чтобы обратиться к ним с речью. Это был профессиональный плебс, политическое ядро, люди, которые никогда не пропускали собраний и могли дословно пересказать особенно яркие речи. Они помнили даже детали всех важных плебисцитов, проводимых за последние тридцать лет.

Лестница здания сената тоже почти пустовала. Там стояли только Цезарь, несколько сенаторов – клиентов Помпея, включая Луция Афрания и Марка Петрея, а также Марк Туллий Цицерон.

– Если мы и нуждались в напоминании о том, насколько серьезной для Рима является проблема пиратства, то грабеж Остии и захват нашего первого груза сицилийского зерна три месяца назад должны были послужить гигантским стимулом! – обратился Габиний к плебсу и к наблюдателям на ступенях курии Гостилия. – И что же мы сделали, чтобы очистить Наше море от этого пагубного наваждения? – гремел он. – Что мы сделали, чтобы обезопасить зерно и уберечь граждан Рима от голода, не вынуждать их платить за хлеб, их основной продукт питания, выше обычной цены? Что мы сделали, чтобы защитить наших купцов и их суда? Что мы сделали, чтобы не похищали наших дочерей, наших преторов? Очень мало, уважаемый плебс, очень, очень мало!

Цицерон подвинулся ближе к Цезарю, тронул его за руку.

– Я заинтригован, – сказал он, – но не озадачен. Ты знаешь, куда он клонит, Цезарь?

– О да.

А Габиний продолжал, воодушевляясь все больше и больше:

– То немного, что мы предприняли с тех пор, как более сорока лет назад Антоний Оратор попытался прогнать пиратов, пришлось на период после правления диктатора, когда его преданный союзник и коллега Публий Сервилий Ватия уехал управлять Киликией. Он получил приказ ликвидировать пиратов. Ему предоставили власть проконсула и полномочия набирать флот в каждом городе и государстве, страдающем от пиратов, включая Кипр и Родос. Он начал с Ликии и занялся Зеникетом. Ему потребовалось три года, чтобы разделаться с одним пиратом! И база этого пирата находилась в Ликии, а не среди скал и утесов Памфилии или Киликии, где прячутся худшие грабители. Оставшееся время своего пребывания во дворце наместника в Тарсе он посвятил маленькой победоносной войне против племени исаврийцев, крестьян-землепашцев, обитающих во внутренней Памфилии. Когда он победил их, захватив два их несчастных городка, наш драгоценный сенат позволил ему именовать себя Публием Сервилием Ватией Исаврийским – как вам это нравится? Ведь Ватия – не очень благозвучное имя, не правда ли? «Кривоногий»! Можно ли осуждать беднягу за желание избавиться от имени «Публий из семьи Сервилиев, Традиционно Кривоногих» и называться «Публий Сервилий Кривоногий, Победитель исаврийцев»? Вы должны признать, что «Исаврийский» добавляет немного блеска унылому имени!

В качестве иллюстрации Габиний приподнял тогу выше колен, продемонстрировал свои стройные ноги и прошелся по ростру, нарочито соединив колени и широко расставив ступни. Аудитория разразилась хохотом.

– Следующая глава нашего повествования, – продолжал Габиний, – это Марк Антоний-сын и события, развернувшиеся вокруг острова Крит. Преемственность! Марк Антоний-сын получает назначение на том лишь основании, что его отец Марк Антоний Оратор – намного более способный человек, которому тем не менее не удалось выполнить задачу! – некогда был направлен сенатом и народом Рима ликвидировать пиратство на Нашем море. На этот раз благодаря новым правилам нашего диктатора назначение определял только сенат. В первый год своей кампании Антоний мочился неразбавленным вином в водах западной части

Нашего моря и время от времени объявлял об одной-двух одержанных победах, но никогда не предъявлял реальных доказательств, таких как трофеи или носы кораблей. Затем, рыгая и наполнив газами паруса, Антоний отправился в Грецию, пьянствуя всю дорогу. Здесь в течение двух лет он бился против пиратских флотоводцев на Крите, и мы все знаем, чем это кончилось. Ластен и Панарет разгромили его флот наголову. И в конце концов разломанный Мелок – ибо именно таково второе значение слова *Creta*, Критский! – предпочел покончить с собой, нежели предстать перед сенатом, поручившим ему дело, с которым он не справился. После этого настала очередь другого человека с блестящим прозвищем – это Квинт Цецилий Метелл, Метелл Козленок. Похоже, Метелл Козленок тоже хочет стать Критским! Но будет ли его прозвище означать «Победитель критян» или же перед нами опять предстанет Мелок? Как вы думаете, уважаемые плебеи?

– Мелок! Мелок! – был ответ.

Габиний закончил свою речь словами:

– И это, дорогие друзья, подводит нас к разгрому Остии, к тупику на Крите, к неприкосновенности каждого пиратского убежища, от Гадеса в Испании до Газы в Палестине! Ничего не было сделано! Ничего!

Поскольку тога Габиния немного помялась в результате демонстрации походки кривоногого Ватии, оратор замолчал и стал приводить одежду в порядок.

– И что ты предлагаешь нам делать, Габиний? – крикнул Цицерон со ступеней сената.

– А-а, привет тебе, Марк Цицерон! – весело ответил Габиний. – И Цезарь тоже здесь! Лучшая пара ораторов в Риме слушает робкую болтовню человека из Пицены. Я польщен, особенно если учесть, что вы стоите там совсем одни. Ни Катула, ни Гая Пизона, ни Гортензия, ни великого понтифика Метелла Пия?

– Продолжай свою речь! – крикнул развеселившийся Цицерон.

– Благодарю, я продолжу. Ты спрашиваешь, что нам делать? Ответ прост, уважаемый плебс. Мы найдем человека. Одного-единственного. Человека, который уже был консулом, так что его законное право не будет подлежать сомнению. Человека, чья военная карьера не началась с передних скамей сената, как у тех, кого я мог бы назвать по имени. Мы найдем такого человека. И под словом «мы» я имею в виду собравшихся здесь. Не сенат! Сенат уже пытался найти – от Кривоногого до Мелка, – и все оказалось безуспешно! Поэтому сенат должен отказаться от своих прав в этом деле, которое касается всех нас. Я повторяю, мы найдем консуляра, способного военачальника. И тогда мы поручим ему очистить от пиратов Наше море – от Геркулесовых столпов до устья Нила! Мы поручим ему освободить от них Эвксинское море. На выполнение этой задачи мы дадим ему три года. И ему придется постараться в эти три года, хорошенько постараться, потому что, если он не выполнит задания, мы обвиним его и вышлем из Рима навсегда!

К оратору отовсюду спешили сенаторы из фракции *boni*. Они оставили дела, которыми занимались кто где, созванные клиентами, имевшими задание постоянно находиться на Форуме, чтобы следить даже за самым безобидным собранием. Пронесся слух, что Авл Габиний говорит о пиратах, и *boni* – как и другие фракции – знали, к чему он клонит. Габиний собирается просить плебс отдать пиратов Помпею. Чего нельзя допустить. Помпей больше никогда не должен получать специальное назначение, никогда! Иначе он окончательно возомнит себя выше людей, принадлежавших к сливкам римского общества.

В отличие от Габиния, Цезарь мог оглядеться вокруг. Он увидел, как Бибул спускается в комиций в сопровождении Катона, Агенобарба и юного Брута. Интересный квартет. Сервилии не понравится, если она услышит, что ее сын общается с Катоном. Очевидно, Брут понимал это и, стараясь держаться как можно незаметнее, не слушал, что говорит Габиний. Но Бибул, Катон и Агенобарб были разгневаны. А Габиний продолжал:

– Этому человеку следует предоставить абсолютную свободу действий. Как только он приступит к выполнению задания, ни сенат, ни народ не должны чинить ему препятствий. Это, конечно, означает, что мы наделим его неограниченными полномочиями – и не только на море! Его власть должна распространяться на суше на пятьдесят миль вглубь материка на всех побережьях. И на этой полоске суши его империй должен превышать империй любого провинциального наместника. Ему следует придать хотя бы пятнадцать легатов в статусе пропреторов, чтобы он имел свободу выбора и сам расставил людей на местах так, чтобы ему никто не мешал. Нужно снабдить его средствами и наделить властью реквизировать все, от денег до кораблей и гарнизонов, в любой местности, на которую распространяется его империй. Он должен иметь столько кораблей, флотов, флотилий и римских солдат, сколько ему потребуется.

В этот момент Габиний заметил вновь прибывших и театрально удивился. Он посмотрел Бибулу в глаза и усмехнулся с откровенным удовольствием. Ни Катул, ни Гортензий не подошли. Но достаточно одного Бибула, их верного последователя.

– Если мы предоставим командование в войне против пиратов одному человеку, плебеи, – выкрикнул Габиний, – тогда мы сможем наконец покончить с пиратством. Но если мы позволим определенным элементам в сенате запугать нас или помешать нам, тогда именно мы – и никто другой в Риме! – будем отвечать за несчастья, которые последуют за поражением в этой войне. Давайте же раз и навсегда разделаемся с пиратами! Пора нам кончать с полумерами, компромиссами. Хватит подлизываться к знатым и богатым семьям и отдельным людям, которые воображают себя очень важными и настаивают на том, что право защищать Рим принадлежит только им! Пора покончить с бездеятельностью! Пора выполнить эту работу!

– Ты собираешься заканчивать, Габиний? – крикнул Бибул со дна колодца.

Вид у Габиния был самый невинный.

– Что заканчивать, Бибул?

– Назвать имя, имя!

– У меня нет имени, Бибул, только решение.

– Ерунда! – послышался грубый, резкий голос Катона. – Абсолютная чушь, Габиний! Ты знаешь имя! Имя твоего хозяина, твоего пиценского выскочки, для которого главное удовольствие – разрушить все традиции и обычаи Рима! Ты говоришь все это не из патриотизма, ты служишь интересам своего хозяина, Гнея Помпея Магна!

– Имя! Катон назвал имя! – с деланой радостью крикнул Габиний. – Марк Порций Катон назвал имя!

Габиний наклонился вперед, согнул колени, как можно ближе наклонил голову к Катону и нарочито тихо проговорил:

– Разве тебя не выбрали военным трибуном, Катон? Разве по жребию ты не должен был отправиться служить в Македонию к Марку Рубрию? И разве Марк Рубрий уже не отбыл в свою провинцию? Ты не думаешь, что тебе пора начать надоедать Рубрию в Македонии и оставить Рим в покое? Но – благодарю тебя за то, что ты назвал имя! Пока ты не предложил Гнея Помпея Магна, я и понятия не имел, какая же кандидатура будет самой подходящей.

После этого Габиний распустил собрание, прежде чем кто-либо из плебейских трибунов *boni* появился на ростре.

Бибул резко повернул голову к своим товарищам, губы его были сжаты, взгляд леденит. Дойдя до Нижнего форума, Бибул схватил Брута за руку.

– Ты выполнишь мое поручение, молодой человек, – сказал он, – а потом можешь отправляться домой. Найди Квинта Лутация Катула, Квинта Гортензия и Гая Пизона, консула. Скажи им, чтобы они сейчас же пришли ко мне домой.

Вскоре трое лидеров *boni* сидели в кабинете Бибула. Агенобарб ушел, но Катон еще оставался. Бибул считал его большим интеллектуалом, чье присутствие необходимо на совете с Гаєм Пизоном: без подкрепления тот был туповат.

– Было слишком тихо, и Помпей Магн подозрительно затаился, – сказал Квинт Лутаций Катул, худощавый, с рыжеватыми волосами, что говорило о том, что крови предков Цезарей в нем куда меньше, чем крови предков его матери, Домициев Агенобарбов.

Отец Катула, Катул Цезарь, был великим человеком, и противник ему достался более серьезный, Гай Марий, но Катул Цезарь погиб во время страшной резни, которую Марий устроил в Риме в начале своего бесславного седьмого консульства. Сын Катула Цезаря оказался в унижительном положении. На протяжении всей ссылки Суллы он оставался в Риме, потому что не мог поверить, что Сулла одолеет Цинну и Карбона. А когда Сулла стал диктатором, Катул сделался очень осторожным и лебезил, пока ему не удалось убедить диктатора в своей верности. Именно Сулла назначил его консулом в паре с Лепидом, поднявшим мятеж, – снова неудача. И хотя Катул одолел Лепида, но сражаться с Серторием в Испании – что было значительно важнее – поручили Помпею. Вот так и сложилась жизнь Катула. Никогда ему не удавалось выдвинуться, чтобы получить возможность превзойти своего грозного отца. И теперь ему за пятьдесят и он зол на всех.

Катул слушал, что говорил Бибул, не имея ни малейшего понятия, как противостоять Габинию, кроме традиционного способа – объединить сенат и до конца противиться любому специальному назначению.

Бибул был намного моложе Катула и полон жгучей ненависти к красивым людям, которые умеют возвыситься над всеми другими. Бибул знал, что многие сенаторы выступят за назначение Помпея в таком важном деле, как ликвидация пиратов.

– Ничего не получится, – прямо сказал он Катулу.

– Должно получиться! – крикнул Катул, хлопнув в ладоши. – Мы не можем допустить, чтобы пиценский грубиян Помпей и все его подхалимы хозяйничали в Риме так, словно это один из городишек Пицена! Что такое Пицен? Всего лишь окраинная италийская область, полная так называемых римлян, которые в действительности произошли от галлов! И от нас, истинных римлян, ждут, что мы унизимся перед Помпеем Магном! Позволим ему снова занять положение более престижное, чем могут допустить истинные римляне! Магн! Как мог такой римский патриций, как Сулла, разрешить Помпею присвоить себе имя «Великий»?

– Согласен! – свирепо рявкнул Гай Пизон. – Это невыносимо!

Гортензий вздохнул.

– Помпей был нужен Сулле, а Сулла готов был отдаться даже Митридату или Тиграну, если бы это оказался единственный способ вернуться из ссылки и править Римом, – сказал он, пожав плечами.

– Нет смысла ругать Суллу, – сказал Бибул. – Мы должны сохранять хладнокровие, иначе проиграем. Ситуация складывается в пользу Габиния. Остается признать тот факт, Квинт Катул, что сенат не справился с пиратской угрозой. И я не думаю, что наш друг Метелл чего-то добьется на Крите. События в Остии дали Габинию повод предложить это решение.

– Ты хочешь сказать, что нам не удастся помешать назначению Помпея? – спросил Катон.

– Да.

– Помпей не сумеет победить пиратов, – кисло улыбаясь, заметил Пизон.

– Вот именно, – согласился Бибул. – Может случиться так, что плебс назначит Помпея. Но после того как он потерпит неудачу, мы сможем покончить с ним раз и навсегда.

– Нет, – возразил Гортензий. – Есть способ помешать Помпею получить это назначение. Надо предложить плебсу другого кандидата. Такого, чтобы он предпочел нашего ставленника Помпею.

Наступило молчание. Вдруг Бибул сильно ударил рукой по столу.

– Марк Лициний Красс! – крикнул он. – Блестяще, Гортензий, блестяще! Он такой же опытный, как Помпей, и у него хорошая поддержка со стороны всадников. Что их всех беспокоит? Потеря денег. А из-за пиратов они ежегодно теряют миллионы. Никто в Риме никогда не

забудет, как Красс провел кампанию против Спартака. Этот человек – гениальный организатор, он как лавина, его невозможно остановить, и он безжалостен, как старый царь Митридат.

– Мне не нравятся ни он, ни его взгляды, но он не трус, – слышался довольный голос Гая Пизона. – И шансов у него не меньше, чем у Помпея.

– Тогда все в порядке. Мы попросим Красса взяться за это дело, – с удовлетворением заключил Гортензий. – Кто поговорит с ним?

– Я, – сказал Катул. Он в упор посмотрел на Пизона. – А тем временем, старший консул, я предлагаю созвать заседание сената завтра на рассвете. Габиний не назначил даты следующего плебейского собрания, так что мы поставим этот вопрос в сенате и обеспечим *consultum*, предписывающий плебсу назначить Красса.

Но у Красса уже кто-то побывал, как впоследствии догадался Катул, когда несколько часов спустя обдумывал у себя дома результат беседы.

Цезарь торопливо сбежал по лестнице сената и направился прямо с Форума в конторы Красса, расположенные в инсуле позади Рынка деликатесов, где торговали специями и цветами. Несколько лет назад сенат вынужден был продать на аукционе этот рынок в частные руки. Тогда это был единственный способ профинансировать кампанию Суллы на Востоке против Митридата. Красс, в то время еще молодой человек, не располагал достаточной суммой, чтобы купить его. Во время проскрипций Суллы рынок попал на другой аукцион. А уж тогда Красс имел возможность покупать все, что захочет. Таким образом, теперь ему принадлежала лучшая собственность за восточной границей Форума, включая дюжину складов, где торговцы хранили свои драгоценные зерна перца, нард, фимиама, корицу, бальзамы, духи и ароматические вещества.

Красс был крупным человеком, высоким и широкоплечим. Его тело было совершенно лишено жира. Мускулистые шея, плечи, торс в сочетании с безмятежным выражением лица приводили на ум сравнение с быком. Причем с бодучим быком. Он женился на вдове обоих своих старших братьев, сабинянке из хорошей семьи, по имени Акция, которая стала известной под именем Тертулла, потому что побывала замужем за тремя братьями. У него имелось двое способных сыновей. Впрочем, старший, Публий, в действительности являлся сыном его старшего брата Публия. Публию-младшему оставалось десять лет до senatorского возраста, а сыну самого Красса, Марку, – и того больше. Никто не мог сказать, что Красс плохой семьянин. Его преданность и любовь к жене получили широкую известность. Но семья не была страстью Красса. Марк Лициний Красс имел лишь одну страсть – деньги. Некоторые называли его самым богатым человеком в Риме, но Цезарь, поднимаясь по грязной, узкой лестнице в его берлогу на пятом этаже инсулы, так не считал. Состояние Сервилия Цепиона неизмеримо больше. Равно как и состояние человека, по поводу которого Цезарь, собственно, и направлялся к Крассу, – Помпея Великого.

То, что Красс предпочитал преодолевать пять пролетов лестницы, чем занимать более удобные комнаты ниже, было типично для человека, который очень хорошо разбирался в рентах. Чем выше этаж, тем ниже рента. Зачем самому попусту тратить несколько тысяч сестерциев, если можно получать их, сдавая в аренду нижние этажи? Кроме того, лестница – полезное упражнение. Красс не утруждал себя заботой о таких вещах, как приличия или удобства. Он сидел за столом в углу комнаты, а перед его глазами постоянно мелькали служащие. Он спокойно относился к тому, что они запросто могли толкнуть его, и не обращал внимания, если они громко разговаривали.

– Время проветриться! – крикнул ему Цезарь, кивнув на дверь.

Красс немедленно встал и спустился с Цезарем вниз, на улицу, погрузившись в шум и суету Рынка деликатесов.

Цезарь и Красс были друзьями с тех пор, как Цезарь служил под началом Красса в войне против Спартака. Многие удивлялись их странной дружбе, ибо замечали лишь внешнюю разницу между ними и не усматривали значительно большего внутреннего сходства. За двумя очень разными обликами скрывалась одинаково твердая сталь, которую они сразу почувствовали, хотя для всего мира это оставалось неясным.

Цезарь и Красс, встретившись в конторе, не сделали того, что сделали бы на Рынке деликатесов очень многие. А именно не пошли в знаменитую закусочную, чтобы купить сдобренный специями свиной фарш, запеченный в слоеное тесто. Это тесто приготавливалось так: слой смазывался холодным жиром, складывался, раскатывался, затем опять смазывался жиром, складывался, раскатывался – и так много раз... Цезарь, как всегда, был не голоден, а Красс считал, что есть вне дома – напрасно тратить деньги. Они нашли свободное место у стены, где можно прислониться, между перечной лавкой и школой для мальчиков и девочек, проводившей занятия на открытом воздухе.

– Ну вот, здесь нас никто не подслушает, – сказал Красс.

Он поскреб свою лысину, которая вдруг проступила после того, как он год побыл младшим консулом у Помпея. Именно тогда у Красса начали сильно выпадать волосы. Красс полагал, что это вызвано тревожностями, связанными с необходимостью возместить тысячу талантов, которые он был вынужден потратить, дабы закончить свое консульство с большим блеском, чем Помпей. Ему и в голову не приходило, что его лысина имеет какое-то отношение к возрасту: в этом году ему исполнялось пятьдесят. Но Марк Красс и слышать не хотел о старении и во всем винил финансовые трудности.

– Вот увидишь, – сказал Цезарь, глядя на красивую смуглую девчужку, слушавшую урок, – сегодня вечером к тебе явится не кто иной, как наш дорогой Квинт Лутаций Катул.

– О-о!.. – воскликнул Красс, глядя на грабительскую цену, написанную мелом на деревянной дощечке, что была прислонена к глазурированному керамическому кувшину с тапробанским перцем. – А что случилось, Цезарь?

– Тебе стоило оставить свои бухгалтерские книги и пойти сегодня на плебейское собрание, – ответил Цезарь.

– Было интересно?

– Восхитительно, хотя и не неожиданно – для меня, по крайней мере. В прошлом году у меня состоялся небольшой разговор с Магном, поэтому я был подготовлен. Сомневаюсь, что кто-нибудь еще знал, кроме Афрания и Петрея, которые составили мне компанию на ступенях курии Гостилия. Со мною был и Цицерон, но он просто заглянул туда из любопытства. У него замечательный нюх. Он всегда знает, на какое собрание стоит прийти.

Красс – отнюдь не дурак в политике – отвел взгляд от дорожащего перцем и уставился на Цезаря:

– Ого! И чего же хочет наш друг Магн?

– Габиний предложил плебсу предоставить неограниченный империй и все прочее – в абсолютно неограниченном количестве – одному человеку. Естественно, он не назвал имени этого человека. Цель всего этого – покончить с пиратами, – пояснил Цезарь и улыбнулся, увидев, как девочка своей восковой дощечкой ударила по голове сидевшего рядом мальчика.

– Идеальная работа для Магна, – сказал Красс.

– Конечно. Я понимаю, что он обдумывал этот вопрос больше двух лет. Однако среди сенаторов подобное назначение не будет популярным, не так ли?

– Включая Катула и его мальчиков.

– Катула поддержит большинство членов сената, вот увидишь. Они никогда не простят Магна за то, что он вынудил их сделать его консулом.

– И я тоже, – решительно заявил Красс. Он глубоко вдохнул. – Значит, ты думаешь, что Катул попросит меня изъять желание выполнить эту работу, выступив против Помпея, да?

– Обязательно.

– Заманчиво, – сказал Красс.

Внимание Цезаря опять отвлекла школа, потому что маленький мальчик плакал и педагог пытался предотвратить всеобщую свалку.

– Не дай себя уговорить, Марк, – мягко сказал Цезарь.

– Почему?

– Это не сработает. Поверь мне. Если Магн подготовился так, как я думаю, – пусть он и берется за дело. Твои торговые операции страдают от пиратов, как и любые другие. Если ты достаточно умен, ты останешься в Риме и воспользуешься свободными от пиратов водными путями. Ты знаешь Магна. Он выполнит это задание, и выполнит хорошо. А все остальные будут сидеть сложа руки и ждать. Ты можешь использовать все эти месяцы всеобщего скептицизма, чтобы подготовиться к лучшим временам, – сказал Цезарь. – А лучшие времена непременно наступят.

Цезарь отлично знал, что это – самый веский аргумент, какой он может выдвинуть.

Красс кивнул и выпрямился.

– Ты убедил меня, – произнес он и поглядел на солнце. – Время еще немного поработать со счетами, а потом я отправлюсь домой, чтобы принять Катула.

Оба спокойно прошли сквозь хаос, возникший в школе. Цезарь с сочувствием посмотрел на маленькую нарушительницу спокойствия – смуглую девочку – и улыбнулся.

– До свидания, Сервилия! – сказал он ей.

Красс, уже готовый расстаться с Цезарем, был поражен:

– Ты знаешь ее? Она – из рода Сервилиев?

– Нет, я ее не знаю, – громко крикнул Цезарь, уже успевший отойти далеко. – Она просто очень напоминает мне будущую свекровь Юлии!

Так и получилось, что, когда Пизон-консул созвал сенат на рассвете следующего дня, сенаторы не нашли другого полководца, чтобы противопоставить его Помпею. Беседа Катула с Крассом ни к чему не привела.

Конечно, новость быстро распространилась по рядам сенаторов, и оппозиция со всех сторон ожесточилась – к удовольствию *boni*. Сулла умер совсем недавно, и большинство еще не забыли, как он, несмотря на дарованные аристократии привилегии, требовал от сената огромных уступок. И Помпей был его любимцем, его палачом. На руках Помпея была кровь многих сенаторов, сторонников Цинны и Карбона, к тому же он убил Брута и принудил сенат позволить ему избираться в консулы, не будучи сенатором. Это последнее преступление было самым непростительным. Цензоры Лентул Клодиан и Попликола, сторонники Помпея, все еще пользовались влиянием, но его самых сильных наймитов, Филиппа и Цетега, уже не было. Один отошел от дел, предавшись всяческому излишествам, другой умер.

Неудивительно, что, войдя этим утром в курию Гостилия в своих цензорских тогах, Лентул Клодиан и Попликола по суровым лицам присутствующих поняли: сегодня им не следует говорить в пользу Помпея Великого. Такого же мнения придерживался и Курион, еще один ставленник Помпея. Что касается Афрания и старого Петрея, их ораторские способности были настолько ничтожны, что им было сказано воздержаться от выступлений. Красс и вовсе отсутствовал.

– Разве Помпей не собирается в Рим? – спросил Цезарь у Габиния, когда понял, что самого Помпея тоже нет.

– Он на пути сюда, – ответил Габиний. – Но не появится, пока его имя не прозвучит на плебейском собрании. Ты же знаешь, как он ненавидит сенат.

После того как авгуры истолковали знаки, а Метелл Пий, великий понтифик, прочитал надлежащие молитвы, собрание открыл консул Пизон, у которого были фасции на февраль.

– Я понимаю, – начал он со своего курульного кресла, стоящего на возвышении в дальнем конце зала, – что сегодняшнее собрание, согласно последней законодательной инициативе плебейского трибуна Авла Габиния, посвящено не традиционным делам февраля. В одном отношении это именно так! Но в другом, поскольку дело касается командования за пределами Рима, оно своевременно. Однако все эти рассуждения не по существу. Ничто в *lex Gabinia* не может помешать нашему собранию обсудить неотложные дела!

Он поднялся. Типичный Кальпурний Пизон – высокий, очень смуглый, с густыми бровями.

– Этот самый плебейский трибун, Авл Габиний из Пицена, – он резким жестом указал на затылок Габиния, сидящего ниже его, в дальнем левом конце скамьи для трибунов, – вчера, не известив предварительно сенат, созвал плебейское собрание и поведал его членам, – или тем немногим, кто присутствовал – как отделаться от пиратов. Не посоветовавшись ни с нами, ни с кем-либо другим! Он заявил, что надлежит предоставить одному-единственному человеку неограниченный империй, денежные и военные ресурсы! Он предложил это, не называя имен, но кто из нас может сомневаться, что в голове этого пиценца застряло только одно имя? Этот Авл Габиний и его земляк из Пицена, плебейский трибун Гай Корнелий – не из знаменитой семьи Корнелиев, несмотря на свой номен, – с тех пор как вступили в должность, уже доставили нам, истинным наследникам великого Рима, более чем достаточно неприятностей. Я, например, был вынужден выдвинуть альтернативный законопроект о взятках на курульных выборах. Хитростью был лишен моего коллеги-консула. Обвинен в бесчисленных преступлениях, и в частности в подкупе электората на выборах.

Все вы, присутствующие здесь, сознаете серьезность нового предложенного нам *lex Gabinia*. Вы также понимаете, насколько он нарушает *mos maiorum*. Но в мои обязанности не входит открывать дебаты, я только должен направлять их. По той причине, что в это время года здесь еще нет вновь избранных магистратов, я обращаюсь к преторам нынешнего года и прошу их взять слово.

Поскольку порядок дебатов уже был разработан и ни один претор выступать не стал, а также не воспользовались своим правом курульные и плебейские эдилы, Гай Пизон перешел к консулярам, сидящим в первых рядах по обе стороны зала заседаний. Это означало, что первой выстрелит самая мощная артиллерия – Квинт Гортензий.

– Почтенные консул, цензоры, магистраты, консуляры и сенаторы, – начал он. – Пора раз и навсегда покончить с этими так называемыми специальными военными назначениями! Мы все знаем, почему диктатор Сулла внес этот пункт в свое обновленное законодательство. Ему необходимо было купить услуги одного человека, который не принадлежал к нашему достойному и почтенному органу. И он купил всадника из Пицена, который в возрасте двадцати лет имел наглость вербовать войска и командовать ими, состоя на службе у Суллы. Вкусив сладость этого вопиющего беззакония, он продолжал наслаждаться им, упорно отказываясь стать членом сената! Когда Лепид восстал, этот человек находился в Итальянской Галлии и проявил безрассудство, приказав казнить члена одного из старейших и превосходнейших семейств в Риме, Марка Юния Брута, чью вину в государственной измене – если это действительно была государственная измена – определил сенат, включив имя Брута в свой декрет, согласно которому Лепид объявлялся вне закона. Декрет сената, однако, не давал Помпею никакого права отрубать голову Бруту на рыночной площади в Регии. Помпей не смел кремировать голову и тело казненного, а потом присылать его прах в Рим, сопроводив урну короткой полуграмотной запиской! После этого Помпей разместил свои драгоценные пиценские легионы в Мутине и держал их там до тех пор, пока не заставил сенат дать ему специальное назначение – не сенатору, не магистрату! – с империем проконсула, дабы управлять Ближней Испанией от имени сената и воевать там с ренегатом Квинтом Серторием. Но все это время, отцы, внесенные в списки, в дальней провинции находился замечательный человек из хорошей семьи, человек

прекрасного происхождения – Квинт Цецилий Метелл Пий, великий понтифик. И он уже воевал с Серторием. И добавлю, этот человек сделал для поражения Сертория больше, чем смог временно назначенный Помпей, не входивший в состав сената. Но именно Помпею достались все лавры, именно Помпею досталась слава победителя!

Красивый и импозантный, Гортензий медленно повернулся кругом и, казалось, каждому посмотрел в глаза – трюк, которым он с успехом пользовался в судах уже больше двадцати лет.

– И что же затем делает это пиценское ничтожество, Помпей, когда возвращается в нашу любимую страну? Против всех установлений он переводит свою армию через Рубикон, входит в Италию и начинает шантажировать нас, требуя, чтобы мы разрешили ему выдвинуть свою кандидатуру на должность консула! У нас не было выбора. И Помпей стал консулом. И даже сегодня, отцы, внесенные в списки, каждая клеточка моего тела восстает против отвратительного прозвания «Магн», которым он наградил себя! Ибо он – не «Великий»! Он – фурункул, карбункул, гнойник на коже нашего Рима! Как смеет Помпей воображать, будто он может опять шантажировать сенат? Как смеет он подстрекать на это своего приспешника Габиния? Неограниченный империй, неограниченные силы, неограниченные деньги – как вам это нравится? Когда сенат уже имеет на Крите способного командира, который отлично выполняет свою работу! Повторяю, отлично выполняет! Отличная работа! Отличная, отличная!

Гортензий блистательно владел азиатским стилем, и сенаторы с удовольствием слушали одного из своих непревзойденных ораторов (особенно потому, что были согласны с каждым его словом).

– Я говорю вам, коллеги, что никогда, никогда, никогда не соглашусь с таким назначением, какое бы имя ни было названо! Только в наше время Рим вынуждают прибегать к неограниченному империи и неограниченному командованию! Это противоречит закону и традициям, это неприемлемо! Мы очистим Наше море от пиратов, но сделаем это так, как принято у римлян, а не у пиценцев!

При этих словах Бибул вдруг затопал ногами, приветствуя выступление Гортензия радостными возгласами, и весь сенат присоединился к нему. Гортензий сел, покраснев от удовольствия.

Авл Габиний слушал его равнодушно, а в конце речи, пожав плечами, поднял руки.

– Римский способ, – громко заговорил он, когда одобрительные возгласы затихли, – стал до такой степени неэффективным, что его лучше было бы назвать писидийским! Если для того, чтобы выполнить эту работу, потребуется Пицен, то пусть будет Пицен. Ибо что такое Пицен, если не Рим? Ты, Квинт Гортензий, проводишь географические границы, которых не существует!

– Замолчи, замолчи, замолчи! – взвизгнул Пизон, вскакивая с кресла и бросаясь вниз с курульного возвышения к скамье трибунов. – Ты посмел болтать о Риме, ты, галл из галльского гнезда? Ты посмел смешать Галлию и Рим! Осторожнее, галл Габиний, берегись, как бы тебя не постигла судьба Ромула, который не вернулся с охоты!

– Угрозы! – крикнул Габиний, поднимаясь. – Вы слышите его, отцы, внесенные в списки? Он грозит убить меня, ибо именно это случилось с Ромулом! Его убили люди, недостойные завязать ремни его сандалий, прятавшиеся на Козьем болоте Марсова поля!

Поднялся страшный шум, но Пизон и Катул постарались всех утихомирить, не желая, чтобы сенаторы разошлись по домам прежде, чем они выскажутся. Габиний возвратился на свое место на конце скамьи для плебейских трибунов и стал наблюдать с горящими глазами, как консул и консуляр обходят собравшихся, успокаивая, уговаривая, убеждая их сесть на свои места.

Но когда порядок был восстановлен и Пизон уже хотел спросить мнение Катула, поднялся Гай Юлий Цезарь. Поскольку он носил гражданский венок, его права приравнивались к правам

консуляра. Пизон, которому Цезарь не нравился, посмотрел на него хмуро, безмолвно советуя ему сесть. Но Цезарь остался стоять. Во взгляде Пизона появилась ненависть.

– Пусть он говорит, Пизон! – крикнул Габиний. – Он имеет право!

Хотя Цезарь не часто пользовался своей привилегией выступать в сенате, его признавали единственным соперником Цицерона в ораторском искусстве. Азиатский стиль Гортензия перестал пользоваться таким бешеным успехом с появлением Цицерона, отдававшего предпочтение более внятному и мощному афинскому стилю. И Цезарь тоже избрал для себя аттический стиль. Если и было что-то общее у всех членов сената, то это любовь к красивой публичной речи. Они знали толк в риторике и ценили ее. Ожидая выступления Катуты, они все-таки остановили свой выбор на Цезаре.

– Поскольку ни Луций Беллиен, ни Марк Секстилий к нам еще не вернулись, полагаю, я – единственный сенатор, присутствующий здесь сегодня, который имел непосредственный контакт с пиратами, – начал Цезарь тем высоким звонким голосом, которым пользовался, выступая на публике. – Я побывал у них в плену. Это делает меня экспертом в данном вопросе, если считать, что компетентное мнение должно быть основано на личном опыте. Но я не нахожу мой опыт поучительным. В тот момент, когда я увидел, как две быстроходные пиратские галеры преследуют мое бедное, с трудом тащившееся грузовое судно, я почувствовал негодование, ибо, отцы, внесенные в списки, капитан сказал мне, что пытаться оказать вооруженное сопротивление – значит обречь нас всех на верную смерть. И я, Гай Юлий Цезарь, вынужден был вручить свою персону вульгарному типу по имени Полигон, который охотился за торговыми судами в водах Лидии, Карии и Ликии вот уже двадцать лет. Я многое узнал за те сорок дней, что оставался пленником Полигона, – продолжал Цезарь уже более спокойным тоном. – Я узнал, что существует согласованная, строго дифференцированная шкала сумм выкупов для пленников слишком ценных, чтобы их отправлять на невольничий рынок или превращать в слуг. Простых римских граждан ожидает рабство. У простого римского гражданина нет двух тысяч сестерциев – это самое малое, что можно выручить за него на рынке. За римского центуриона или римлянина на полпути к сословию публиканов – выкуп полталанта. За знатного римского всадника или публикана – один талант. За римского аристократа из знатной семьи, не члена сената, – два таланта. За римского сенатора в статусе заднескамеечника – десять талантов. За римского сенатора в статусе младшего магистрата – квестора, эдила или плебейского трибуна – двадцать талантов. За римского сенатора, побывавшего претором или консулом, – пятьдесят талантов. Когда пленник захвачен еще и с ликторами, и с фасциями, как в случае наших двух последних жертв-преторов, цена доходит до ста талантов за каждого, о чем мы узнали несколько дней назад. Цензоры и консулы, занимающие высокое положение, также стоят сто талантов. У меня нет точных данных о том, в какую сумму пираты оценили бы таких консулов, как наш дорогой Гай Пизон, присутствующий здесь. Возможно, в один талант? Я сам не заплатил бы за него больше, уверяю вас. Но ведь я не пират, хотя иногда и подумываю о Гае Пизоне в таком аспекте. Обычно, когда человека берут в плен, – продолжал Цезарь в той же небрежной манере, – от него ждут, что он побледнеет, падет на колени и будет умолять сохранить ему жизнь. Но эти колени из рода Юлиев не привыкли к подобным движениям. Я проводил время, знакомясь с местностью, оценивая возможности обороны, выясняя, что и как охраняется и где что находится. И еще я всех уверял, что, когда соберут деньги для выкупа – пятьдесят талантов, я вернусь, захвачу это место, женщин и детей отошлю на невольничий рынок, а мужчин распну. Они относились к моим словам как к забавной шутке. Они говорили мне, что я никогда, никогда их не найду. Но я нашел их, почтенные отцы, захватил это место, отослал женщин и детей на рынок рабов и распял мужчин. Я мог бы привезти с собой носы четырех пиратских кораблей, чтобы украсить ими роstrу, но, поскольку для моей экспедиции я воспользовался помощью родосцев, эти носы теперь украшают колонну на Родосе рядом с новым храмом Афродиты, построенным на мою долю трофеев. Полигон был лишь одним из

сотен пиратов в том конце Нашего моря и даже не самым главным. Учтите, Полигон занимался таким прибыльным делом один, имея лишь четыре галеры. Он не видел необходимости объединяться с другими пиратами, чтобы образовать небольшой флот под командованием какого-нибудь опытного флотоводца, вроде Ластена, или Панарета, или Фарнака, или Мегадата. Полигон с удовольствием платил пятьсот денариев шпиону в Милете или Приене за информацию о том, какие корабли стоит захватить. И какими усердными были эти шпионы! Ни один жирный кусок не проходил мимо их внимания. На складах Полигона обнаружилось много драгоценных вещей, изготовленных в Египте. Это показывает, что он грабил корабли между Пелузием и Пафосом. Следовательно, его шпионская сеть была огромной. Причем он платил шпионам не регулярно, а лишь за информацию, которая сулила хорошую добычу. «Не балуй людей деньгами, пусть они стараются заработать больше» – отличный принцип. В конце концов, это обходится дешевле и результат эффективнее. Какими бы вредоносными ни были такие пираты, как Полигон, это малое зло по сравнению с пиратскими эскадрами, которые возглавляются настоящими флотоводцами. Им не приходится ждать одиноких кораблей или кораблей с невооруженным конвоем. Они могут атаковать целые флоты с зерном, эскортируемые тяжеловооруженными галерами. А потом они продают то же самое зерно Риму – зерно, за которое Рим уже заплатил! Неудивительно, что животы римлян пусты. Первая причина голода – отсутствие зерна, вторая – зерно стоит в три-четыре раза дороже, даже по спискам эдила.

Цезарь замолчал. Никто не проронил ни слова, даже Пизон, красный от оскорбления, мимоходом брошенного ему в лицо.

– Есть еще один вопрос, на котором я не хочу сейчас останавливаться подробно, – спокойно продолжал Цезарь, – потому что не вижу в этом смысла. А именно: некоторые наместники провинций, назначенные сенатом, активно сотрудничали с пиратами, предоставляя им право пользоваться портовыми сооружениями и снабжая продовольствием, даже виноградными винами на побережьях, которые должны были бы оставаться совершенно закрытыми для морских разбойников. Все это выявилось во время суда над Гаем Верресом, и те из сидящих сегодня здесь, кто сам принимал участие в подобных делах или покрывал других, хорошо знают, о ком я говорю. Участь моего бедного дяди Марка Аврелия Котты должна послужить предостережением: давность лет – это не гарантия того, что однажды вам не придется ответить за былые преступления, реальные или воображаемые. Не буду я останавливаться и на другом вопросе, очевидном, старом и уже набившем оскомину. А именно: до сих пор Рим – а под Римом я имею в виду и сенат, и народ! – даже и не касался проблемы пиратства, не говоря уже о том, чтобы начать решать эту проблему. Ни один отдельно взятый человек, находящийся в отдельно взятом месте, будь то Крит, Балеары или Ликия, не в состоянии покончить с пиратским разбоем. Ударишь тут – пираты тотчас переберутся куда-нибудь еще. Удалось ли Метеллу на Крите преуспеть в отрубании пиратских голов? Ластен и Панарет – это лишь две головы чудовищной пиратской гидры, и эти головы до сих пор красуются на их плечах и все еще плавают вокруг Крита. Что нам нужно для того, чтобы разделаться с ними? – выкрикнул Цезарь окрепшим голосом. – Не просто желание победить! Нет, одних амбиций мало! Для этого необходимы масштабные действия повсеместно и одновременно. Мощная операция, проводимая одной рукой, одним умом, одной волей. Рука, ум и воля должны принадлежать человеку, чей организаторский талант известен и испытан настолько хорошо, что мы, сенат и народ Рима, решимся поручить ему задание с уверенностью, что хоть на сей раз наши деньги и наши войска не пропадут зря!

Цезарь набрал побольше воздуха в легкие:

– Авл Габиний предложил вам назначить человека. Какого-нибудь консуляра, чья карьера свидетельствует о том, что он в состоянии выполнить эту работу и выполнит ее как следует. Но я пойду дальше, чем Авл Габиний, и назову имя этого человека. Я предлагаю сенату

предоставить командование в кампании против пиратов с неограниченным империем во всех отношениях Гнею Помпею Магну!

– Да здравствует Цезарь! – крикнул Габиний, вскочив на скамью с поднятыми руками. – Я присоединяюсь к нему. Дать командование в войне против пиратов нашему величайшему полководцу Гнею Помпею Магну!

Гнев сенаторов во главе с Пизоном обрушился на Габиния, так что Цезарь не пострадал. Пизон спрыгнул с курульного возвышения, схватил Габиния и стащил его со скамьи. Трибун удачно прикрылся Пизоном от чьего-то кулака и, второй раз за прошедшие два дня подхватив повыше тогу, кинулся к двери. Половина сената устремила за ним вдогонку.

Цезарь пробрался между опрокинутыми стульями туда, где задумчиво, подперев подбородок рукой, сидел Цицерон. Цезарь придвинул стул и устроился рядом.

– Мастерски, – сказал ему Цицерон.

– Молодец Габиний! Отвел их гнев от меня, – молвил Цезарь, вздохнул и вытянул вперед ноги.

– Тебя труднее порвать на кусочки. В их умах на твой счет существует определенный барьер, потому что ты – патриций из Юлиев. А Габиний, он – как выразился Гортензий? – прихлебатель и шлюха. Пиценец и Помпеев прихвостень. Поэтому его можно искушать безнаказанно. Кроме того, он находился ближе к Пизону, чем ты. И не заслужил вот этого. – Цицерон показал на венок из дубовых листьев на голове Цезаря. – Думаю, еще не раз пол-Рима возмечтает о том, чтобы уничтожить тебя, Цезарь... Интересно, какая группа добьется в этом успеха? Определенно не та, которую возглавит какой-нибудь Пизон.

Шум драки, кипевшей снаружи, стал громче. Вдруг Пизон ворвался обратно в зал. За ним гнались представители профессионального плебса. Вбежавший вслед за Пизоном Катул спрятался за одной створкой открытой двери, Гортензий – за другой. Кто-то подставил Пизону подножку, и он упал. Его снова вытащили наружу. Голова его была в крови.

– Похоже, дело серьезное, – поставил клинический диагноз Цицерон. – Пизона могут забить до смерти.

– Надеюсь на это, – сказал Цезарь, не двинувшись с места.

Цицерон хихикнул:

– Ну, если ты не шевельнулся, чтобы помочь, не вижу, почему это должен делать я.

– Габиний отговорит их, и это будет в его пользу. Кроме того, здесь, наверху, тише.

– Поэтому я и пересел сюда.

– Я так понимаю, – заговорил Цезарь, – ты за то, чтобы Магн получил это назначение?

– Определенно. Он хороший человек, хоть и не принадлежит к фракции *boni*. Больше никто не справится. У них и надежды на это нет.

– Такой человек есть, ты же знаешь. Но все равно они не поручат этого мне, а я действительно думаю, что Магн сможет это сделать.

– Ну ты и тщеславен! – воскликнул Цицерон.

– Есть разница между верной оценкой своих способностей и тщеславием.

– И ты знаешь ее?

– Конечно.

Они помолчали немного, потом, когда шум на улице стал затихать, поднялись, спустились с верхних рядов и вышли.

Стало ясно, что победа на стороне союзников Помпея. Пизон сидел на ступеньке, залитый кровью, вокруг него хлопотал Катул. Гортензия нигде не было видно.

– Ты! – с горечью крикнул Катул, когда Цезарь поравнялся с ним. – Ты предал свое сословие, Цезарь! Я говорил тебе это еще много лет назад, когда ты пришел просить меня взять тебя на войну против Лепида! Ты ничуть не изменился. Ты никогда не изменишься, никогда!

Всегда ты будешь на стороне этих подлых демагогов, поставивших своей целью лишить сенат власти!

– В твоём возрасте, Катул, стоит несколько раз подумать, прежде чем претендовать на что-то и разевать рот, сморщенный, как анус кошки. По-твоему, вы, ультраконсерваторы, справитесь с пиратами? – равнодушно отозвался Цезарь. – Я верю в Рим и в сенат. Но ты ничего не добьёшься, противясь переменам. В конце концов, их сделала необходимыми ваша некомпетентность!

– Я буду защищать Рим и сенат от выскочек, подобных Помпею, пока не умру!

– Глядя на тебя, могу уверенно заключить, что этого ждать недолго.

Цицерон, который уже уходил, желая послушать, что говорит Габиний с ростры, повернулся к лестнице.

– Следующее собрание плебса послезавтра! – крикнул он на прощание.

– Вот ещё один, кто уничтожит нас, – сказал Катул, презрительно скривив губы. – «Новый человек», бойкий на язык и с головой слишком большой, чтобы пройти в эти двери!

На следующем плебейском собрании Помпей стоял на ростре рядом с Габинием, который теперь предложил свой *lex Gabinia de piratis persequendis*, назвав при этом имя командующего: Гней Помпей Магн. Судя по приветственным возгласам, все изъявляли согласие. Хотя Помпей был посредственным оратором, он обладал кое-чем более ценным, нежели умение красноречиво говорить: он был непохожим на других, искренним и обаятельным – весь, от больших голубых глаз до широкой, открытой улыбки. «И этих качеств, – размышлял Цезарь, наблюдая за Помпеем и слушая его со ступеней сената, – у меня как раз и нет. Но не думаю, что мне этого не хватает. Это его стиль, не мой. Я тоже знаю, как воздействовать на людей».

Похоже, сегодняшняя оппозиция закону *lex Gabinia de piratis persequendis* будет скорее формальной, хотя, возможно, не менее сильной. Три консервативных плебейских трибуна не сходили с ростры. Требеллий стоял чуть впереди Росция Отона и Глобула, чтобы показать, что он – их лидер.

Но прежде чем подробно изложить свой законопроект, Габиний предложил выступить Помпею. Никто не пытался остановить его, ни Требеллий, ни Катул, ни Пизон. Толпа была на стороне Помпея. И Помпей выступил превосходно. Он начал с того, что служит в армии Рима с отрочества и очень устал. А его опять призывают служить Риму! И опять по специальному назначению! Он перечислил свои кампании (кампаний больше, чем ему лет, вздохнул он с сожалением), затем объяснил, что ненависть и ревность к нему возрастали с каждым разом, как он спасал Рим. И он не хочет больше ревности и ненависти! Дайте же ему быть тем, кем он хочет быть, – семейным человеком, сельским землевладельцем, частным лицом. Найдите кого-нибудь другого, умолял он Габиния и толпу, простирая к ним руки.

Естественно, никто не воспринял это всерьёз. Но все одобрили скромность Помпея и его самоотвод. Луций Требеллий попросил Габиния, главу коллегии трибунов, дать ему слово и получил отказ. Когда он все же попытался заговорить, толпа заглушила его шиканьем, насмешками, мяуканьем. Габиний продолжил вести собрание. И тогда Луций Требеллий воспользовался тем оружием, которое Габиний проигнорировать не мог.

– Я налагаю вето на *lex Gabinia de piratis persequendis*! – выкрикнул Луций Требеллий звенящим голосом.

– Сними вето, Требеллий, – попросил Габиний.

– Я не сделаю этого. Я налагаю вето на закон, выгодный твоему хозяину!

– Не вынуждай меня принимать меры, Требеллий.

– Какие меры ты можешь принять, Габиний? Разве что скинуть меня с Тарпейской скалы! И даже это не заставит меня снять вето. Я буду мертв, но твой закон не пройдет, – сказал Требеллий.

Это было настоящее испытание воли, ибо ушли те дни, когда собрания могли превращаться в безнаказанное насилие, когда раздраженный плебс мог заставить трибуна снять свое вето под угрозой физической расправы, а человек, созвавший собрание и отвечающий за порядок, оставался бы при том невинным свидетелем. Габиний знал: если во время этого собрания вспыхнет мятеж, ему придется ответить. Поэтому он решил проблему законным путем, который никто не мог подвергнуть сомнению.

– Я могу попросить это собрание лишить тебя должности, Требеллий, – ответил Габиний. – Сними свое вето.

– Я отказываюсь, Авл Габиний!

Римские граждане делились на тридцать пять триб. Все процедуры голосования в собраниях проводились по трибам. Это означало, что в итоге голосования нескольких тысяч людей подсчитывались только тридцать пять голосов. Все трибы во время выборов голосовали одновременно. Однако в тех случаях, когда требовалось принять закон, трибы голосовали одна за другой. Габиний решил провести закон о смещении Луция Требеллия. Поэтому Габиний созвал тридцать пять триб, дабы те голосовали последовательно. И одна за другой трибы отдавали голоса за отстранение Требеллия. Восемнадцать голосов – большинство. Значит, все, что необходимо Габинию, – это набрать восемнадцать голосов. В торжественной тишине и в идеальном порядке проголосовали трибы: Субуранская, Сергиева, Палатинская, Квирина, Горациева, Аниенская, Менениева, Уфентинская, Мецийская, Помптинская, Стеллатинская, Клустуминская, Троментинская, Вольтиниева, Папириева, Фабиева... Семнадцатая триба, Корнелиева, – и результат тот же. Смещение.

– Ну, Луций Требеллий? – спросил Габиний, с широкой улыбкой поворачиваясь к своему коллеге. – Семнадцать триб по очереди высказались против тебя. Должен ли я созвать Камиллову, чтобы представить мнение восемнадцати триб? Тогда их будет большинство. Или ты снимешь свое вето?

Требеллий облизал губы, с отчаянием взглянул на Катуту, Гортензия, Пизона, потом на стоявшего вдалеке с равнодушным видом великого понтифика Метелла Пия, который некогда гордился своей принадлежностью к *boni*, но со времени возвращения из Испании четыре года назад – стал совсем другим человеком, спокойным, смирившимся. И все же именно к Метеллу Пию обратился Требеллий.

– Великий понтифик, что я должен сделать? – крикнул он.

– Плебс выразил свое мнение по данному вопросу, Луций Требеллий, – ответил Метелл Пий ясным, громким голосом, совсем не заикаясь. – Сними свое вето. Плебс велит тебе это сделать.

– Я снимаю свое вето, – объявил Требеллий, резко повернулся на пятках и отошел на дальний конец платформы ростры.

Но, подробно рассказав о своем законопроекте, Габиний, казалось, не торопился утвердить его. Сначала он предоставил слово Катуту, потом Гортензию.

– А ведь умен, – сказал Цицерон, немного растерявшись оттого, что никто не попросил выступить его самого. – Послушай Гортензия! Позавчера в сенате он заявил, что умрет, но не допустит больше ни одного специального назначения с неограниченным империем! Сегодня он все еще против специального назначения с неограниченным империем, но если Рим так настаивает на создании этого зверя, то его поводок следует дать в руки Помпею, и никому другому. Это определенно показывает нам, в какую сторону дует ветер на Форуме, не так ли?

Ну разумеется, направление ветра определилось. В заключение Помпей пролил несколько слезинок. Раз Рим настаивает, он, так и быть, возложит на свои плечи новый груз, хотя исход может быть и летальным. После этого Габиний без голосования распустил собрание. Однако плебейский трибун Росций Отон взял слово. Сердитый, разочарованный, жаждущий

убить весь плебс, он вышел на край ростры, взметнул кулак, затем очень медленно выпрямил безымянный палец и покрутил им.

– Засунь его себе в задницу, плебс! – засмеялся Цицерон, которого развеселил этот бессмысленный жест.

– Значит, ты даешь плебсу день для раздумий? – спросил он Габиния, когда коллегия спустилась с ростры.

– Я сделаю все в точности как положено.

– Сколько законопроектов?

– Один – общий, второй – передающий командование Гнею Помпею, и третий – сроки и детали операции.

Цицерон взял Габиния под руку и пошел с ним:

– Мне понравился маленький экспромт в конце речи Катула, а тебе? Ну, когда Катул спросил, кем плебс заменит Магна, если его убьют.

Габиний сложился пополам от смеха:

– И они все выкрикнули в один голос: «Тобой, Катул, тобой, и больше никем!»

– Бедный Катул! Ветеран битвы, продолжавшейся час в тени Квиринала.

– Он добился своего, – заметил Габиний.

– Его поймали, – сказал Цицерон. – Трудно быть задницей. Приходится все время держать под контролем анальное отверстие.

В результате Помпей получил даже больше, чем просил Габиний. Его империй был распространен на море и на пятьдесят миль вглубь по всему побережью, а это означало, что полномочия Помпея превосходили полномочия любого провинциального наместника и даже лиц со специальным назначением, таких как Метелл Козленок на Крите и Лукулл в его войне против двух царей. Чтобы отнять у Гнея Помпея Магна командование, нужно было отменить плебесцит. Он будет иметь пятьсот кораблей за счет Рима и еще столько, сколько захочет, реквизируя их в прибрежных городах и государствах. Ему придадут пятитысячную кавалерию. С ним отбывают двадцать четыре легата в статусе пропретора, назначенные по его выбору, и два квестора. Ему предоставят сто сорок четыре миллиона сестерциев из казны единовременно и еще дополнительные суммы, когда таковые понадобятся. Короче, плебс дал Помпею такие полномочия, каких не получал еще никто.

Но, следует отдать Помпею должное, он не тратил времени понапрасну, выставляя грудь колесом и хвастаясь своей победой перед народом, как это делали Катул и Пизон. Он очень торопился приступить к выполнению задания, которое уже обдумал до последней детали. И если Помпею требовалось дополнительное свидетельство народной веры в его способность навсегда покончить с пиратами, то он мог гордиться: в день принятия *lex Gabinia* цена на зерно в Риме упала.

К удивлению некоторых, Помпей не взял легатами двух старых своих помощников в Испании – Афрания и Петрея. Он попытался успокоить *boni*, выбрав безупречных людей: Сизенну и Варрона, двух Манлиев Торкватов, Лентула Марцеллина и младшего из двух сводных братьев своей жены Муции Терции, Метелла Непота. Но самые важные обязанности Помпей поручил своим ручным цензорам Попликоле и Лентулу Клодиану. Попликолу он отправил на Тирренское море, а Лентула Клодиана – на Адриатическое. Между ними лежала надежно защищенная безопасная Италия.

Помпей разделил Срединное море на тринадцать секторов, и каждый сектор получил своего начальника с помощником, собственные флот, войска, деньги. И на этот раз не будет неподчинения. Ни один из его легатов не посмеет проявлять инициативу.

– Аравсиона не допущу, – твердо объявил Помпей в своей командирской палатке, когда его легаты собрались перед началом масштабных действий. – Если хоть один из вас даже пукнет

в направлении, не указанном мною лично, я отрежу послушнику яйца и отошлю его на рынок евнухов в Александрию. – Помпей говорил вполне серьезно. – Мой империй неограничен. Следовательно, я могу делать что хочу. У всех вас будут письменные приказы, настолько подробные и полные, что вам не придется самостоятельно определять даже блюда на свой послезавтрашний обед. И вы будете делать то, что вам велят. Иначе ваш визг услышат при дворе царя Птолемея. Понятно?

– Может, он выражается не очень изящно, – сказал Варрон своему коллеге-литератору Сизенне, – но убеждать умеет.

– У меня перед глазами образ всемогущего аристократа-кастрата вроде Лентула Марцеллина, выводящего трели ради удовольствия царя Птолемея Авлета в Александрии, – мечтательно проговорил Сизенна.

Оба расхохотались над этой шуткой.

Однако сама кампания была нешуточным делом. Она разворачивалась с потрясающей скоростью и абсолютной эффективностью именно так, как и планировал Помпей. И ни один из его легатов не посмел предпринять что-либо сверх написанного в приказе. Если действия Помпея в Африке в союзе с Суллой поразили всех, то нынешняя кампания совершенно затмила ту.

Помпей начал с западного края Срединного моря, которое римляне называли Нашим. Флотам, войскам и – сверх того – легатам он поручил патрулировать воды и гнать, словно метлой, ничего не понимающих, беспомощных пиратов. Каждый раз, когда какой-нибудь пиратский отряд пытался найти укрытие на африканском, галльском, испанском или лигурийском побережьях, ему не удавалось даже причалить, потому что там его уже поджидал легат Помпея. Назначенный, но еще не вступивший в должность наместник обеих Галлий, консул Пизон, издал указы, согласно которым ни одна провинция не имела права оказывать Помпею помощь. Это означало, что легату в этом секторе моря, Помпонию, приходилось сражаться в одиночку, чтобы добиться результата. Но Пизон тоже потерпел поражение, когда Габиний пригрозил выгнать его из провинций, если он не прекратит саботаж. Долги Пизона росли с пугающей быстротой. Ему были необходимы Галлии, чтобы возместить убытки, поэтому он отступил.

Сам Помпей «подметал» море с запада на восток, подгадав свой визит в Рим таким образом, чтобы он совпал с действиями Габиния против Пизона. Магн выглядел еще великолепнее, когда публично уговаривал Габиния не быть «таким жестоким».

– Какой позер! – добродушно воскликнул Цезарь, обращаясь к матери.

Но Аврелию не интересовали дела на Форуме.

– Я должна поговорить с тобой, Цезарь, – начала она, усаживаясь в свое любимое кресло в его таблинии.

Цезарь подавил вздох, сразу став серьезным:

– О чем?

– О Сервилиии.

– Не о чем говорить, мама.

– Ты упоминал о Сервилиии в разговоре с Крассом? – спросила мать.

Цезарь нахмурился:

– С Крассом? Нет, конечно.

– Тогда почему Тертулла приходила ко мне, чтобы что-то выудить? А она приходила вчера. – Аврелия засмеялась. – Я не знаю женщины более способной добывать сведения! Думаю, это ее сабинские корни. Но трудно ловить рыбу на холмах. Это под силу только самому искусному рыбаку.

– Клянусь, мама, я ничего не говорил.

– Красс что-то заподозрил и поделился своими подозрениями с женой. Я так понимаю, ты все еще предпочитаешь сохранять вашу связь в тайне? С намерением возобновить ее после рождения ребенка?

– Чушь! Помпея Сулла – идеальный вариант.

– Голова Помпеи Суллы до того пуста, что ее можно использовать как коробочку для игральные костей, – процедил Цезарь сквозь зубы. – Не говоря уже о том, что она любит тратить деньги, ленива и монументально глупа.

– Идеальная жена, – возразила Аврелия. – Твои развлечения не будут ее волновать. Она не сможет сложить два и два. А ее собственного состояния хватит, чтобы удовлетворить все ее потребности. Кроме того, она – твоя двоюродная племянница, дочь Корнелии Суллы и внучка диктатора Суллы, а Помпеи Руфы – более уважаемая ветвь пиценской семьи, нежели ветвь Магна. К тому же она не первой молодости – я не посоветовала бы тебе неопытную жену.

– Я бы такую и не взял, – угрюмо буркнул Цезарь. – У нее есть дети?

– Нет, хотя ее брак с Гаем Сервилием Ватией продолжался три года. Заметь, я не думаю, что Гай Ватия был таким уж хорошим мужем. Его отец – старший брат Ватии Исаврийского, если ты забыл, – умер слишком молодым для сенаторского возраста. Все, на что оказался способен сын, – это получить должность консула-суффекта. То, что он умер, не успев вступить в должность, типично для его карьеры. С другой стороны, Помпея Сулла – вдова, а это приличнее, чем разведенная женщина.

Аврелия заметила, что эта идея привлекла внимание сына, и замолчала, чтобы излишней болтовней не испортить достигнутого. Мнение высказано, растение она посадила, теперь пусть Цезарь сам ухаживает за ним.

– Сколько ей лет? – медленно произнес он.

– Двадцать два, кажется.

– А Мамерк и Корнелия Сулла одобряют? Не говоря уж о Квинте Помпее Руфе, ее сводном брате, и Квинте Помпее Руфе, ее родном брате.

– Как раз Мамерк и Корнелия Сулла спрашивали у меня, не захочешь ли ты жениться на ней. Вот таким образом эта мысль пришла мне в голову, – сказала Аврелия. – Что касается ее братьев, то родной брат еще слишком мал, чтобы серьезно говорить с ним о браке сестры, а сводный – боится только одного: что Мамерк вернет ее домой к нему, а не к Корнелии Сулле.

Цезарь засмеялся, но как-то невесело.

– Я вижу, вся семья набросилась на меня! – Он посерьезнел. – Но, мама, я не думаю, что молодая птичка, такая экзотичная, как Помпея Сулла, согласится жить в квартире на первом этаже, в самом центре Субуры. Для тебя это будет тяжелым испытанием. Циннилла была тебе как дочь. Она бы никогда не оспорила твоего права управлять этим курятником, доживи она хоть до ста лет. Но у дочери Корнелии Суллы могут быть великие планы.

– Обо мне не беспокойся, Цезарь, – ответила довольная Аврелия, поднимаясь с кресла. Он все-таки женится! – Помпея Сулла будет делать то, что ей скажут. Она терпит и меня, и мою квартиру.

Вот так Гай Юлий Цезарь приобрел себе вторую жену – внучку Суллы. Свадьба была скромная, присутствовали только самые близкие. Праздновали в доме Мамерка на Палатине. Все были рады, особенно сводный брат невесты, избавившийся от ужаса иметь ее в своем доме.

Помпея Сулла была очень красива, по мнению всего Рима. И Цезарь (отнюдь не пылкий молодожен) решил, что Рим прав. Глаза ярко-зеленые, волосы темно-рыжие. Некий компромисс между золотистой мастью Суллы и морковной – Помпеев Руфов. Лицо – классический овал, тонкая кость, фигура хорошая, рост приемлемый. Но в красивых глазах цвета свежей травы – ни искорки ума, а лоб и щеки гладки и неподвижны, словно отполированный мрамор. «Пусто. Сдается внаем», – думал Цезарь, пока нес ее на руках в окружении веселых гостей всю дорогу от Палатина до квартиры его матери в Субуре, делая вид, что его ноша значительно легче, чем на самом деле. Цезарь не обязан был тащить ее всю дорогу. Ему полагалось лишь перенести жену через порог ее нового дома. Но ведь Цезарь – не такой, как все. Ему необхо-

димо показать, что он лучше всех в этом мире. А это требовало от него подвига, демонстрации огромной силы, какой не заподозришь в его стройной фигуре.

Конечно, поведение Цезаря произвело впечатление на Помпею, которая хихикала, ворковала и бросала под ноги Цезарю лепестки роз. В брачную ночь титанического подвига не потребовалось. Помпея принадлежала к тому типу женщин, которые считают, что следует лежать на спине, раздвинув ноги, – и пусть случится то, что должно. Да, конечно, груди у нее хороши, равно как и темно-рыжие заросли внизу живота – Цезарь такого еще не видел! Но она была сухая. Не испытывала благодарности, и это, думал Цезарь, даже Атилию ставило выше ее, хотя та была серым, плоскогрудым существом, иссушенным пятью годами брака с ужасным молодым Катонем.

– Хочешь сельдерей? – спросил он Помпею, приподнявшись на локте, чтобы посмотреть на нее.

Она захлопала своими неправдоподобно длинными темными ресницами и неуверенно переспросила:

– Сельдерей?

– Пожужь, пока я тружусь, – сказал он. – Тебе будет чем заняться, а я послушаю, как ты жуешь.

Помпея хихикнула. Один влюбленный в нее юноша однажды сказал ей, что это хихиканье – самый приятный звук на свете, похожий на звон воды, бегущей над драгоценными камнями на дне маленького ручья.

– Глупый! – проворковала она.

И он упал, но не на нее.

– Ты абсолютно права, – сказал Цезарь. – Я действительно глупый.

А утром сообщил своей матери:

– Не жди, что я часто буду бывать здесь, мама.

– О дорогой, – спокойно отозвалась Аврелия, – даже так?

– Я скорее займусь самообслуживанием! – гневно выкрикнул он и исчез, прежде чем успел получить выговор за вульгарность.

Быть куратором Аппиевой дороги, понял Цезарь, – значит рисковать своим кошельком больше, чем он предполагал, несмотря на предупреждение матери. Длинная дорога, соединяющая Рим с Брундизией, настоятельно требовала большого ремонта, поскольку ее никогда не поддерживали в надлежащем порядке. По ней шагали бесчисленные армии и грохотали колеса бесконечных обозов. Она была такой древней, что ее уже воспринимали как нечто само собой разумеющееся. Особенно в плохом состоянии дорога была за Капуей.

Квесторы казначейства этого года проявляли удивительную благожелательность, несмотря на то что среди них был молодой Цепион, чья связь с Катонем и *boni* заставляла Цезаря предполагать, что ему придется постоянно сражаться за фонды. Фонды поступали регулярно, но их все равно не хватало. Поэтому, когда стоимость строительства мостов и нового покрытия превысила государственное финансирование, Цезарь внес свои деньги. В этом не было ничего необычного. Подобная должность в Риме всегда предполагала личные вложения.

Работа, конечно, Цезарю нравилась. Поэтому он надзирал за всем и решал все инженерные задачи. После женитьбы он очень редко бывал в Риме. Естественно, Цезарь следил за успехами Помпея в его легендарной кампании против пиратов и вынужден был признать, что сам он не смог бы справиться лучше. Цезарь даже одобрил милосердие Помпея, когда тот расселил тысячи своих пленников в покинутых городах в глубине страны, подальше от разворачивающихся вдоль киликийского побережья военных действий. Помпей Магн сделал все правильно: он проследил, чтобы его друг и секретарь Варрон был награжден морским венком, чтобы ни один легат не смог взять себе больше трофеев, чем положено, и казначейство значи-

тельно обогатилось. Помпей блестяще овладел неприступной крепостью Коракезия, подкупив часть гарнизона. И когда твердыня пала, ни один оставшийся в живых пират не заблуждался относительно того, кто теперь является властелином Срединного моря. Отныне оно воистину сделалось для Рима *Mare Nostrum* – Нашим морем. Кампания продолжилась на Эвксинском море. И здесь тоже Помпей гнал пиратов. Мегадат и его ящероподобный близнец Фарнак были казнены. Теперь Рим получил свой запас зерна, и больше ничто ему не угрожало.

Только с Критом Помпею не повезло – из-за Метелла Козленка, который наотрез отказался подчиниться неограниченному империи выскочки. Метелл пренебрежительно отнесся к легату Помпея Луцию Октавию, когда тот прибыл, чтобы уладить конфликт. Метелла также посчитали причиной фатального удара, который случился у Луция Корнелия Сизенны. Хотя Помпей имел право сместить Метелла, это означало бы начало войны против него самого, как ясно дал понять Метелл. Поэтому Помпей поступил разумно: оставил Крит Метеллу и тем самым молчаливо согласился отдать небольшую долю славы несгибаемому внуку Метелла Македонского. Ибо кампания против пиратов служила, как говорил Помпей Цезарю, просто для разогрева. Разминка перед более важным делом.

Итак, Помпей не собирался возвращаться в Рим. Всю зиму он провел в провинции Азия – занимался наведением в ней порядка и готовил ее к появлению новой волны откупщиков, получивших полномочия от его цензоров. Конечно, Помпею не требовалось возвращаться в Рим, и он предпочитал находиться где-нибудь в другом месте. У него имелся еще один доверенный плебейский трибун, чтобы заменить уходящего в отставку Авла Габиния, – фактически даже два. Один – Гай Меммий, сын его сестры и ее первого мужа, того самого Гая Меммия, который погиб в Испании на службе у Помпея во время войны с Серторием. Другого звали Гай Манилий. Из этих двоих он был более способным и выполнял самое трудное задание: получить для Помпея специальное назначение, чтобы вести войну против царей Митридата и Тиграна.

Цезарь, предпочитавший оставаться в декабре-январе в Риме, считал, что это задание легче того, что было у Авла Габиния, – просто потому, что Помпей решительно подавил сенаторскую оппозицию, разгромив пиратов за одно короткое лето, потратив лишь малую часть тех средств, в которые могла обойтись эта кампания, и сэкономив на том, что не пришлось находить землю для солдат, платить за аренду кораблей и выплачивать награды за содействие городам и государствам. В конце года Рим готов был дать Помпею все, чего бы тот ни потребовал.

Наоборот, Луций Лициний Лукулл пережил ужасный год. Битвы, поражения, мятежи, катастрофы – все это не давало возможности ему и его агентам в Риме возражать Манилию, который заявлял, что Вифинию, Понт и Киликию следует передать Помпею, причем немедленно; что у Лукулла надо отобрать командование и приказать ему с позором вернуться в Рим. Глабрион лишился власти над Вифинией и Понтом, но это не являлось препятствием для назначения Помпея, поскольку Глабрион с самого начала своего консульства с головой ушел в управление своей провинцией и ничем не помог Пизону. Да и Квинт Марций Рекс, наместник Киликии, ничего заметного не совершил. Восток был открыт для Помпея Великого.

Нельзя сказать, что Катул и Гортензий не пытались что-то предпринять. Они проводили ораторские баталии в сенате и колледже комиция, все еще продолжая возражать против этих чрезвычайных и всеобъемлющих командований. Манилий предлагал снова предоставить Помпею *imperium maius*, что поставит его выше любого наместника. И еще предлагал вставить дополнительный пункт, который позволял бы Помпею заключать мир и объявлять войну, не спрашивая на это разрешения ни у сената, ни у народа и даже не советуясь с ними. В нынешнем году не один Цезарь выступал в поддержку Помпея. Цицерон, ставший претором в суде по делам о вымогательствах, гремел в сенате и комиции. Присоединили свои голоса также цензоры Попликола и Лентул Клодиан, Гай Скрибоний Курион и – вот уж настоящий триумф! – консуляры Гай Кассий Лонгин и не кто иной, как сам Публий Сервилий Ватия Исаврийский! Как могли противостоять такому натиску сенат или народ? Помпей получил командование и

смог пролить слезу-другую, когда узнал об этом, объезжая свои диспозиции в Киликии. О, груз этих беспощадных специальных назначений! О, как он хотел бы вернуться домой, к мирной жизни, к покою! О, у него больше нет сил!

Сервилия родила свою третью дочь в начале сентября – светловолосую малышку, чьи глаза обещали остаться голубыми. Поскольку Юния и Юнилла были намного старше и поэтому уже привыкли к своим именам, эту Юнию будут называть Терция, что значит «Третья». Благозвучное имя. После того как Цезарь решил не видеться с Сервилией – с середины мая, – беременность тянулась ужасно медленно. Последний срок совпал с самой большой жарой, а Силан решил, что неразумно уезжать из Рима на побережье из-за ее положения в таком возрасте. Он по-прежнему был к ней добр и внимателен. Никто, глядя на эту супружескую пару, не мог бы заподозрить, что между ними не все ладно. И только одна Сервилия заметила новое выражение глаз мужа – печальный взгляд смертельно раненного. Но поскольку жалость была чужда ее натуре, она просто приняла это как факт и не смягчилась.

Зная, что слухи о рождении дочери дойдут до Цезаря, Сервилия не пыталась увидеться с ним. И без того тяжело, а теперь еще новая молодая жена Цезаря. Какой это был удар! Гром среди ясного неба! Эта новость, как шаровая молния, придавила Сервилию, убила, превратила в пепел. Ревность душила ее день и ночь, ибо она, разумеется, знала эту женщину. Ни ума, ни глубины – но такая красивая! Ярко-рыжие волосы и зеленые глаза! К тому же внучка Суллы. Богатая. Все необходимые связи и лапа в каждом сенаторском лагере. Умный Цезарь! Удовлетворял свою чувственность и повысил политический статус! Не имея возможности выяснить настроение своего любовника, Сервилия автоматически решила, что он женился по любви. Проклятый! Как ей жить без него? Как могла она жить, зная, что какая-то другая женщина значит для него больше, чем она? Как ей жить? Как?

Конечно, Брут регулярно виделся с Юлией. Официально став мужчиной в шестнадцать лет, Брут с отвращением воспринял беременность матери. У него, мужчины, – мать, которая все еще... все еще... О боги, какое смущение, какое унижение!

Но Юлия смотрела на случившееся по-другому.

– Как это хорошо для нее и для Силана, – говорила нареченному эта девятилетняя девочка, нежно улыбаясь. – Ты не должен на нее сердиться, Брут, правда. Что, если бы после двадцати лет брака у нас с тобой появился еще один ребенок? Ты понял бы гнев своего старшего сына?

Кожа у него сделалась еще хуже, чем год назад. Всегда воспаленная. Желтые прыщи, красные прыщи. Они чесались, горели. Их приходилось выдавливать, а потом отдиравать корки. Ненависть к себе питала его отвращение к положению матери. Ему трудно было ответить на разумный, доброжелательный вопрос невесты. Брут хмурился, что-то ворчал, но потом неохотно сказал:

– Да, я понял бы его гнев, потому что сам это пережил. Но я услышал твои доводы.

– В таком случае начало положено, этого пока достаточно, – сказала мудрая малышка. – Бабушка объяснила мне все. Сервилия уже немолода, ей потребуется помощь и сочувствие.

– Я попытаюсь, – сказал Брут, – ради тебя, Юлия.

И ушел домой, чтобы попытаться.

Все это перестало иметь значение, когда у Сервилии появился долгожданный шанс осуществить самую заветную мечту. Не прошло и двух недель после рождения Терции, как Цепион навестил Сервилию и сообщил сестре интересную новость.

Выбранный одним из городских квесторов, он получил в начале года назначение – помогать Помпею в кампании против пиратов, но не думал, что эта работа повлечет за собой необходимость уехать из Рима.

– Однако меня посылают с поручением, Сервилия! – похвастался он, такой счастливый. – Гнею Помпею требуется много денег, и он хочет, чтобы деньги и все счета и сметы доставили ему в Пергам. И везти их должен я. Разве это не замечательно? Я смогу проехать через Македонию и там увижусь с братом Катоном. Я так скучаю по нему!

– Рада за тебя, – равнодушноотреагировала Сервилия.

Ее совсем не занимала любовь Цепиона к Катону, поскольку она постоянно слышала об этом вот уже двадцать семь лет.

– Помпей не ждет меня раньше декабря, так что если я отправлюсь сейчас же, то смогу провести с Катоном много времени, а потом двинусь дальше, – с воодушевлением продолжал Цепион. – Погода продержится до моего отъезда из Македонии, и я продолжу путь по суше. – Он поежился. – Ненавижу море!

– Я слышала, теперь море свободно от пиратов.

– Спасибо, но я предпочитаю твердую землю.

Затем Цепион захотел познакомиться с маленькой Терцией. Он стал гулять с ней, как разговаривают с младенцем, делая это из чувства искренней симпатии к ребенку и уважения к матери. Он сравнивал ребенка своей сестры со своей дочерью.

– Красивая малышка, – заметил он, собираясь уходить. – Тонкие черты. Интересно, от кого она унаследовала их?

«Ох, – подумала Сервилия. – А я-то обманывала себя, считая, что только я заметила сходство девочки с Цезарем!» Но хотя в Цепионе и текла кровь Порция Катона, он не был злым, так что его замечание было невинным.

Ум Сервилии переключился с этой мысли на другие, более привычные: на то, что Цепион явно не заслуживает привилегии быть наследником золота Толозы. И опять Сервилией овладела жгучая обида. Почему ее сын Брут не может наследовать Цепиону, кукушонку, подкинутому в их семейное гнездо? Кровный брат Катона – не ее кровный брат.

Прошли месяцы, прежде чем Сервилия смогла сосредоточиться на чем-то, кроме предательства Цезаря, который женился на этой молодой и восхитительно красивой дурочке. И теперь размышления о судьбе золота Толозы потекли в совершенно другом русле, незамутненные чувством к Цезарю.

Она выглянула в открытое окно и увидела Синона, который беспечно прохаживался по колоннаде в дальней стороне сада перистилия. Сервилия любила этого раба – естественно, не плотской любовью. Он принадлежал ее мужу, но вскоре после их свадьбы она нежно попросила Силана отдать Синона ей. Получив согласие, она позвала Синона и сообщила тому об изменении его статуса. Она ожидала увидеть на его лице выражение ужаса... или еще что-то. Это «еще что-то» она и увидела и с тех пор полюбила Синона. Потому что он воспринял новость с радостью.

– Необходимо иметь человека, чтобы узнать его, – нагло заметил он.

– Если это так, Синон, то запомни: я – твоя хозяйка и я имею тебя.

– Понимаю, – ухмыльнулся он. – Это даже хорошо. Пока моим хозяином оставался Децим Юний, я всегда чувствовал искушение зайти слишком далеко, а это означало бы мою гибель. Но, зная, что моя хозяйка – ты, я всегда буду помнить о том, что должен следить за собой. Очень хорошо, очень хорошо! Помни, *domina*, я всегда к твоим услугам.

И время от времени она давала ему кое-какие поручения. С детства она знала, что Катон не боится абсолютно ничего, кроме больших волосатых пауков, которые доводят его до такой паники, что он теряет дар речи. Поэтому Синону нередко разрешали покидать Рим в поисках больших волосатых пауков. Ему очень хорошо платили, когда удавалось подкинуть их в дом Катона – в его постель, на ложе, в ящики стола. И ни разу раба Сервилии не застукали за этим занятием.

Родная сестра Катона, Порция, которая вышла замуж за Луция Домиция Агенобарба, до ужаса боялась жирных жуков. И Синон ловил жирных жуков и подбрасывал их в тот дом. А иногда Сервилия приказывала ему подбрасывать в эти дома тысячи червей, блох, мух или сверчков – вместе с анонимными записками, содержащими проклятия червей или проклятия блох. Пока Цезарь не вошел в жизнь Сервилиии, это забавляло ее. Но с тех пор как у нее появился Цезарь, она потеряла интерес к подобным проказам, и Синон был предоставлен самому себе. Тяжелым трудом он не занимался, разве что добывал насекомых-паразитов, поскольку находился под защитой госпожи Сервилиии.

– Синон! – позвала она.

Он остановился, обернулся и рысцой побежал по колоннаде. Вот он обогнул угол и приблизился к окну ее гостиной. Симпатичный человек. Обладает определенной грацией и слегка небрежной манерой поведения. Он нравился тем, кто не знал его хорошо. Силан, например, продолжал высоко ценить его. И Брут – тоже. Худощавый, смуглая кожа, светло-карие глаза, светло-каштановые волосы. Остроконечные уши, острый подбородок, длинные тонкие пальцы. Неудивительно, что многие слуги при виде этого раба делали охранительные знаки, чтобы оградиться от злого духа. В Синоне было что-то от сатира.

– *Domina?* – произнес он.

– Затвори дверь, Синон, потом закрой ставни.

– Одну минуту, хозяйка! – подчинился он.

– Сядь.

Он сел, устремив на нее взгляд, нахальный и выжидающий. Пауки? Тараканы? Может быть, она дойдет наконец до змей?

– Как тебе понравится быть свободным, Синон, да еще с кошельком, полным золота? – спросила она.

Такого он не ожидал. На какой-то момент сатир исчез и показался другой квазичеловек, еще менее привлекательный, чем сатир, – существо из детского ночного кошмара. Потом и оно исчезло. Синон просто смотрел на Сервилию настороженным взглядом, с интересом.

– Мне бы это очень понравилось, *domina*.

– Ты имеешь представление о том, что я могу попросить тебя сделать за подобную награду?

– По меньшей мере, убить кого-нибудь, – без промедления ответил он.

– Именно так, – подтвердила Сервилия. – Поддашься соблазну?

Синон пожал плечами:

– Кто бы не поддался в моем положении?

– Чтобы убить, надо иметь смелость.

– Знаю. Но у меня она есть.

– Ты – грек, а все греки лишены чести. Я хочу сказать, что греков легко перекупить.

– Меня нельзя перекупить, *domina*, если все, что я должен сделать, – это убить, а потом скрыться с кошельком, полным золота.

Сервилия возлежала на ложе. Она не шевельнулась в течение всего разговора. Но, получив ответ, она выпрямилась. Взгляд ее стал неподвижным, холодным.

– Я не доверяю тебе, потому что не доверяю никому, – сказала она. – Это убийство надо совершить не в Риме и даже не в Италии. Это нужно сделать где-нибудь между Фессалониками и Геллеспонтом – идеальное место, откуда можно исчезнуть. У меня найдутся способы сохранить власть над тобой, Синон, не забывай. Один из них – часть заплатить тебе сейчас, а остальное послать в провинцию Азия.

– Ах, госпожа, но как я узнаю, что ты выполнишь свою часть сделки? – тихо спросил Синон.

Ноздри Сервилиии раздулись – так непроизвольно выражалась ее надменность.

– Я – патрицианка из рода Сервилия Цепиона, – отрезала она.

– Я ценю это.

– Это единственная необходимая тебе гарантия того, что я выполню свою часть договора.

– Что я должен сделать?

– Во-первых, достать сильный яд. Я имею в виду яд, который будет действовать наверняка, но не вызовет подозрений.

– Это возможно.

– Мой брат Квинт Сервилий Цепион, кажется, через день уезжает на Восток, – спокойно продолжала Сервилия. – Я спрошу, можешь ли ты сопровождать его, потому что хочу поручить тебе кое-что в провинции Азия. Конечно, он согласится взять тебя. У него нет причин для отказа. Он повезет Гнею Помпею Магну в Пергам деньги и счета. Но при нем не будет наличных, так что соблазна не возникнет. Необходимо, чтобы ты, Синон, сделал то, что я требую, и потом уехал, ничего не тронув. Его брат Катон – военный трибун в Македонии – совсем другой человек. Подозрительный и жестокий. Безжалостный, когда его оскорбляют. Несомненно, Катон поедет на Восток организовать похороны моего брата Цепиона. Это характерно для него. И когда он прибудет, Синон, никто не должен заподозрить, что мой брат Квинт Сервилий Цепион умер насильственной смертью.

– Понимаю, – сказал Синон с совершенно неподвижным лицом.

– Да?

– Вполне, госпожа.

– К завтрашнему дню отыщи свое средство. Сумеешь?

– Сумею.

– Хорошо. Теперь сбегай за угол, в дом моего брата Квинта Сервилия Цепиона, и попроси его прийти ко мне сегодня по срочному делу, – приказала Сервилия.

Синон ушел. Сервилия откинулась на ложе, закрыла глаза и улыбнулась.

Она оставалась в той же позе, когда вскоре пришел Цепион. Их дома стояли поблизости.

– В чем дело, Сервилия? – взволнованно спросил он. – Твой слуга выглядел таким озабоченным.

– О боги, надеюсь, он не напугал тебя! – резко проговорила Сервилия.

– Нет-нет, уверяю тебя.

– Он тебе не понравился?

Цепион удивился:

– Почему он должен был мне не понравиться?

– Понятия не имею, – сказала Сервилия, похлопав по краю ложа. – Сядь, брат. Я прошу тебя оказать мне услугу и еще хочу убедиться в том, что ты кое-что сделал.

– Услугу?

– Синон – мой слуга, которому я доверяю больше всех. И я хочу поручить ему кое-какие дела в Пергаме. Я должна была подумать об этом сразу, когда сегодня ты был у меня, но поначалу это не пришло мне в голову, поэтому прости, что позвала тебя снова. Ты не будешь возражать, если Синон отправится в Азию в числе твоих сопровождающих?

– Конечно нет! – с готовностью согласился Цепион.

– Великолепно, – промурлыкала Сервилия.

– А что я должен сделать?

– Составить завещание, – сказала Сервилия.

Он засмеялся:

– И все? Какой же здравомыслящий римлянин не помещает свое завещание у весталок, как только становится мужчиной?

– Но разве у тебя не изменились обстоятельства? Теперь ты женат, у тебя есть дочь, но нет наследника в твоём доме.

Цепион вздохнул:

– В следующий раз, Сервилия, в следующий раз. Гортензия была разочарована, когда первой родилась девочка. Но она милая малышка, и роды были легкие. А сыновья еще появятся.

– Значит, ты все оставляешь Катону, – утвердительно произнесла она.

Лицо, так похожее на лицо Катона, исказилось от ужаса.

– Катону? – взвизгнул он. – Я не могу оставить состояние Сервилия Цепиона кому-либо из Порциев Катонов, как бы я ни любил моего брата! Нет, нет, Сервилия! Оно оставлено Бруту, потому что Брут не будет возражать, если его усыновят как Сервилия Цепиона. Он не откажется от этого имени. Но Катон? – Цепион засмеялся. – Ты можешь себе представить, чтобы твой маленький братец Катон согласился носить любое другое имя вместо собственного?

– Нет, не могу, – ответила Сервилия и тоже посмеялась немного. Потом на ее глазах выступили слезы, губы задрожали. – Какой мрачный разговор! Но я должна была поговорить с тобой об этом. Никогда не знаешь, что ждет впереди.

– Однако Катон – мой душеприказчик, – добавил Цепион, готовясь покинуть комнату. – Он проследит за тем, чтобы Гортензия и маленькая Сервилия Цепиона наследовали столько, сколько позволит мне оставить им *lex Voconia*, и проследит, чтобы Брут получил сполна.

– Какая странная тема разговора! – сказала Сервилия, поднимаясь с ложа, чтобы проводить его до двери и поцеловать на прощание, что крайне его удивило. – Спасибо, что берешь Синона с собой. И еще спасибо, что успокоил меня. Я знаю, что тревожусь напрасно. Ты ведь вернешься!

Она закрыла за ним дверь и постояла немного, не в силах двинуться с места. Ее пошатывало. Итак, она была права! Брут являлся его наследником, потому что Катон никогда не согласится войти в семью патрициев под именем Сервилия Цепиона! О, какой замечательный день! Даже измена Цезаря уже не ранила так больно, как несколько часов назад.

Иметь в своем штате Марка Порция Катона, даже если его обязанности ограничивались консульскими легионами, было тяжелым испытанием. Наместник Македонии даже не представлял себе, насколько тяжелым, пока оно его не постигло. Если бы молодой человек был частным назначенцем, его сразу отослали бы домой, будь его поручителем хоть сам Юпитер Всеблагий Всесильный. Но поскольку Катона назначил народ через трибутное собрание, наместник Марк Рубрий не мог ничего поделать. Оставалось только терпеть присутствие Катона.

Но как можно терпеть человека, который всюду суется, везде подглядывает, постоянно задает вопросы, хочет знать, почему это пошло туда, почему то стоит в счетных книгах больше, чем на рынке, почему такой-то требует освобождения от налогов? Катон не переставал задавать эти «почему». Если же ему тактично напоминали, что его изыскания неуместны, то Катон просто отвечал, что все в Македонии принадлежит Риму, а Рим избрал его одним из своих магистратов. Следовательно, все в Македонии, согласно закону, морали и этике, касается его лично.

Наместник Марк Рубрий был не одинок в своих страданиях. Его легаты и военные трибуны, писари и начальники тюрем, судебные приставы и публиканы, любовницы и рабы – все дружно ненавидели Марка Порция Катона. Катона, который помешан на работе. От него нельзя было избавиться, отослав в какое-нибудь дальнее поселение в провинции, потому что через два, максимум через три дня он возвращался, отлично выполнив поручение.

Большая часть его разговоров – если громкие разглагольствования можно назвать разговором – посвящалась его прадеду Катону Цензору, чью бережливость и старомодные взгляды Катон ценил безмерно. И поскольку Катон был Катоном, он фактически подражал Цензору во всем, кроме одного: он везде ходил пешком, вместо того чтобы ездить на лошади. Он ел крайне умеренно и пил только воду; он вел простую солдатскую жизнь и держал только одного раба для услуг.

Но имелось одно серьезное нарушение принципов его прадеда. Катон Цензор ненавидел Грецию, греков и все эллинское. А молодой Катон восхищался ими и не делал из этого секрета. Это давало повод тем, кто был вынужден терпеть присутствие Катона в греческой Македонии, подшучивать над ним. Всем ужасно хотелось хоть как-то проткнуть его невероятно толстую кожу. Но все эти шуточки оставляли на ней лишь малозначительные вмятины. Когда кто-нибудь упрекал Катона в том, что он предает принципы своего прадеда, поддерживая эллинский образ мысли, шутник попросту переставал существовать для Катона. Увы, то, что Катон действительно считал важным, доводило до бешенства его начальников, равных ему по положению и подчиненных: он не терпел того, что называл «жить с комфортом», и критиковал за это и наместника, и любого из центурионов. Поскольку сам Катон обитал в двухкомнатном кирпичном доме на окраине Фессалоник и делил к тому же убогое жилище со своим другом Титом Мунацием Руфом, военным трибуном, никто не мог сказать, что сам Катон «живет с комфортом».

Он прибыл в Фессалоники в марте, а уже к концу мая наместник пришел к выводу, что, если он не отделается от Катона, произойдет убийство. На столе наместника копились жалобы – от публиканов, торговцев зерном, счетоводов, центурионов, легионеров, легатов и женщин, которых Катон обвинял в непристойном поведении.

– Он даже имел наглость заявить мне, что лично он сохранил целомудрие до женитьбы! – возмущенно рассказывала Рубрию его близкая подруга. – Марк, он поставил меня на рыночной площади перед толпой ухмыляющихся греков и прочитал мне лекцию о том, как должна вести себя римлянка, живущая в провинции! Отделайся от него, или, клянусь, я кому-нибудь заплачу, чтобы его убили.

К счастью для Катона, в тот же день он сообщил Марку Рубрию о визите в Пергам некоего Афинодора Кордилиона.

– Как бы мне хотелось послушать его! – воскликнул возбужденный Катон. – Как правило, он выступает в Антиохии или Александрии. А это путешествие необычно для него!

– Ну что ж, – сказал Рубрий, торопясь высказать блестящую идею, – почему бы тебе не взять пару месяцев отпуска и не отправиться в Пергам?

– Я не могу этого сделать! – воскликнул Катон, потрясенный. – Мой долг – служить здесь!

– Каждому военному трибуну полагается отпуск, дорогой мой Марк Катон, и никто не заслуживает его больше, чем ты. Пожалуйста, поезжай! Я настаиваю! И возьми с собой Мунация Руфа.

Итак, Катон уехал в сопровождении Мунация Руфа. Римляне, живущие в Фессалониках, чуть с ума не сошли от радости, ибо Мунаций Руф так благоговел перед Катоном, что усердно подражал ему. Но как только минули два месяца, он снова был в Фессалониках. Единственный известный Рубрию римлянин, который так буквально воспринял предложенный с потолка срок отпуска. Вместе с Катоном прибыл не кто иной, как сам Афинодор Кордилион, знаменитый философ-стоик, готовый играть роль Панеция Родосского, философа, находившегося при Сципионе Эмилиане из Катонов. Будучи стоиком, Афинодор не ожидал – или не желал – той роскоши, которой окружил в свое время Панеция Сципион Эмилиан. Единственное изменение, которое он внес в образ жизни Катона, это аренда для них троих – Мунация Руфа, Катона и самого философа – трехкомнатного дома вместо двухкомнатного и увеличение числа рабов до трех. Что же заставило этого знаменитого философа присоединиться к Катону? Просто в Катоне он увидел человека, который когда-нибудь будет иметь огромное значение. Присоединение к семейству Катона обеспечит имени Афинодора Кордилиона долгую память. Не будь Сципиона Эмилиана, кто бы помнил имя Панеция?

Римляне в Фессалониках застонали, когда Катон возвратился из Пергама. Рубрий продемонстрировал, что он не готов выносить общество Катона, объявив, что у него есть срочное дело в Афинах, и тут же уехал. Слабое утешение для тех, кого он оставил! Но тут, по пути в

Пергам, в Фессалоники заехал Квинт Сервилий Цепион, и Катон тотчас позабыл и о публика-
нах, и о «жизни с комфортом» – так счастлив он был вновь увидеть любимого брата.

Глубокая душевная связь между ними возникла вскоре после рождения Катона. В это время Цепиону было три года. Сильно болея, их мать (через два месяца она умерла) дала подер-
жать новорожденного Катона трехлетнему Цепиону. И с тех пор их разлучал только долг, хотя
даже при исполнении долга они ухитрялись оставаться вместе. Может быть, связь и ослабла
бы с возрастом, если бы их дядя Друз не был заколот в том доме, где они все жили. Когда
это случилось, Цепиону было шесть лет, а Катону едва исполнилось три. Этот страшный удар
выковал в огне ужаса и трагедии такую связь между братьями, что с годами она только крепла.
Их детство было одиноким, безрадостным, лишенным любви. Оно пришлось на время войны.
У них не осталось близких родственников, их опекуны были к ним равнодушны, а двое стар-
ших из шестерых детей, Сервилия и Сервилилла, ненавидели младших, Катона и его сестру
Порцию. Но сражения между старшими и младшими отнюдь не всегда оборачивались в пользу
двух Сервилий! Катон хоть и был самый маленький, но он же был самый горластый и самый
бесстрашный из всех шестерых.

Всякий раз, когда маленького Катона спрашивали:

– Кого ты любишь?

Он неизменно отвечал:

– Я люблю моего брата.

И если к нему продолжали приставать с вопросом, кого он любит еще, он все равно отве-
чал:

– Я люблю моего брата.

Действительно, он никогда не любил никого другого, если не считать ужасной любви к
дочери дяди Мамерка, Эмилиии Лепиде. Любовь к Эмилиии Лепиде научила его только одному –
презирать женщин и не доверять им. Такому же отношению к противоположному полу спо-
собствовало и детство, проведенное с Сервилией.

Но чувство, которое Катон питал к Цепиону, было неискоренимо. Братья, связанные
искренней и взаимной любовью, всегда оставались единым целым. Катон никогда не признался
бы даже самому себе, что Цепион для него нечто большее, чем сводный брат. Никто так не
слеп, как те, кто не хочет видеть; а наиболее слепой из всех – Катон, желающий быть слепым.

Братья много путешествовали и немало повидали. И если бедный вольноотпущенник
Синон, который путешествовал в обозе Цепиона, исполняя поручение Сервилиии, почувство-
вал бы искушение легко отнестись к предостережению Сервилиии о Катоне, одного взгляда на
него оказалось достаточно, чтобы ясно понять, почему госпожа сочла нужным предупредить
о Катоне как об угрозе делу. Впрочем, Катон не обращал внимания на Синона: римский ари-
стократ не утруждает себя знакомством с теми, кто ниже его по положению. Синон прятался
за толпой слуг и младших служащих и старался не попадаться на глаза Катону.

Но все хорошее когда-нибудь заканчивается, и в начале декабря братья расстались.
Цепион продолжил путь по Эгнациевой дороге в сопровождении своей свиты. Катон, не стес-
няясь, плакал. Плакал и Цепион – еще безутешнее, потому что Катон шел за ними следом
по дороге много миль, маша рукой, плача и крича, чтобы Цепион был осторожен, осторожен,
осторожен...

Наверное, он чувствовал, что Цепиону грозит опасность. И когда через месяц он получил
записку от Цепиона, ее содержание не удивило его так, как должно было удивить.

*Мой любимый брат, я заболел в городе Энос и боюсь за свою жизнь. Никто из местных
врачей, кажется, не знает причины болезни. Но с каждым днем мне становится все хуже.*

*Пожалуйста, дорогой Катон, прошу тебя приехать в Энос и быть со мной в мой смерт-
ный час. Мне так одиноко, и никто здесь не может утешить меня так, как ты. Я хочу дер-*

жать твою руку, когда испущу дух. Приезжай, умоляю тебя, приезжай скорее. Я постараюсь дождаться тебя.

Мое завещание находится у весталок, и, как мы договорились, моим наследником назначен молодой Брут. Ты – мой душеприказчик, тебе я оставил, как ты поставил условием, лишь десять талантов. Скорее приезжай.

Когда наместнику Марку Рубрию доложили, что Катону немедленно требуется отпуск, он не возражал. Единственный совет, который он дал, – это ехать по суше, поскольку поздней осенью штормы на море такие, что обрушиваются даже на фракийское побережье, и уже потонуло несколько кораблей. Но Катон не слушал советов. По дороге путешествие займет дней десять, как бы быстро он ни скакал. А сильный северо-восточный ветер наполнит паруса корабля и погонит его так быстро, что Катон достигнет Эноса за пять дней. Отыскав капитана, достаточно безрассудного, чтобы согласиться взять Катона на борт и доставить в Энос (за очень хорошую плату), Катон, обезумевший от горя, отважился сесть на корабль. Афинодор Кордилион и Мунаций Руф тоже поехали. Каждого сопровождал только один слуга.

Плавание обернулось кошмаром: огромные волны, сломанные мачты, рваные паруса. Но у капитана имелись запасные мачты и паруса. Маленький корабль проваливался в бездны, подсакивался на волнах и, как казалось Афинодору Кордилиону и Мунацию Руфу, держался на плаву совершенно непостижимым образом, словно это Катон своей волей мысленно посылал ему силы. На четвертый день они достигли гавани Эноса. Катон не стал ждать, пока судно пришвартуется. Он спрыгнул на пирс и как сумасшедший побежал под проливным дождем. Только один раз он остановился, чтобы спросить у промокнувшего торговца, где находится дом этнарха, – там жил Цепион.

Катон ворвался в дом, вбежал в комнату, где лежал его брат. Он опоздал на час. Цепион умер, так и не увидев перед смертью брата, не подержав его руки.

Вода ручьями стекала с Катона на пол. Катон стоял возле постели, глядя на стержень и утешение всей своей жизни, неподвижную и страшную фигуру, лишенную цвета, энергии, силы. Глаза закрыты, на веки положены монеты. Край серебряной монеты торчит в приоткрытых губах. Кто-то другой снабдил Цепиона платой за переправу через реку Стикс. Здесь решили, что Катон не приедет.

Вдруг Катон открыл рот и издал звук, который поверг в ужас всех, кто слышал его. Это был не плач, не вой и не визг. Это была их жуткая смесь – животная, мрачная, страшная. Присутствующие инстинктивно шарахнулись в стороны, дрожа, когда Катон бросился на мертвого Цепиона и стал целовать его спокойное лицо, ласкать безжизненное тело. Слезы текли из глаз Катона, и время от времени снова раздавались эти ужасные звуки. Катон оплакивал уход единственного человека в мире, который значил для него все, был ему утешением в ужасном детстве, стал якорем и скалой для мальчика и мужчины. Это Цепион отвел взгляд трехлетнего ребенка от дяди Друза, истекающего кровью и кричащего на полу, и взял груз всех тех страшных часов на свои шестилетние плечи. Это Цепион терпеливо слушал, пока его тупица-братец с большим трудом познавал азы учения, без конца повторяя одно и то же. Это Цепион вразумлял Катона, уговаривал и упрашивал, убеждал его продолжать жить, когда Эмилия Лепида так жестоко предала его. Это Цепион взял его в свою первую кампанию, научил быть бесстрашным солдатом, радовался, когда он получил армилы и фалеры за храбрость, проявленную в бою, который более известен из-за солдатской трусости, ибо Катон и Цепион служили в армии Клодиана и Попликолы, трижды потерпевшей поражение от Спартака. Всегда, всегда Цепион.

И теперь Цепиона нет. Цепион умер один, без друзей, и никто не держал его руку в последний момент. Ощущение вины и угрызения совести сводили Катона с ума. Он остался там, где лежал мертвый Цепион. Когда Катона попытались увести, он стал драться. Его пробовали уговорить – он заглушал слова воем. В течение почти двух дней он отказывался выйти из комнаты, где лежал, укрывая своим телом Цепиона. И самое худшее, никто – никто! – не

понимал всего ужаса этой потери. Никто не догадывался, какой одинокой станет отныне его жизнь. Цепион ушел, а с Цепионом ушли любовь, здравый смысл, безопасность.

Но наконец Афинодору Кордилиону удалось пробиться сквозь сумасшествие. Философ начал говорить Катону, как должен вести себя в подобной ситуации истинный стоик. Катон поднялся и отправился устраивать похороны брата. На нем все еще были грубая туника и вонючий дорожный плащ, он был не брит, лицо грязное, покрытое коркой от высохших слез. Десять талантов, которые Цепион оставил ему в своем завещании, будут потрачены на эти похороны. Но хотя он и пытался спустить их все – на местных служащих похоронных бюро, на торговцев благовониями, – израсходовать ему удалось лишь один талант. Еще один талант стоил золотой ларец, инкрустированный драгоценными камнями, – для праха Цепиона. Остальные восемь талантов пошли на статую Цепиона, которая будет воздвигнута на рыночной площади города Энос.

– Ни цвет кожи, ни цвет глаз, ни цвет волос не должны быть такими, как при жизни, – распоряжался Катон скрипучим голосом, охрипшим от жутких криков. – Я не хочу, чтобы статуя напоминала живого человека. Я хочу, чтобы все, кто будет смотреть на нее, знали: этот человек – мертв. Вы сделаете ее из серого тасосского мрамора и отполируете так, чтобы мой брат блестел при свете луны. Он – тень, и я хочу, чтобы его статуя была похожа на тень.

Никогда прежде не видела эта небольшая греческая колония, расположенная к востоку от устья реки Гебр, столь впечатляющих похорон. Всех женщин собрали исполнять роль плакальщиц. Весь запас благовоний, который нашелся в Эносе, был сожжен на погребальном костре Цепиона. Когда погребальный обряд закончился, Катон сам собрал пепел и положил его в красивую маленькую шкатулку, с которой не расставался, пока через год не приехал в Рим и, как велел долг, не отдал ее вдове Цепиона.

Он написал письмо в Рим с инструкциями, как поступить с завещанием Цепиона, пока он сам не вернется, и очень удивился, узнав, что ему не надо писать Рубрию в Фессалоники. Этнарх уже известил Рубрию о смерти Цепиона – в тот самый день, когда это произошло, и Рубрий увидел свой шанс избавиться от докучливого магистрата. Вместе с изъятиями соболезнования в Энос прибыли все вещи Катона и Мунация Руфа. «Друзья, ваш год службы уже подходит к концу, – было начертано в послании идеальным почерком писаря наместника, – поэтому я разрешаю вам не возвращаться в Фессалоники. Наступила зима, и бессы ушли домой, к Данубию! Отдохните подольше на Востоке и постарайтесь наилучшим образом пережить случившееся».

– Так я и сделаю, – сказал Катон, держа ларец с прахом. – Мы поедем на восток, а не на запад.

Он изменился, поняли Афинодор Кордилион и Тит Мунаций Руф. Катон всегда был «работающим маяком», посылающим свой сильный, негаснувший луч во все стороны. Теперь свет погас, как будто его выключили. Лицо – то же самое, даже не похудевшее, но теперь пугающий голос звучал совсем по-другому, монотонно. Катона ничто не волновало, он не проявлял энтузиазма, ничем не возмущался, не сердился. И хуже всего, он стал пассивным.

Только Катон знал, каким сильным он должен быть, чтобы продолжать жить. Только Катон знал о своем решении: никогда снова не поддаваться этой пытке, этому опустошающему чувству. Любить – значит терять навсегда. Вечное проклятие любви. Катон больше никогда не полюбит. Никогда.

Пока маленькая грустная компания из трех свободных и трех слуг-рабов брела по Эгнациевой дороге к Геллеспонту, вольноотпущенник по имени Синон стоял, облокотившись на леер маленького судна, несущего его по Эгейскому морю. Свежий зимний ветерок гнал корабль в Афины. Оттуда Синон направится в Пергам, где его ждет остальная часть золота. В этом он не сомневался. Она слишком хитра, чтобы не заплатить полностью, эта патрицианка Сервилия. Какой-то миг Синон думал о шантаже, но потом засмеялся, пожал плечами и кинул искупив-

тельную драхму в пенящийся след корабля – как дань Посейдону. «Доставь меня невредимым, Отец Глубин! Я не только свободен, я богат. Львица в Риме может быть спокойна. Я не потревожу ее, потребовав еще денег. Вместо этого я увеличу то, что уже принадлежит мне по праву».

Львица в Риме узнала о смерти своего брата от дяди Мамерка, который явился к ней, как только получил письмо от Катона. Она пролила слезы, конечно, но не очень много: дядя Мамерк прекрасно знал, что она чувствует. Инструкции ее банкирам в Пергаме были посланы сразу после отъезда Цепиона. Сервилия решила рискнуть и опередить события. Предусмотрительная Сервилия. Ни один счетовод, ни один банкир не будет иметь повода удивляться тому обстоятельству, что после смерти Цепиона его сестра послала большую сумму вольноотпущеннику по имени Синон, который должен получить ее в Пергаме.

Позднее в тот же день Брут сказал Юлии:

– Я должен изменить свое имя. Удивительно, правда?

– Тебя усыновили согласно чьему-то завещанию? – спросила она, хорошо зная, в каких обычно случаях человек меняет имя.

– Мой дядя Цепион умер в Эносе, и я – его наследник. – Печальные карие глаза наполнились слезами. – Он был хорошим человеком. Он мне нравился. В основном, думаю, потому, что дядя Катон обожал его. Бедный дядя Катон приехал к нему, но опоздал всего на час. Теперь дядя Катон говорит, что долго не вернется домой. Я буду скучать по нему.

– Ты уже скучаешь, – сказала Юлия, улыбаясь и сжимая руку Брута.

Он улыбнулся ей и ответил на рукопожатие. Нет нужды беспокоиться о поведении Брута по отношению к своей нареченной. Оно было таким безупречным, какого только могла желать любая бдительная бабушка. Аврелия очень скоро отказалась от роли надзирательницы за поведением обрученных. Брут делал честь своим матери и отчиму.

Отметившая в январе свой десятый день рождения, Юлия была очень рада тому, что Брут так себя ведет. Когда Цезарь сообщил дочери, за кого она выйдет замуж, она была потрясена. Хотя Юлия жалела Брута, она знала: сколько бы времени она ни провела с ним, это не превратит жалость в то чувство, которое необходимо для прочного брака. Лучшее, что она могла сказать о нем, – что он хороший. А худшее – что он скучный. Хотя в силу возраста Юлия еще не предавалась романтическим мечтаниям, как большинство девочек ее происхождения, она надлежащим образом была подготовлена к тому, какой будет ее взрослая жизнь, и поэтому многое знала о браке. Оказалось, ей трудно было пойти в школу и рассказать подругам о своей помолвке. До этого Юлия думала только о том, как будет довольна тем, что теперь она такая же, как Юния и Юнилла, единственные девочки, которые были уже помолвлены. Но Ватия Исаврийский, жених Юнии, очаровательный молодой человек, а Лепид Юниллы – и вовсе красавец. А что могла Юлия сказать о Бруте? Сводные сестры не выносили его, – по крайней мере, они не говорили о нем в школе. Как и Юлия, они считали его надутым надоедой. И вот теперь она должна выйти за него замуж! О, подруги будут немилосердно дразнить ее! Или жалеть.

– Бедная Юлия! – сказала Юния, весело смеясь.

Однако нет смысла обижаться на судьбу. Юлия должна выйти замуж за Брута, и этим все сказано.

– Ты слышал новость, *tata*? – спросила она отца после обеда, когда тот ненадолго заглянул домой.

Теперь, когда здесь жила Помпея, в доме Аврелии сделалось невыносимо. Цезарь никогда не приходил на ночь, редко обедал с домашними. Поэтому было замечательно задержать его хоть на короткое время. И Юлия воспользовалась шансом.

– Новость? – переспросил Цезарь с отсутствующим видом.

– Отгадай, кто сегодня приходил навестить меня? – весело спросила она.

В глазах отца появились искорки.

– Брут?

– Нет!

– Юпитер Всеблагий Всесильный?

– Он не приходит как человек, он приходит как идея.

– Тогда кто? – спросил Цезарь, начиная немного нервничать.

Помпея была дома, он слышал ее голос в своем кабинете, который она забрала себе, потому что Цезарь больше никогда там не работал.

– О *tata*, пожалуйста, пожалуйста, побудь со мной еще немного!

Большие голубые глаза умоляли отца остаться. Цезарь почувствовал угрызения совести. Сердце его сжалось. Бедная девочка. Она страдает от Помпеи больше, чем кто-либо еще, потому что мало видит отца.

Вздыхнув, он поднял ее и посадил к себе на колени.

– Ты очень выросла! – удивился Цезарь.

– Надеюсь.

Она стала целовать белые веера морщинок.

– Так кто же сегодня приходил к тебе? – спросил он, замерев.

– Квинт Сервилий Цепион.

Цезарь резко повернул голову:

– Кто?

– Квинт Сервилий Цепион.

– Но он же сейчас служит квестором у Гнея Помпея!

– Нет.

– Юлия, единственный живой член этой ветви семьи сейчас не в Риме! – сказал Цезарь.

– Боюсь, что человек, о котором ты говоришь, умер в Эносе в январе. Но есть новый Квинт Сервилий Цепион. Так он назван в завещании и скоро должен быть официально усыновлен.

Цезарь ахнул:

– Брут?

– Да, Брут. Он говорит, что теперь его имя будет Квинт Сервилий Цепион Брут, а не Цепион Юниан. Брут важнее Юния.

– Юпитер!

– *Tata*, ты так удивился. Почему?

Он шутя ударил себя по щеке:

– Никогда бы не подумал. – Он засмеялся. – Юлия, ты выйдешь замуж за самого богатого человека в Риме! Если Брут – наследник Цепиона, то третье состояние, которое он добавит к своему наследству, превращает в ничто первые два. Ты будешь богаче царицы.

– Брут такого не говорил.

– Да он, наверное, и не знает. Твой жених нелюбопытен, – сказал Цезарь.

– Думаю, он любит деньги.

– А кто не любит? – спросил Цезарь с горечью. Он поднялся, усадил Юлию в кресло. – Я скоро вернусь, – пообещал он и быстро прошел в столовую, а потом, как подумала Юлия, в свой кабинет.

Почти сразу в комнату влетела возмущенная Помпея и в ярости уставилась на Юлию.

– Что случилось? – спросила Юлия.

С мачехой у нее сложились неплохие отношения. Помпея – хорошая тренировка для будущей совместной жизни с Брутом, хотя Юлия и не считала своего жениха таким же глупым.

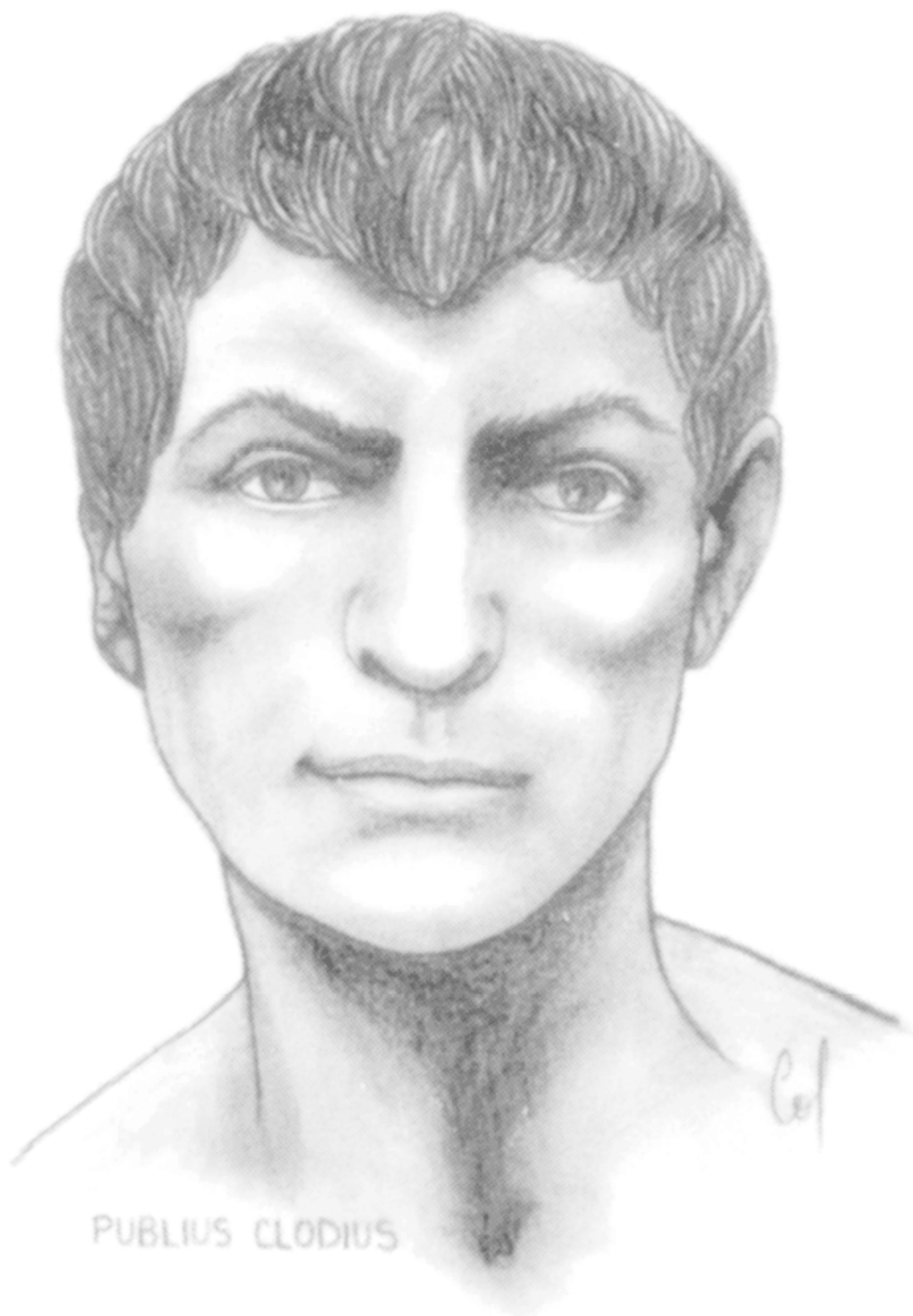
– Он прогнал меня из кабинета! – возопила Помпея.

– Я уверена, ненадолго.

Действительно, это было ненадолго. Цезарь написал письмо Сервиии, которую не видел с мая прошлого года (сейчас уже был март). Конечно, иногда ему хотелось увидеть ее, но время шло, у него были другие женщины. Поразительно. Молодой Брут сделался наследником золота Толозы! Определенно, настало время уделить внимание его матери. Эту помолвку нельзя расторгнуть ни в коем случае.

Часть II
Март 73 г. до Р. Х. – квинтилий (июль) 65 г. до Р. Х.

Беда Публия Клодия заключалась не в отсутствии высокого происхождения, ума, способностей или денег. Проблема заключалась в отсутствии направления. Во-первых, он не знал, куда хотел двигаться. Во-вторых, всегда был лишен твердого руководства со стороны старших. Интуиция подсказывала ему, что он рожден быть другим. Отнюдь не новая мысль для человека из рода патрициев Клавдиев. Если о какой-нибудь римской фамилии можно сказать, что она полна индивидуалистов, то это фамилия патрициев Клавдиев. Станные люди. Из всех знаменитых патрицианских семей род Клавдиев был самый молодой. Они появились в то время, когда царь Тарквиний Гордый был свергнут Луцием Юнием Брутом и началась эпоха Республики. Разумеется, Клавдии были сабинами. А сабины – свирепые, гордые, независимые, неукротимые, воинственные люди. Они вынуждены были стать такими, потому что они – родом с Апеннин, к северу и востоку от римского Лация, из суровой горной местности, где малочисленны и редки очаги тепла и доброты.

Отцом Клодия был тот самый Аппий Клавдий Пульхр, которому так и не удалось восстановить состояние своей семьи после того, как его племянник, цензор Филипп, выдворил дядю из сената и конфисковал все его имущество в наказание за упрямую преданность сосланному Сулле. Мать Клодия, ужасно знатная Цецилия Метелла Балеарика, умерла, производя на свет его, шестого ребенка. За шесть лет у нее родились трое мальчиков и три девочки. Превратности войны, а также удивительная способность всегда оказываться не в том месте и не в то время привели к тому, что Аппия Клавдия-старшего никогда не было дома. А это, в свою очередь, значило, что старший брат Клодия, Аппий Клавдий-младший, обычно являлся для него единственным авторитетом. Все пятеро его подопечных были дети буйные, своевольные, склонные все рушить, но маленький Публий оказался из них худшим. Если бы Публий почувствовал на себе, что такое строгая дисциплина, то он, вероятно, в детстве не был бы таким капризным. Но поскольку все пять его старших братьев и сестер страшно портили его, он вытворял все, что ему нравилось, и очень рано убедился в том, что из всех когда-либо живших Клавдиев он отличается от других людей больше остальных.

Когда в Македонии умер их отец, Публий объявил старшему брату Аппию, что отныне намерен писать свое имя так, как оно произносится в просторечии, – Клодий – и без прозвища Пульхр. «Пульхр» означает «Красивый». Действительно, большинство Клавдиев Пульхров обладали внешней привлекательностью. Однако самый первый носитель прозвища получил его вопреки наружности и именно благодаря тому, что был поразительно некрасив. «Каков красавчик!» – говорили люди, и этот «Пульхр» так и прилип к нему.

Естественно, Публию Клодию разрешили изменить написание своего имени, тем более что прецедент уже имелся. Из трех сестер старшую звали Клавдия, среднюю – Клодия и младшую – Клодилла. Старший Аппий так любил своих подопечных, что ни в чем не мог отказать им. Например, если подростку Публию Клодию нравилось спать с Клодией и Клодиллой, потому что иначе ему снятся кошмары, то почему бы и не позволить ему такую прихоть? Бедняжки, ни матери, ни отца! Старшему брату Аппию было жаль их. Об этом обстоятельстве младший Публий Клодий отлично знал и пользовался слабостью Аппия самым бессовестным образом.

К тому времени, когда молодой Публий Клодий надел *toga virilis* и официально стал мужчиной, старший Аппий блестяще восстановил шаткое состояние семьи, женившись на старой деве Сервилии Гнее. Она приглядывала за шестью другими знатными сиротами, принадлежавшими к семействам Сервилия Цепиона, Ливия Друза и Порция Катона. Ее приданое было столь же велико, как велика была ее некрасивость. Кое-что роднило Аппия и эту старую деву: обоим приходилось заботиться о своих сиротках, так что Сервилия Гнея очень подошла сентиментальному Аппию, который стремительно влюбился в свою тридцатипятилетнюю невесту (ему был двадцать один год) и сделался очень любящим мужем. После чего они начали производить детей по одному в год, следуя, таким образом, традициям Клавдиев.

Старшему Аппию также удалось очень хорошо пристроить своих трех сестер-бесприданниц: Клавдия вышла замуж за Квинта Марция Рекса, которому предстояло вскорости стать консулом; Клодия – за их двоюродного брата Квинта Цецилия Метелла Целера, сводного брата жены Помпея Муции Терции; Клодилла – за Лукулла, который был в три раза старше ее. Трое невероятно богатых, высокопоставленных мужчин, и двое из них достаточно зрелые, чтобы упрочить могущество своих семейств. Что касается Целера, то он не нуждался в этом, поскольку был старшим внуком Метелла Балеарского и внуком знаменитого Красса Оратора. Все сложилось как нельзя лучше для молодого Публия Клодия, поскольку Рексу так и не удалось получить сына от Клавдии даже после нескольких лет брака. Поэтому Публий Клодий уверенно считал себя наследником Рекса.

В шестнадцать лет Публий Клодий прошел подготовку на Форуме, *tirocinium fori*, пробуя свои силы в качестве юриста и честолобивого политика. Затем он провел год в лагере в Капуе, играя в солдатиков, и возвратился на Форум в возрасте восемнадцати лет. Чувствуя свою силу и зная, что девушки без ума от него, Клодий стал искать женщину, которая соответствовала бы его собственной исключительности. По его мнению, эта исключительность стремительно росла. И он воспылил страстью к весталке Фабии. Любовь к весталке отнюдь не приветствовалась. Но это было именно то любовное приключение, которое хотел пережить Клодий. Целомудрие весталки – залог процветания Рима. Большинство приходит в неподдельный ужас от одной только мысли о том, чтобы соблазнить весталку. Но только не Публий Клодий.

Никто в Риме не требовал, чтобы весталки вели уединенный образ жизни. От них и не ожидали затворничества. Им позволялось посещать вечеринки – при условии, что получено разрешение великого понтифика и старшей весталки, которым предварительно сообщалось о месте сбора и составе приглашенных. Весталки посещали все жреческие пиры – как равные жрецам и авгурам. Им разрешали видеться с мужчинами, но только в публичных местах, например в Государственном доме, здании, которое они делили с великим понтификом, и обязательно в присутствии свидетелей. Весталки были вполне обеспечены. Для семьи это была честь, поэтому девочек, для которых не находилось женихов, часто отдавали в весталки. У большинства весталок было отличное приданое, а остальных обеспечивало государство.

Восемнадцатилетняя Фабия была красивой, добродушной, веселой и глуповатой. Идеальная мишень для Публия Клодия, обожавшего разные проказы, которые часто вызывали возмущение у добропорядочных людей. Ухаживать за весталкой – это так забавно! Клодий не собирався заходить слишком далеко и лишать Фабию чести, ибо это привело бы к последствиям, затрагивающим его собственную обожаемую шкуру. Единственное, чего он хотел, – это увидеть, как Фабия изнывает от любви к нему и от желания.

Неприятности начались, когда Клодий обнаружил, что у него есть соперник – Луций Сергей Катилина, высокий, смуглый, красивый, лихой, обаятельный – и опасный. Ненадежный шарм Клодия ни в какое сравнение не шел с непобедимым обаянием Катилины. Во-первых, Клодий не обладал таким ростом и отменным телосложением. Во-вторых, от него не исходила грозная сила. Да, Катилина – страшный соперник. О нем ходило много слухов, впрочем никем не доказанных, – и завораживающих, и жутких. Все знали, что он нажил состояние во времена проскрипций Суллы, внеся в списки не только своего шурина (казненного), но и своего брата (высланного). Говорили также, что он убил свою тогдашнюю жену. Если он это и сделал, никто не призвал его к ответу. И что было хуже всего, шептались, будто он убил собственного сына, потому что его теперешняя жена, прелестная и богатая Орестилла, отказывалась выйти замуж за человека, у которого имелся сын. Действительно, сын Катилины умер и Катилина женился на Орестилле. Это все знали. И все же, убил ли он бедного мальчика? Никто не мог сказать определенно. Однако отсутствие доказательств не препятствует возникновению слухов.

Вероятно, у Катилины и у Клодия были одинаковые мотивы для осады Фабии. Оба представляли собой ходячую неприятность, обоим нравилось вызывать гнев окружающих, обоим

хотелось натянуть нос ханжескому Риму. Но матерого тридцатичетырехлетнего Катилину и неопытного восемнадцатилетнего Клодия разделили успех одного и поражение другого. Катилина, конечно же, не позарился на девственную плеву Фабии. Почитаемый кусочек ткани оставался нетронутым. И поэтому Фабия формально оставалась непорочной. Но бедная девочка влюбилась в Катилину и позволяла ему некоторые вольности. В конце концов, что плохого в нескольких поцелуях? Или в том, что палец или язык дотрагивается до чувствительных участков половых органов? Катилина нашептывал ей в ухо, что это совершенно невинное занятие, а получаемый экстаз – это нечто, о чем она будет помнить весь оставшийся ей срок службы весталкой.

Старшая весталка Перпенния, к сожалению, не являлась строгой наставницей. Великого понтифика не было в Риме – Метелл Пий воевал против Сертория в Испании. Следующей по старшинству весталкой была Фонтее, после нее – двадцативосьмилетняя Лициния, потом восемнадцатилетняя Фабия, за которой следовали Аррунция и Попиллия – обеим по семнадцать лет. Перпеннии и Фонтее уже исполнилось по тридцать два года. Лет через пять они закончат службу. Поэтому эти две старшие весталки думали только о своем уходе да еще о том, что стоимость сестерция падает. Их беспокоило, достаточно ли окажется их когда-то приличного состояния, чтобы обеспечить себя на старости лет. Ни одна из них не собиралась замуж после того, как закончится их срок. Хотя бывшие весталки могли выходить замуж, считалось, что такой брак не будет счастливым.

Так что заниматься всем приходилось Лицинии. Третья по возрасту среди шестерых, она была самой богатой. И хотя она состояла в более близком родстве с Лицинием Муреной, нежели с Марком Лицинием Крассом, великий плутократ тем не менее считался ее кузеном и другом. Лициния приглашала его как консультанта в финансовых вопросах, и три старшие весталки проводили с ним по многу часов, обсуждая финансовые и торговые дела, вложения денег и своих отбившихся от рук отцов, которые сами желали распоряжаться приданым дочерей-весталок.

Пока Катилина развлекался с Фабией буквально под их носом, Клодий тоже предпринимал свои попытки. Сначала Фабия не понимала, чего добивается этот юноша. По сравнению с опытной Катилиной Клодий был совсем еще зелен. Но когда Клодий схватил ее и начал покрывать ее лицо поцелуями, бормоча нежные слова, Фабия допустила ошибку – стала над ним смеяться и прогнала его. Этот смех долго еще звенел у него в ушах. Нельзя так обращаться с Публием Клодием, который привык получать все, что хотел. Раньше никогда и никто над ним не смеялся. Столь страшное оскорбление было нанесено его самолюбию, что он решил немедленно отомстить.

И выбрал очень римский способ мщения – судебный процесс. Но не тот относительно безобидный процесс, который, например, возбудил восемнадцатилетний Катон после того, как его обманула Эмилия Лепида. Катон обвинял ее тогда в нарушении обещания. Публий Клодий обвинил Фабию в нецеломудренном поведении. А в римском обществе, где редко казнили даже за преступления против государства, нарушение обетов весталкой было единственным преступлением, которое автоматически влекло за собой смертный приговор.

Клодий не ограничился мстью одной только Фабии. Одинаковые обвинения были выдвинуты против Фабии (с Катилиной), Лицинии (с Марком Крассом) и Аррунции и Попиллии (обе – с Катилиной). Были организованы два процесса: один разбирал дело весталок, где обвинителем выступал сам Клодий, другой судил обоих любовников, где друг Клодия Плотий (он тоже стал писать свое имя на простонародный манер, не «Плавтий», а «Плотий») обвинял Катилину и Марка Красса.

Все обвиняемые были оправданы, но сами процессы вызвали большой переполох. При-
сущее римлянам чувство юмора проявилось в полной мере, когда Красс просто объявил, что

его интересовала не добродетель Лицинии, а ее загородное имущество. Правдоподобно? Присяжные решили, что да, правдоподобно.

Клодий очень старался «утопить» женщин, но защитником их оказался способный и знающий Марк Пупий Пизон, которому помогала внушительная свита младших адвокатов. Крайняя молодость Клодия и отсутствие реальных доказательств говорили отнюдь не в его пользу, особенно после того, как большая группа наибогороднейших римских матрон удостоверила, что все три обвиняемые весталки – *virgo intacta*, девственницы. В завершение Клодиева провала судья и присяжные выдвинули иск против него самого. Заносчивость и агрессия, необычные в столь молодом человеке, восстановили против него решительно всех. Молодые обвинители обычно талантливы, но немного робки. Однако слова «робкий» в словарном запасе Клодия не было.

– Тебе не стоит быть обвинителем, – дружески посоветовал ему Цицерон после окончания суда. Он, конечно, тоже входил в группу защиты Пупия Пизона, потому что Фабия была сводной сестрой его жены. – Твоя злость и предубеждение слишком очевидны. В тебе нет беспристрастности, необходимой для успешной карьеры обвинителя.

Это замечание Клодию не понравилось, но Цицерон был всего лишь мелкой рыбешкой. Клодию не терпелось заставить Катилину заплатить – и за то, что тот одержал над ним верх у Фабии, и за то, что избежал смертного приговора.

Хуже того, после судебных слушаний люди, которые, как казалось Клодию, должны были бы поддержать его, стали его избегать. К тому же он получил уж совершенно неожиданный строгий нагоняй от старшего брата Аппия, который был возмущен и ошарашен случившимся.

– Это же чистая злоба, Публий, – сказал Аппий, – и я не в силах изменить общественное мнение. Ты должен понять, что в наши дни люди приходят в ужас при одной только мысли о том, что осужденную весталку ожидает погребение заживо с кувшином воды и куском хлеба, а ее любовника привяжут к раздвоенному столбу и забьют плетью до смерти. Ужасно, просто ужасно! Чтобы добиться обвинения любой из весталок, требуется предварительно собрать гору неопровержимых доказательств. А ты не смог представить даже маленького холмика улик. Все четыре весталки – из могущественных семей, которых ты сделал своими смертельными врагами. Я не могу помочь тебе, Публий, но могу помочь себе, уехав из Рима на несколько лет. Я отправляюсь на Восток, к Лукуллу. Советую тебе сделать то же самое.

Но Клодий не мог допустить, чтобы кто-то, даже Аппий, определял его будущее. Он только фыркнул и дернул плечом. И тем самым приговорил себя к четырем годам жизни в городе, который немилосердно унижал его, в то время как Аппий на Востоке совершал подвиги, показавшие всему Риму, что он – истинный Клавдий, особенно в тех случаях, когда нужно доставить кому-нибудь неприятности. Но поскольку эти неприятности в значительной степени содействовали поражению царя Тиграна, Рим был в восторге – и от этого факта, и от самого Аппия.

Неспособный убедить кого-либо, что он в состоянии обвинить самого отъявленного преступника, и отвергаемый самими преступниками даже в роли защитника, Публий Клодий чувствовал себя отвратительно. В любом другом человеке подобное отношение окружающих могло бы пробудить желание разобраться в себе и изменить свой характер, но у Клодия это привело лишь к умножению недостатков. Что, в свою очередь, окончательно лишило его практики на Форуме и связало с группой молодых людей из знатных фамилий, пользующихся дурной славой. Четыре года Клодий ничего не делал, только пил в грязных тавернах, соблазнял девиц разного рода, играл в кости и делил свою неудовлетворенность с другими, кто тоже имел претензии к аристократическому Риму.

В конце концов скука заставила его совершить нечто конструктивное, ибо Клодий в действительности не любил слоняться бесцельно. Считая себя непохожим на прочих, он знал, что должен отличаться в чем-нибудь реальном. Если он не сделает этого, то умрет – так, как жил,

забытый, презираемый. А это нехорошо. Не грандиозно. Для Публия Клодия единственно приемлемая судьба – закончить свою жизнь Первым Человеком в Риме. Он не знал, как добьется этого. Но однажды он проснулся и осмыслил свое положение: голова болит от выпитого накануне вина, кошелек пуст, потому что проигрался в кости. Он решил, что скука достигла предела и больше он так не выдержит. Ему необходимо действие. Поэтому он отправится туда, где есть возможность действовать. Он поедет на Восток и присоединится к личному штабу своего шурина Луция Лициния Лукулла. Но вовсе не для того, чтобы завоевать репутацию храброго и способного солдата! Военные подвиги нисколько не прельщали Клодия. Быть в штабе Лукулла! Кто знает, какие перспективы могут открыться? Старший брат Аппий завоевал восхищение Рима не воинскими подвигами, а тем, что искусно досаждал Тиграну в Антиохии. Царь царей крепко пожалел о своем решении поставить на место Аппия Клавдия Пульхра, заставив его томиться несколько месяцев в ожидании аудиенции.

И незадолго до возвращения Аппия Публий Клодий уехал на Восток. Это случилось в начале года, сразу после совместного консульства Помпея и Красса. В том же году Цезарь уехал квестором в Дальнюю Испанию.

Тщательно выбрав маршрут, который не столкнет его с братом, Клодий прибыл в Геллеспонт и узнал, что Лукулл умиротворяет завоеванное царство Митридата. Переплыв узкий пролив в Азию, он двинулся через всю страну следом за шурином Лукуллом. Клодий считал, что знает Лукулла: учтивый, педантичный аристократ, любящий повеселиться, очень богат, обожает хорошо поесть и выпить хорошего вина, ценит хорошее общество. Как раз такой начальник, о котором мечтал Клодий! Кампания под началом Лукулла просто обязана превратиться в роскошное времяпрепровождение.

Клодий нашел Лукулла в Амисе, великолепном городе на берегу Эвксинского моря, в самом сердце Понта. Амис пережил осаду и понес большие потери. Теперь Лукулл возмещал ущерб и приучал жителей к правлению Рима, а не Митридата.

Когда Публий Клодий появился у него на пороге, Лукулл забрал у него сумку с официальными письмами (которые Клодий распечатал и с удовольствием прочитал) – и забыл о его существовании. С рассеянным видом он отослал младшего зятя помогать легату Сорнатию и вернулся к тому, что больше всего занимало его мысли, – к предстоящему вторжению в Армению, царство Тиграна.

В ярости от такого бесцеремонного обращения Клодий поспешил уйти. Но вовсе не для того, чтобы кому-то помогать. И меньше всего – такому ничтожеству, как Сорнатий. Таким образом, пока Лукулл подготавливал свою маленькую армию к маршу, Клодий занялся тем, что исследовал тихие улицы и аллеи Амиса. Разумеется, он бегло говорил на греческом, поэтому легко знакомился с людьми, гуляя по городу. И многие были заинтригованы таким необычным поборником равноправия, таким до странности неримлянином.

Он также собрал много информации о той стороне жизни Лукулла, которой вообще не знал. О его армии, о его кампаниях.

Два года назад царь Митридат бежал ко двору своего зятя Тиграна. Он не смог состязаться с римской военной мощью, остро чувствуя утрату четвертьмиллионного опытного войска, которое он потерял на Кавказе в бессмысленной карательной экспедиции против албанских дикарей, опустошавших Колхиду. Митридату потребовалось двадцать месяцев, чтобы убедить Тиграна увидеться с ним, и еще больше – чтобы убедить того помочь ему вернуть утраченные земли Понта, Каппадокии, Малой Армении и Галатии.

Естественно, у Лукулла были свои шпионы, поэтому он очень хорошо знал, что два царя помирились. Но чем ждать, когда они вторгнутся в Понт, Лукулл решил напасть сам и вторгнуться в Армению, ударив по Тиграну и не позволив ему помочь Митридату.

Сначала Лукулл не хотел оставлять гарнизон в Понте, считая, что Рим и его влияние помогут сохранить там спокойствие. Лукулл больше не был наместником провинции Азия и теперь узнал из писем, привезенных Публием Клодием, что враждебность к нему сословия всадников в Риме быстро растет. Из тех же писем Лукулл узнал, что Долабелла назначен новым наместником провинции Азия и что он же должен будет осуществлять надзор над Вифинией. Тогда Лукуллу многое стало ясно. Очевидно, всадники Рима и их ручные сенаторы предпочитают некомпетентность успеху в войне. А Публий Клодий, мрачно заключил Лукулл, – предвестник несчастья!

Девять специальных уполномоченных, присланных из Рима до того, как его влияние там ослабло, были рассеяны по всему Понту и Каппадокии. Среди них находился человек, которого Лукулл любил больше всех – теперь, когда Сулла умер, – его младший брат Варрон Лукулл. Но у уполномоченных не было армий, и, судя по тону писем, назначение их будет недолгим. Поэтому, решил Лукулл, у него нет другого выхода, как только оставить два из своих четырех легионов в качестве гарнизона в Понте – на случай, если Митридат попытается отвоевать свое царство без помощи Тиграна. Легат, которого Лукулл высоко ценил, возмещал ущерб, причиненный острову Делос. И хотя Лукулл знал, что Сорнатий – хороший человек, он не был настолько уверен в его военных способностях, чтобы оставить его без помощи опытного сотоварища. Другой старший легат, Марк Фабий Адриан, должен будет также остаться в Понте.

Лукулл знал, какие легионы следует оставить, – те, что принадлежат провинции Киликия. А он отправится на юг с двумя легионами Фимбрии. Поражительные войска! Лукулл их не выносил. На Востоке они уже шестнадцать лет. Им запрещено появляться в Риме или Италии, потому что перечень их мятежей и убийств настолько велик, что сенат отказался разрешить им вернуться домой. Постоянно возбужденные, они были очень опасны, и Лукулл, который время от времени использовал их, обращался с ними безжалостно. Он порол солдат во время кам-

паний, но прощал разгул во время зимнего отдыха. Поэтому они почти добровольно служили под его началом и даже сдержанно восхищались им. Но предпочитали называться солдатами Фимбрии, по имени их первого командира. Лукулл это приветствовал. Хотел ли он, чтобы они называли себя Лициниевыми или Лукулловыми? Определенно нет.

Клодий так полюбил Амис, что решил остаться в Понте с легатами Сорнатием и Фабием Адрианом. Участие в военном походе потеряло для него привлекательность в тот самый момент, как он услышал, что Лукулл планирует тысячемильный марш.

Но желания Клодия рассыпались в прах. Ему приказали сопровождать Лукулла в личном обозе командующего. «Ну хорошо, – думал Клодий, – по крайней мере, я буду жить в относительном комфорте!» И только потом он узнал, каково представление Лукулла о комфорте во время кампании. Никакого комфорта не было и в помине. Тот изнеженный эпикуреец, которого Клодий знал в Риме и Амисе, бесследно исчез. Лукулл на марше во главе фимбрийцев жил как рядовой солдат. И если таков был образ жизни командующего, то и все члены его штаба обязаны были подражать ему. Фимбрийцы шли пешком, а не ехали – и все штабные шагали следом. Фимбрийцы ели кашу и черствый хлеб – и штабные ели кашу и черствый хлеб. Фимбрийцы спали на земле, накрываясь сагумом, нагребая в кучку землю вместо подушки, – и весь штаб командующего спал на земле, накрываясь сагумом и нагребая в кучку землю вместо подушки. Фимбрийцы мылись в ручьях, где вода по краям уже покрылась тонким льдом, – и они мылись в тех же ледяных ручьях. Что хорошо для солдат, было хорошо и для Лукулла.

Но – недостаточно хорошо для Публия Клодия, который через несколько дней пути резко выразил недовольство своему родственнику.

Бледно-серые глаза командующего равнодушно смили его с ног до головы. Взгляд был холоден, как местность, по которой проходила армия.

– Если тебе необходимы удобства, Клодий, возвращайся домой, – сказал Лукулл.

– Я не хочу домой, мне просто хочется комфорта! – возразил Клодий.

– Или то, или другое. Со мной ты удобств не получишь, – отрезал его зять и с презрением отвернулся.

Это был их последний разговор. Небольшая группа младших легатов и военных трибунов тоже не хотела водить дружбу с заносчивым юнцом – дружбу, в которой Клодий, как теперь ему стало понятно, очень нуждался. Дружья, вино, кости, женщины и проказы – этого ему так не хватало. Дни тянулись и казались годами, а края, куда занесла Клодия судьба, были так же негостеприимны, как сам Лукулл.

Они ненадолго остановились в Евсевии-Мазаке, где царь Ариобарзан Филоромей, Друг Римлян, одарил Лукулла всем, чем мог, и печально пожелал счастливого пути. Затем они продолжили путь по суровой земле, изрезанной глубокими расселинами и ущельями. Их окружала беспорядочная масса туфовых башен-останцов и валунов, высоко сидящих на тонких ненадежных каменных шеях. Обход всех этих ущелий сделал марш вдвое длиннее, но Лукулл продолжал идти, требуя, чтобы его армия проходила минимум тридцать миль в день. Это знало, что они шагали с рассвета до заката, разбивали лагерь почти в темноте и сворачивали его тоже почти в темноте. И каждый вечер это был настоящий лагерь, окопанный и укрепленный. «Против кого? Кого?!» – хотел бы Клодий громко выкрикнуть в мертвенно-бледное небо, которое плыло над ним выше, чем ему полагалось. А потом: «Зачем?» – еще громче, громче, чем гром во время бесконечных весенних гроз.

Наконец они пришли к Евфрату, к переправе у Томисы, и увидели мрачные молочно-синие воды, бурлящую массу талого снега. Клодий облегченно вздохнул. Теперь выбора нет! Полководец вынужден будет отдохнуть и подождать, когда река очистится. Не тут-то было. Как только армия остановилась, Евфрат начал успокаиваться и течение замедлилось, превращаясь

в покорный водный путь. Лукулл и фимбрийцы приплыли в Софену, и, как только последний солдат сошел на берег, река снова забурилась.

– Мне повезло, – сказал Лукулл. – Это знак.

Теперь путь проходил по более гостеприимной местности: горы здесь были ниже, трава и дикая спаржа покрывали их склоны. Деревья росли маленькими рощами там, где вода позволяла им укорениться. Но что это значило для Лукулла? Только то, что по такой легкой дороге армия могла двигаться быстрее! Клодий всегда считал, что он в хорошей форме, сильный и крепкий, как и полагается римлянину, привыкшему ходить пешком. Но вот поди ж ты, Лукулл, которому уже почти пятьдесят, совсем загнал двадцатидвухлетнего Публия Клодия.

Они переправились через Тигр – очень легко по сравнению с Евфратом, потому что он был нешироким и течение в нем было не такое быстрое. А потом, преодолев за два месяца более тысячи миль, армия Лукулла приблизилась к Тигранокерту.

Тридцать лет назад этой столицы Армении не существовало. Царь Тигран возвел ее в соответствии со своим представлением о славе и громадном государстве: великолепный город из камня, с высокими стенами, крепостями, башнями, площадями, дворами, висячими садами, изящной глазурованной черепицей ярко-голубого, едко-желтого и медно-красного цвета, с огромными статуями крылатых быков, львов, царей с курчавой бородой и тиарой на голове. Место было выбрано с учетом всех важнейших факторов, от обороны до внутренних источников воды и ближнего притока Тигра, уносившего с собой содержимое огромных сточных труб, которые Тигран построил в подражание Пергаму. Целые народы были ограблены, чтобы оплатить это строительство. Богатство бросалось в глаза даже на большом расстоянии, когда фимбрийцы поднялись на горный хребет и увидели Тигранокерт. Огромный город, высокий, красивый. Поскольку царь царей мечтал об эллинизированном царстве, он начал строить город в греческом стиле. Тем не менее годы его детства и молодости прошли под влиянием парфян, которое оказалось очень сильным. И когда строгая дорическая и ионическая простота надоела царю, он и добавил яркую глазурованную черепицу, крылатых быков, мощных каменных правителей. Затем, неудовлетворенный всеми этими низкими греческими зданиями, он соорудил висячие сады, квадратные каменные башни, пилоны и оставил еще множество свидетельств своего парфянского воспитания.

За двадцать пять лет никто не смел огорчить царя Тиграна. Никто не хотел, чтобы ему отрубили голову или руки. Так реагировал царь на плохие вести. Однако кто-то должен был известить его о том, что римская армия быстро приближается к городу с западных гор. Понятно, военное командование (возглавляемое сыном Тиграна, принцем Митрабарзаном) решило послать с этой ужасной новостью самого младшего офицера. Царь царей запаниковал, но сначала все же приказал повесить гонца. Потом он бежал, и так поспешно, что бросил царицу Клеопатру вместе с остальными женами, наложницами, детьми, казной и гарнизоном под командованием Митрабарзана. От берегов Гирканского моря до берегов Срединного моря раздался клич ко всем подданным Тиграна: прислать ему войска, прислать ему катафрактов, прислать ему бедуинов из пустынь, если нельзя будет найти других солдат! Тигран и подумать не мог, что Рим посмеет вторгнуться в Армению и постучать в ворота его новой столицы.

Пока его отец метался в горах между Тигранокертом и озером Тоспитис, Митрабарзан повел навстречу римлянам оставленный ему гарнизон вместе с несколькими соседними племенами бедуинов. Лукулл разбил их и приступил к осаде Тигранокерта, хотя его армия была слишком малочисленна, чтобы ее можно было растянуть на всю длину стен. Поэтому римский полководец сосредоточил свои силы на воротах и на неусыпных дозорах. Поскольку он тоже был бдителен, из города выпускали очень мало людей, а в город вообще никого не пускали. Не то чтобы Лукулл был уверен в том, что Тигран не сможет противостоять длительной осаде. Просто он рассчитывал на то, что длительной осады не захочет сам Тигранокерт. Первый шаг – побить Тиграна в бою. Это приведет ко второму шагу – сдаче Тигранокерта, жители которого

не любили, но очень боялись Тиграна. Он населил новую столицу, расположенную далеко от Северной Армении и от старой столицы Артаксаты, греками, привезенными против их воли из Сирии, Каппадокии, Восточной Киликии. Это была основная часть программы эллинизации, которую Тигран намеревался осуществить над своим народом, в основном мидянами. Греческая культура и язык – залог цивилизованности. Мидийская культура и язык – признак людей низшего сорта. И Тигран похищал греков.

Хотя два великих царя помирились, Митридат был слишком хитер, чтобы быть сейчас рядом с Тиграном. Вместо этого он расположился со своей армией в десять тысяч человек к северо-востоку от того места, куда убежал Тигран. Его мнение о Тигране как о военачальнике было не слишком высоким. С Митридатом находился его лучший полководец, его кузен Таксил. Когда они услышали о том, что Лукулл осадил Тигранокерт и что Тигран собирает огромные силы, чтобы снять осаду, Митридат послал своего кузена Таксила увидеться с царем царей.

«Не сражайся с римлянами!» – передавал Митридат.

Тигран был склонен прислушаться к этому совету даже после того, как ему удалось собрать сто двадцать тысяч пехоты от Сирии до Кавказа и двадцать пять тысяч страшной кавалерии – катафрактов, с головы до ног облаченных в броню. Он стоял приблизительно в двадцати пяти милях от своей столицы, в уютной долине, но ему надо было двигаться. Большая часть запасов осталась в зернохранилищах и на складах Тигранокерта. Поэтому Тиграну требовалось установить надежный контакт с городом, чтобы кормить свою огромную армию. И это, рассуждал он, нетрудно будет сделать, если действительно, как сообщали ему шпионы, римская армия не в состоянии окружить сплошным кольцом такой огромный город, как Тигранокерт.

Тигран не верил этим сообщениям, пока сам не поднялся на вершину высокого холма позади столицы и не увидел, какой мелкий гнус осмелился ужалить его.

«Слишком много для посольства и слишком мало для армии», – так он выразился и приказал атаковать.

Однако огромные восточные армии не представляли собой единого организма. Ни Сулла, ни Марий ни на минуту не польстились бы на такие армады – если бы им когда-либо предложили командовать подобными. Войско должно быть небольшим, гибким, маневренным. Таким, чтобы его легко можно было накормить, легко контролировать, легко перемещать. У Лукулла имелись два великолепных легиона, пусть даже с плохой репутацией. Он командовал солдатами, которые знали его тактику не хуже его самого. И еще имелись две тысячи семьсот очень ловких кавалеристов из Галатии, которые были с ним уже несколько лет.

Осада, конечно, не обошлась без потерь для римлян, главным образом из-за таинственного зороастрового огня, который имелся у царя Тиграна. Греки его называли нефтой. Его привезли из персидской крепости, расположенной где-то на юго-западе от Гирканского моря. Маленькие светящиеся капли влетали в осадные башни, и навесы для укрытия сразу занимались огнем. Горело ярко и яростно, и ничто не могло погасить огонь, пока все сооружение не падало, раскидывая во все стороны ослепительные искры, от которых загоралось все вокруг. Огонь калечил людей. Но что еще хуже, он повергал в ужас. Никто никогда прежде подобного не видел.

Таким образом, когда Тигран двинул свои мощные силы на это мелкое насекомое, он не понимал, как скверное настроение может эту мошку изменить. Каждый римлянин в маленькой армии Лукулла был уже сыт по горло однообразной едой, зороастровым огнем, отсутствием женщин, катафрактными на их огромных нисейских конях, внезапно нападающими на фуражирные отряды, Арменией вообще и Тигранокертом в частности. От самого Лукулла до последнего галата в его вспомогательной кавалерии все рвались в бой. И кричали до хрипоты от радости, когда разведчики сообщили, что царь Тигран наконец близко.

Обещая Марсу Непобедимому специальную жертву, Лукулл был готов к бою на рассвете, на шестой день октября. Сняв осаду, римский военачальник занял холм между приближающейся лавиной армян и городом и расставил свои войска. Хотя Лукулл не мог знать, что Митридат посылал Таксила предостеречь царя царей, он точно знал, как спровоцировать Тиграна на сражение: собрать свою маленькую армию в одном месте и сделать вид, что она пришла в ужас от гигантских размеров армянского войска. Поскольку все восточные цари убеждены в том, что сила армии в ее численности, Тигран обязательно нападет.

И Тигран атаковал. Эта атака закончилась полным разгромом. Никто из армян, включая Таксила, казалось, не понимал преимущества возвышенной местности. Когда огромная масса хлынула на холм, Лукуллу стало очевидно: никто в армянском командовании даже не подумал выработать тактику или стратегию. Чудовище выпустили на волю, больше ничего не надо.

Воспользовавшись благоприятным моментом, Лукулл обрушился с высоты своего холма, беспокоясь только о том, что горы трупов в конце концов окружают их непреодолимой стеной и помешают одержать полную победу. Он приказал своей галатийской кавалерии прорубить проходы в нагромождениях павших армян, и фимбрийцы расползлись во все стороны и вниз, как косари по пшеничному полю. Фронт армян распался, тесня тысячи сирийских и кавказских пехотинцев к рядам катафрактов, пока лошади и всадники не начали падать. В этой давке погибло куда больше армян, чем могли убить бесстрашные, но малочисленные фимбрийцы.

Как сообщил Лукулл в своем отчете сенату в Рим: «Свыше ста тысяч армян мертвы, павших римлян – пять тысяч».

Царь Тигран бежал во второй раз. Он настолько был уверен, что попадет в плен, что отдал свою тиару и диадему на хранение одному из сыновей, заклиная того, куда более молодого и легкого, скакать вперед быстрее. Но юноша передоверил тиару и диадему подозрительного вида рабу. В результате через два дня армянские символы власти оказались у Лукулла.

Греки, вынужденные жить в Тигранокерте, открыли городские ворота с огромной радостью и на плечах внесли Лукулла в город. Все перенесенные ими лишения ушли в прошлое. Фимбрийцы наконец утонули в нежных объятиях, на мягких постелях, они ели, пили, распутничали, грабили. Трофеи были потрясающие: восемь тысяч талантов золота и серебра, тридцать миллионов медимнов пшеницы, неслыханные сокровища и произведения искусства.

И полководец превратился в человека! Пораженный Публий Клодий увидел, как негигаемый, холодный, безжалостный солдат вновь стал тем Лукуллом, которого он знал в Риме. Он наслаждался изучением редких манускриптов и обществом прелестных детей, которых держал для своего удовольствия, особенно радуясь возможности лишить невинности девочку, едва достигшую половой зрелости. А эти девочки были мидянки, не гречанки! На рыночной площади была устроена церемония дележа добычи – по справедливости, присущей Лукуллу. Каждый из пятнадцати тысяч его солдат получил не менее тридцати тысяч сестерциев, хотя, конечно, их не выплатят, пока добычу не пересчитают на твердые римские деньги. Пшеницу оценили в двенадцать тысяч талантов. Практичный Лукулл продал все это парфянскому царю Фраату.

Публий Клодий не собирался прощать Лукуллу те месяцы, что он вынужден был тащиться пешком и жить в жутких условиях. Несмотря даже на то, что его собственная доля трофеев составила сто тысяч сестерциев. Где-то между Евсевией-Мазакой и переправой у Томисы Клодий добавил имя своего зятя в список тех, кто заплатит ему за оскорбления. Катилина. Мелкая рыбешка Цицерон. Фабия. И теперь еще Лукулл. Увидев золото и серебро, сложенные в хранилищах – он помогал пересчитывать добычу, – Клодий захотел понять, как Лукуллу удалось обмануть всех при дележе. Не менее тридцати тысяч каждому легионеру, каждому всаднику? Смешно! Счеты сообщали ему, что восемь тысяч талантов, разделенные на пятнадцать тысяч человек, дают всего по тринадцать тысяч сестерциев на каждого. Откуда

он возьмет еще семнадцать тысяч? От продажи пшеницы, лаконично ответил военачальник, когда Клодий обратился к нему за объяснением.

Однако это напрасное упражнение в арифметике подало Клодию идею. Если он вообразил, что Лукулл обманывает своих людей, что в таком случае подумают они, если кто-нибудь посеет среди них недовольство?

До падения Тигранокерта у Клодия не было шанса завести знакомства вне узкого круга неразговорчивых легатов и трибунов. Лукулл придерживался протокола и не одобрял дружбу между рядовыми солдатами и своим штабом. Но теперь, когда наступила зима и этот новый Лукулл был готов дать полную свободу всем, кто ему служил, контроль ослабел. Да, конечно, оставалась необходимость выполнять определенную работу. Лукулл приказал собрать всех актеров и танцовщиков и заставил их дать представление для его армии. Цирковое представление далеко от дома для людей, которые больше никогда этого дома не увидят. Развлечений была масса. И вина – тоже.

Вожаком фимбрийцев был *primus pilus* – центурион, который возглавлял старший из двух фимбрийских легионов. Звали его Марк Силий. Семнадцать лет назад, юнец, еще не начавший бриться, он вместе с остальными шел маршем на Восток, через Македонию, с Флакком и Фимбрией. Марк Силий тогда одобрил убийство Флакка в Византии. Он пришел в Азию, сражался против царя Митридата, потом его передали Сулле, когда Фимбрия покончил с собой, и он дрался на стороне Суллы, Мурены, а теперь – Лукулла. Вместе с другими он осаждал Митилену. К тому времени он уже был *pilus prior* – очень высокий ранг в сложной иерархии центурионов. Год тянулся за годом, сражение за сражением. Когда нынешние фимбрийцы покидали Италию, они все были еще подростками, потому что в то время Италия истощила свои резервы закаленных воинов. Теперь, в Тигранокерте, они все были немолодыми людьми, которые половину своей жизни прослужили в армии. Но бесконечные петиции, которые они подавали в сенат с просьбой дать им возможность с честью выйти в отставку, все время отклонялись. Марк Силий, их вожак, ожесточился. Ему было тридцать четыре года. Он просто хотел домой.

Клодию не трудно было добывать информацию. Легаты, даже такие угрюмые, как Секстилий, время от времени разговаривают. Обычно они говорили о Силии или о центурионе другого легиона, Луции Корнифиции, который, несмотря на имя, не был из влиятельной семьи.

Оказалось совсем нетрудно найти, где в Тигранокерте обосновался Силий. Он и Корнифиций обитали в малом дворце, принадлежавшем сыну Тиграна. Они там жили с восхитительными женщинами, и им прислуживало столько слуг, что хватило бы на целую когорту.

Публий Клодий, патриций знатного рода, явился к ним в гости и, как греки под Троей, принес дары. Конечно, не размером с деревянного коня! Небольшой мешочек грибов, которые дал ему Лукулл (он любил экспериментировать с такими вещами), и сосуд великолепного вина, такой большой, что потребовалось трое слуг, чтобы нести его.

Приняли его неохотно. Оба центуриона хорошо знали, кто такой Клодий, кем он приходился Лукуллу, как он вел себя на марше, в лагере у стен города и во время сражения. И личность Клодия не производила на них впечатления. Он был среднего роста, слишком заурядного телосложения, чтобы выделяться из толпы. Их восхитила его наглость – он явился словно хозяин. Не переставая болтать, Клодий удобно устроился на большой расшитой подушке между ложами, где оба легионера развлекались с подвернувшимися в данный момент женщинами, вынул свой мешок с грибами и принялся рассказывать им, что произойдет, когда они попробуют этот необычный продукт.

– Поразительная вещь! – разглагольствовал Клодий. – Попробуйте! Но жевать надо медленно, и не ждите, что нечто произойдет мгновенно. Надо подождать.

Силий не торопился воспользоваться приглашением. Он заметил, что и Клодий не подал примера и не стал жевать сморщенные кусочки – ни быстро, ни медленно.

– Чего ты хочешь? – резко спросил он.

– Поговорить, – ответил Клодий и впервые улыбнулся.

Это был всегда шок для тех, кто никогда не видел улыбающегося Публия Клодия. Улыбка преображала его вечно напряженное, недовольное лицо, делая таким обаятельным, что все вокруг тоже начинали улыбаться. И как только Клодий улыбнулся, тотчас расцвели улыбки на лицах Силия, Корнифиция и обеих женщин.

Но фимбрийца не так-то просто было провести. Клодий был враг – и намного серьезнее, чем любой армянин, сириец или кавказец. Поэтому после того, как улыбка исчезла с лица Клодия, Силий по-прежнему смотрел на него с недоверием.

Клодий ожидал именно такого развития событий. Это входило в его план. За те четыре года, что он слонялся по Риму, он обратил внимание на то, что простолюдины всегда с подозрением смотрят на знать. Они не могли понять, что высокородному римлянину нужно в их трущобах.

Клодий, никем не руководимый, отвергнутый своим классом, отчаянно желавший делать хоть что-то, поставил себе целью устранить эту преграду. Сознание одержанной победы согревало его. И еще он обнаружил, что ему нравится находиться в такой компании. Ему нравилось быть самым образованным и умным среди присутствующих. Это давало ему преимущество, которого он был лишен, находясь среди равных. Он ощущал себя гигантом. Всем своим видом он давал понять: вот знатный человек, которого действительно волнует судьба народа, вот аристократ, которому нравятся простые люди, их жизнь. Он знал, как втереться к ним в доверие и чувствовать себя среди них как дома. Он наслаждался новым способом лести.

Его методом была беседа. Никаких громких слов, никаких небрежных ссылок на греческих драматургов и поэтов, ни одного намека на то, что эта компания, или это вино, или его окружение ему не нравятся. И пока он говорил, он усердно угощал аудиторию вином, делая вид, что и сам много пьет, но внимательно следил за тем, чтобы оставаться самым трезвым. Он умел притвориться очень пьяным. Он валился под стол, падал со стула, выбегал из комнаты, делая вид, что его рвет. Первый раз, когда он попытался заговорить со своей намеченной жертвой, все держались довольно отчужденно. Но он пришел во второй раз, потом в третий, потом и в четвертый... Он ходил до тех пор, пока даже самый осторожный из компании не вынужден был признать: да, Публий Клодий действительно замечательный человек, свой парень, который просто имел несчастье родиться аристократом. После того как доверие было завоевано, Клодий почувствовал, что может манипулировать всеми как хочет – при условии, что никогда не выдаст своих тайных мыслей и чувств. Перед ним были неотесанные, необразованные солдафоны, отчаянно жаждущие похвалы вышестоящих. Только и ждущие, чтобы ими кто-то занялся.

Марк Силий и Луций Корнифиций ничем не отличались от прочих завсегдатаев римских таверн, даже если они и оставили Италию в семнадцать лет. Суровые, грубые, безжалостные – да. Но Публию Клодию эти двое центурионов казались податливыми, как глина в руках скульптора. Он был уверен в успехе. Это совсем легко...

Силий и Корнифиций признались себе, что Клодий им нравится, что он их забавляет. И Клодий делал вид, что дорожит их мнением. Он стал спрашивать, что они думают о том, об этом, всегда выбирая вещи, им известные, позволяя им чувствовать себя знатоками. Он притворялся, что восхищается ими – их энергией, их выносливостью в солдатской службе, такой важной для Рима. Наконец он стал им ровней, другом, милым юношей, светом в темноте. Он был *своим*, рассуждали центурионы, и, как *свой*, он сможет обратить внимание сената и комиций на наше ужасное положение. О, он молод, почти мальчик! Но мальчики вырастают, и, когда ему будет лет тридцать, он войдет в священные врата сената, он поднимется по *cursus honorum* так же беспрепятственно, как скатывается вода по полированному мрамору. В конце концов, он – из Клавдиев, он представитель семьи, которая много поколений существования Республики давала Риму консулов. Он – один из *них*. Но и – один из *нас*.

И только во время пятого визита Клодий затронул тему трофеев и дележа Лукуллом добычи.

– Несчастный скряга! – не очень внятно произнес Клодий.

– Э-э? – спросил Силий, наострив уши.

– Да мой уважаемый зять Лукулл. Всучил такому войску, как вы, парни, жалкие гроши. Тридцать тысяч сестерциев каждому, когда в Тигранокерте было восемь тысяч талантов!

– Он нас обделил? – поразился Корнифиций. – Он всегда говорил, что предпочитает делить трофеи сразу после сражения, а не после своего триумфа, чтобы казначейство не могло нас обмануть!

– Он хочет, чтобы вы так думали, – сказал Клодий, проливая вино из чаши. – Вы знаете арифметику?

– Арифметику?

– Ну, складывать, вычитать, умножать и делить числа.

– А-а, немного, – сказал Силий, не желая показаться неграмотным.

– Одно из преимуществ наличия собственного преподавателя, когда ты маленький, – тебя учат решать задачи, решать, решать. И тебя больно секут, если не можешь решить задачу! – пьяно хихикал Клодий. – Я вот сел и сделал несколько расчетов, например умножил таланты на добрые старые римские сестерции, потом разделил их на пятнадцать тысяч. И могу сказать тебе, Марк Силий, что люди в твоих двух легионах должны были получить в десять раз больше каждый! Этот *mentula* – мой зятек – вышел на ту рыночную площадь с видом щедрого начальника, а сам сунул кулак в задницу каждого фимбрийца! – Клодий с силой хлопнул кулаком по ладони левой руки. – Слышите? Это еще что по сравнению с кулаком Лукулла в ваших задницах!

Они поверили ему. Не только потому, что хотели верить, но и потому, что он говорил это очень убедительно. А потом стал быстро сыпать цифрами – перечислял случаи казнокрадства Лукулла с тех пор, как он шесть лет назад перебрался на Восток, еще до того, как фимбрийцы перешли под его командование. Как человек, который так много знал, мог ошибиться? Силий и Корнифиций верили каждому слову.

После этого было уже совсем легко. Пока фимбрийцы буйствовали всю зиму в Тигранокерте, Публий Клодий шептал в уши их центурионов, центурионы шептали в уши рядовым, а рядовые шептали в уши галатийским всадникам. Некоторые оставили своих женщин в Амисе, и, когда два киликийских легиона под командованием Сорнатия и Фабия Адриана пришли из Амиса в Зелу, женщины потянулись за ними, как всегда делают женщины солдат. Грамотных практически не было, и все же слух распространился от Тигранокерта до Понта: Лукулл систематически обманывает свою армию, лишая солдат справедливой доли трофеев! И никто из рядовых даже не подумал проверить расчеты Клодия. Они предпочитали верить в то, что их обманывают. В мыслях они уже получили в десять раз больше того, что обещал им Лукулл. Кроме того, ведь Клодий – такой умный! Он не может ошибиться ни в арифметике, ни в статистике. Все, что говорил Клодий, конечно, было правдой. Умный Клодий. Он знал секрет демагогии: говори людям то, что они больше всего хотят слышать, и никогда не говори им того, чего они слышать не хотят.

А тем временем Лукулл, помимо редких манускриптов и малолетних девочек, занимался делом. Он побывал в Сирии и отослал всех греков обратно домой. Южная империя Тиграна распадалась, и Лукулл хотел быть уверенным, что Рим наследует все. Ибо имелся еще третий восточный царь, который представлял угрозу Риму, – царь парфян Фраат. В свое время Сулла заключил с его отцом договор, согласно которому территория западнее Евфрата отходила к Риму, а восточнее Евфрата – к парфянам.

Когда Лукулл продал парфянам тридцать миллионов медимнов пшеницы, которую он нашел в Тигранокерте, он сделал это только для того, чтобы пшеница не досталась армянам. И когда баржа за баржей поплыли по Тигру к Месопотамии и Парфянскому царству, царь Фраат прислал письмо, в котором предлагал продлить договор на старых условиях: все, что лежит к западу от Евфрата, будет принадлежать Риму, а все, что восточнее Евфрата, – царю Фраату. Потом Лукулл узнал, что Фраат также договаривается с Тиграном, который обещает вернуть те семьдесят долин в северной части Мидии Атропатены в обмен на помощь парфян против Рима. Эти восточные цари – хитрые бестии, им нельзя верить. У них были свои, восточные ценности, а моральные ценности Запада для них – это песок.

И тут вдруг Лукулла осенила идея: можно получить такое богатство, о котором римлянин и не мечтал. Только подумать, что можно найти в Селевкии-на-Тигре, в Ктесифоне, в Вавилоне, в Сузах! Если два римских легиона и менее трех тысяч галатийских кавалеристов сумели ликвидировать огромную армянскую армию, то четыре римских легиона и галатийская конница могли бы покорить всю землю от Месопотамии до Эритрейского моря! Что нового могли противопоставить римлянам парфяне по сравнению с Тиграном? От катафрактов до зороастрова огня – армия Лукулла все преодолела. Все, что оставалось сделать, – это получить из Понта два киликийских легиона.

Лукулл быстро принял решение. Весной он вторгнется в Месопотамию и сокрушит парфян. Каким ударом это будет для сословия всадников и их сторонников в сенате! Луций Лициний Лукулл покажет им. Он покажет всему миру!

В Зелу полетело сообщение Сорнатию: немедленно привести киликийские легионы в Тигранокерт. «Мы идем в Вавилонию и Элимаиду. Мы завоюем бессмертие. Мы превратим весь Восток в провинцию Рима и сокрушим всех врагов Республики, до последнего».

Естественно, Публий Клодий услышал все об этих планах в том крыле главного дворца, где располагалась резиденция Лукулла. Именно в эти дни Лукулл стал лучше относиться к своему молодому шурина, потому что Клодий не лез ему на глаза и не пытался сеять раздор среди младших военных трибунов – привычка, появившаяся у того на марше из Понта в прошлом году.

– Я сделаю Рим богаче, чем он когда-либо был, – с радостью поделился планами Лукулл. Теперь он был не так суров. – Марк Красс все болтает о богатстве Египта, но по сравнению с богатством парфян Египет выглядит нищим. Царь Фраат взимает дань от Инда до Евфрата. Но после того как я покончу с Фраатом, вся эта дань потечет в сторону нашего дорогого Рима. Нам придется построить новое казначейство, чтобы ее вместить!

Клодий поспешил увидеться с Силием и Корнифицием.

– Что вы думаете об этой идее? – спокойно спросил Клодий.

Оба центуриона очень мало думали об этом, как стало ясно из слов Силия.

– Ты не знаешь равнин, – ответил тот Клодию, – а мы знаем. Мы побывали везде. Летняя кампания вдоль всего Тигра до Элимаиды? В такую жару и при такой влажности? Парфяне живут в этих условиях. А мы там умрем.

Голова Клодия была занята мыслями о трофеях, а не о климате. Но теперь его мысли потекли в другом направлении. Марш с Лукуллом? Риск получить смертельный солнечный удар? Это окажется похуже того, что он вынужден был выносить до сих пор!

– Ну хорошо, – быстро согласился Клодий. – В таком случае надо сделать так, чтобы кампания не состоялась.

– Киликийские легионы! – тут же сообразил Силий. – Без них мы не сможем идти в ту страну, ровную, как доска. Лукулл знает это. Необходимо четыре легиона, чтобы сформировать отличный квадрат для обороны.

– Он уже послал за Сорнатием, – хмурясь, сказал Клодий.

– Его курьер полетит как ветер, но Сорнатию понадобится почти месяц, чтобы подготовить войско к маршу, – уверенно сказал Корнифиций. – Сам он сейчас в Зеле, а Фабий Адриан ушел в Пергам.

– Откуда ты это знаешь? – удивился Клодий.

– У нас свои источники, – ухмыльнулся Силий. – Нам нужно послать в Зелу кого-нибудь из своих.

– Для чего?

– Сказать киликийцам, чтобы они оставались там, где находятся сейчас. Как только они услышат, куда должна двинуться армия, они с места не тронутся. Будь там Лукулл, он убедил бы их, но у Сорнатия нет ни силы, ни ума, чтобы справиться с мятежом.

Клодий делано пришел в ужас.

– Мятежом? – взвизгнул он.

– Ну, не настоящим мятежом, – успокоил его Силий. – Те парни будут счастливы сражаться за Рим – только не в Понте. Поэтому настоящим мятежом это назвать нельзя.

– Правильно, – сказал Клодий, якобы успокоившись. – Кого вы можете послать в Зелу?

– Моего денщика, – отозвался Корнифиций, поднимаясь. – Нельзя терять времени. Я сейчас же его отправлю.

И Клодий с Силием остались одни.

– Ты оказал нам большую помощь, – поблагодарил Силий. – Мы рады, что познакомились с тобой, Публий Клодий.

– Не больше, чем я рад знакомству с тобой, Марк Силий.

– Когда-то я хорошо знал другого молодого патриция, – проговорил Силий, задумчиво вертя в руках позолоченный кубок.

– Да? – заинтересовался Клодий. Никто не знает, куда могут завести подобные разговоры, что может стать зерном для его мельницы. – Кто он был? Когда это случилось?

– В Митилене, лет одиннадцать-двенадцать назад. – Силий сплюнул на мраморный пол. – Еще одна кампания Лукулла! Кажется, мы никогда от него не избавимся. Нас собрали в одну когарту. Лукулл решил, что мы очень опасны и на нас нельзя положиться. В те дни мы все еще много думали о Фимбрии. Поэтому Лукулл решил поставить нас впереди всех, под стрелы врага. И этого смазливой мальчишку, молодого аристократа, он дал нам в командиры. Думаю, ему было тогда лет двадцать. Гай Юлий Цезарь.

– Цезарь? – Клодий вдруг весь напрягся. – Я знаю его... ну, во всяком случае, слышал о нем. Лукулл его ненавидит.

– Тогда он тоже его ненавидел. Поэтому он и его подставил под стрелы вместе с нами. Но получилось не так, как рассчитывал Лукулл. Цезарь воспринял это спокойно. Он был как лед. А сражался! Юпитер, он умел драться! Он всегда думал, потому и делал все хорошо. В том бою он спас мне жизнь. И не только мне. Но меня он спас буквально. До сих пор не пойму, как ему это удалось. Я уже видел себя на погребальном костре, Публий Клодий.

– Он был награжден гражданским венком, – сказал Клодий. – Поэтому я и помню его так хорошо. Не так уж много адвокатов появляются на суде с венком из дубовых листьев на голове. Он племянник Суллы.

– И племянник Гая Мария, – сказал Силий. – Он сказал нам об этом перед боем.

– Правильно. Одна из его теток вышла замуж за Мария, а другая – за Суллу. Он и мой дальний родственник, Марк Силий, – добавил довольный Клодий. – Этим все объясняется.

– Что объясняется?

– Его храбрость. И тот факт, что он тебе понравился.

– Да, он мне понравился. Жаль, что он вернулся в Рим с азиатскими солдатами.

– А бедные фимбрийцы, как всегда, должны были остаться, – тихо произнес Клодий. – Не вешайте носа! Я пишу всем, кого знаю в Риме, чтобы аннулировать тот сенаторский указ!

– Ты – Друг Солдат, Публий Клодий, – молвил Силий со слезами на глазах. – Мы этого никогда не забудем.

Клодий выглядел взволнованным.

– Друг Солдат? Вы так называете меня?

– Мы так называем тебя.

– Я этого тоже не забуду, Марк Силий.

В середине марта из Понта прибыл обмороженный, измученный гонец. Он сообщил Лукуллу, что киликийские легионы отказались покинуть Зелу. Сорнатий и Фабий Адриан предприняли все возможное, но киликийцы не шевельнулись даже после того, как наместник Долабелла прислал строгое предупреждение. И это – не единственная плохая весть из Зелы. Почему-то, писал Сорнатий, войска двух киликийских легионов считают, что Лукулл обманывал их при дележе добычи с тех пор, как он вернулся на Восток шесть лет назад. Несомненно, бунт был вызван перспективой длительного марша по жаре, но и миф о том, что Лукулл – обманщик и лжец, тоже помог.

Окно, возле которого сидел Лукулл, выходило на ту сторону города, за которой далеко простиралась Месопотамия. Лукулл задумчиво смотрел на невысокие горы, видневшиеся на горизонте, и пытался справиться с разочарованием. А мечта казалась такой реальной, почти осязаемой. Дураки, идиоты! Он, из рода Лициниев Лукуллов, крадет ничтожные суммы у своих подчиненных? Он, Лициний Лукулл, и опустился до уровня хапуг-публиканов? Кто это сделал? Кто распространил такой слух? И почему они не могут сами убедиться в том, что это неправда? Несколько простых расчетов – вот все, больше ничего не требуется.

Его мечта завоевать Парфянское царство лопнула. Взять с собой меньше четырех легионов в совершенно гладкую равнинную страну было бы самоубийством. А Лукулл отнюдь не был самоубийцей. Вдохнув, он встал и отправился искать Секстилия и Фанния, старших легатов, которые находились с ним в Тигранокерте.

– И что ты будешь делать? – спросил ошеломленный Секстилий.

– Сделаю то, что в моей власти, с теми силами, которые у меня есть, – сказал Лукулл, с каждой секундой становясь жестче. – Пойду на север вслед за Тиграном и Митридатом. Я заставлю их отступать, загоню их в Артаксату и раскрошу на мелкие куски.

– Год только начался. Слишком холодно, чтобы идти на север, – заметил Луций Фанний с беспокойством. – Мы не сможем выйти раньше секстилия. В этом случае у нас остается всего четыре месяца. Говорят, что вся страна расположена на уровне не ниже пяти тысяч футов над морем, а урожай собирают только летом. К тому же вряд ли мы сможем разжиться там продовольствием: похоже, тамошняя земля – сплошные камни. Но ты, конечно, пойдешь западнее озера Тоспитис.

– Нет, я пойду восточнее озера, – ответил Лукулл. Эпикурец снова скрылся за ледяной кирасой военачальника. – Если у нас остается всего четыре месяца, мы не можем позволить себе сделать крюк в двести миль только потому, что идти будет чуть легче.

Его легаты были огорчены, но никто не спорил. Давно привыкшие к такому выражению лица Лукулла, они не надеялись, что какие-либо аргументы смогут его переубедить.

– Фимбрийцев оставьте здесь валять дурака, – с презрением добавил Лукулл. – Эта новость им понравится!

В начале секстилия армия Лукулла наконец оставила Тигранокерт, но вовсе не для перехода на юг по жаре. Это новое направление (как Клодий узнал от Силия и Корнифиция) не слишком понравилось солдатам, они предпочли бы слоняться по Тигранокерту, делая вид, что несут гарнизонную службу. Но по крайней мере, хоть погода будет сносной. Что касается гор – ни одна гора во всей Азии не страшна фимбрийцу! Они успели взобраться на каждую из них,

похвастался Силий. Кроме того, четыре месяца означали приятную короткую кампанию. К зиме они вернутся в уютный Тигранокерт.

Сам Лукулл вел войско в глубоком молчании, потому что во время поездки в Антиохию узнал, что больше не является наместником Киликии. Провинцию отдали Квинту Марцию Рексу, старшему консулу нынешнего года, и Рекс хотел поскорее уехать на Восток на все время своего консульства. Лукулл рассвирепел, узнав, что консула будут сопровождать три легиона! А он, Лукулл, не мог получить от Рима даже один легион, когда от этого зависела его жизнь!

– Что касается меня, то я доволен, – хвастливо заметил командующему Клодий. – Ведь Рекс – тоже мой зять, не забывай. Я, как кот, всякий раз приземляюсь на все четыре лапы! Если я тебе не нужен, Лукулл, то я поеду к Рексу в Тарс.

– Не торопись! – огрызнулся Лукулл. – Я еще не сообщил тебе, что Рекс не сможет отправиться на Восток, как он планировал. Младший консул умер, а потом умер и консул-суффект. Рекс прочно приклеен к Риму до конца своего консульского срока.

– О-о! – протянул Клодий и ушел.

Поскольку марш начался, Клодий уже не мог незаметно общаться с Силием и Корнифицием. Во время этой начальной стадии он вел себя среди военных трибунов тихо, ничего не говорил, ничего плохого не делал. У него было чувство, что со временем у него появится шанс. Интуиция подсказывала ему, что удача покинула Лукулла. И не он один так думал. Трибуны и даже легаты стали перешептываться о том, что Фортуна больше не на стороне командующего.

Его советники предлагали идти вверх по реке Канирит – притоку Тигра, протекавшему близ Тигранокерта и спускавшемуся с горного массива к юго-востоку от озера Тоспитис. Но все его советники были арабы с низин. Как ни искал Лукулл, он не нашел в Тигранокерте никого, кто был бы из того района, что лежал к юго-востоку от озера. А это обстоятельство должно было бы кое-что сообщить ему о той стране, в которую он шел. Но не сообщило. Потому что душа Лукулла так болела из-за потери киликийских легионов, что он не мог оставаться беспристрастным. Однако он сохранил достаточную ясность ума и послал вперед несколько своих галатийских конников. Они возвратились через неделю и поведали, что приток Канирит короткий и они вскоре уперлись в горную стену, которую не сможет одолеть ни одна армия, даже пешая.

– Мы видели кочевника-пастуха, – сказал начальник дозора, – и он посоветовал идти южнее, к реке Лик, другому притоку Тигра. Этот приток длинный, он рассекает ту горную стену. Пастух считает, что в верховьях он тише и мы сможем переправиться на равнину вокруг озера Тоспитис. А оттуда, говорит он, путь будет легче.

Лукулл был очень недоволен задержкой. Когда он попросил привести к нему пастуха, чтобы тот был их проводником, галаты сказали, что, к сожалению, негодяй исчез со своими овцами и его нигде не найти.

– Очень хорошо. Мы пойдем к Лику, – распорядился полководец.

– Мы уже потеряли восемнадцать дней, – робко проговорил Секстилий.

– Я это знаю.

Итак, дойдя до Лика, фимбрийцы и кавалерия двинулись по его течению, взбираясь все выше и выше, а потом спускаясь в низины. Никто из них не был с Помпеем, когда тот прокладывал новый путь через Западные Альпы. Если бы хоть один из них побывал там, он мог бы сказать остальным, что дорога Помпея – детская забава по сравнению с этой. Армия карабкалась в горы, пробираясь между большими валунами, которые выбросила река, – теперь она превратилась в ревущий поток, который невозможно было перейти. Она становилась уже, глубже, непокорнее.

Они обогнули очередную излучину и оказались на покрытом травой уступе горы. Травы было достаточно, чтобы как-то поддержать силы отощавших и голодных лошадей. Но вообще-то, радоваться было нечему! Дальний конец уступа, который явно был водоразделом, выглядел

жутковато. Лукулл не позволил солдатам задержаться здесь дольше трех дней. Они находились в пути уже больше месяца, но фактически отошли от Тигранокерта на север совсем недалеко.

Когда они спустились в эту пугающую дику местность, справа от них возникла гигантская гора высотой в шестнадцать тысяч футов. Легионеры сумели подняться на высоту в десять тысяч футов, задыхаясь от тяжести груза, который несли за плечами. Многие удивлялись, почему у них болит голова и почему им так трудно дышать. Люди могли идти только вдоль нового небольшого потока, с обеих сторон которого вздымались стены, такие отвесные, что даже снег на них не задерживался. Иногда целый день уходил на преодоление одной мили. Солдаты карабкались через скалы, держась берега бурлящей реки и стараясь не упасть в нее, не разбиться, не превратиться в месиво.

Никто не замечал здешней красоты: слишком трудно было идти. Казалось, легче уже никогда не будет, а дни тянулись за днями, и бурлящий поток не утихал, становясь глубже и шире. Ночью люди коченели от холода, хотя лето было в самом разгаре, а днем до них не доходили лучи солнца – такими огромными были окружающие их горные стены. Ничего не могло быть хуже, ничего.

Так думали они, пока не увидели снег, запятнанный кровью. Это случилось, когда ущелье, по которому они тащились, начало постепенно расширяться и лошадям удалось немного пощипать травы. Теперь менее отвесные, но почти такие же высокие горы сохраняли снег на склонах. И этот снег был похож на тот, что остается на поле боя после полного разгрома врага, – буро-розовый от крови.

Клодий кинулся к Корнифицию, чей легион следовал за старшим легионом под командованием Силия.

- Что это значит? – в ужасе воскликнул Клодий.
- Это значит, что нас ожидает смерть, – ответил Корнифиций.
- Раньше вы такого никогда не видели?
- Как мы могли видеть такое раньше, если мы это видим здесь как знак для всех нас?
- Мы должны повернуть назад, – дрожа, сказал Клодий.
- Слишком поздно, – возразил Корнифиций.

И они продолжали идти. Теперь стало немного легче, потому что река сумела раздвинуть берега и высота гор уменьшалась. Но Лукулл объявил, что они слишком уклонились на восток. Поэтому армия, все еще не в силах отвести взгляда от кровавого снега, опять стала карабкаться вверх. Нигде не было видно признаков жизни, хотя всем было приказано захватить какого-нибудь кочевника, любого, кто попадется на глаза. Но как человек может жить в таком месте, если у него перед глазами постоянно окровавленный снег?

Дважды они поднимались на высоту в десять и даже одиннадцать тысяч футов и дважды скатывались вниз. Но во второй раз было уже не так страшно, потому что кровавый снег исчез и вокруг расстилалась обычная красивая белая пелена. После второго подъема они увидели вдалеке голубое озеро Тоспитис, мирно дремавшее на солнце.

Уставшая, обессиленная, армия спустилась, казалось, на поля Элизия, в обитель блаженных в царстве мертвых, хотя высота еще оставалась в пять тысяч футов. Но там ничего не росло, ибо никто не жил на этой земле, чтобы возделывать ее. Почва оставалась замерзшей до самого лета и снова застывала при первом же дыхании осеннего ветра. Деревьев не было, но трава росла. Люди тощали, а лошади определенно полнели. Для людей оставалась дикая спаржа – она снова появилась на склонах.

Лукулл упорно продолжал путь, понимая, что за два месяца ему удалось пройти не более шестидесяти миль на север от Тигранокерта. Все же самое худшее было позади. Теперь можно было двигаться быстрее. Обойдя озеро, Лукулл увидел небольшое селение, жители которого выращивали зерно. Он забрал у них все, до единого колоска. Еще несколько миль – и он нашел еще зерна и его тоже забрал. Кроме того, Лукулл хватал каждую овцу, которая попадалась на

пути его армии. К этому времени людям уже было не так трудно дышать. И не потому, что воздух не был разреженным, а потому, что все уже привыкли к высоте.

Река, стекавшая с северных снежных вершин в озеро, была довольно широкой и спокойной. Она текла в том же направлении, куда держал путь и Лукулл. Жители деревни, говорящие на искаженном мидийском, передали ему через мидийца-переводчика, что между римлянином и долиной реки Аракс остался только один горный хребет. «Трудные горы?» – спросил он. «Не такие трудные, как те, с которых сошла столь странная армия», – был ответ.

Когда фимбрийцы оставили долину и стали опять подниматься в горы, на них напали катафракты. Поскольку фимбрийцам нравилась хорошая драка, они сами, без помощи галатов, спустили с горы этих огромных всадников и лошадей в кольчугах. После этого галаты справились со вторым отрядом катафракт. И стали ждать следующих.

Но больше катафракт не было. Через день марша римляне поняли почему. Земля была совсем плоской, но, на сколько хватал глаз в любом направлении, она сама представляла собой новое препятствие – нечто до того таинственное и жуткое, что они гадали, каких богов оскорбили, чтобы те послали им столь ужасное наказание. И опять появились кровавые пятна – на этот раз уже не на снегу, а размазанные по всей почве.

Перед ними торчали скалы. Скалы с острыми как бритва краями, высотой от десяти до пятидесяти футов. Они безжалостно нагромождались друг на друга, сталкивались, нависали всюду, без всякой причины, логики или порядка.

Силий и Корнифиций захотели поговорить с военачальником.

– Мы не можем перейти через эти скалы, – спокойно сказал Силий.

– Эта армия может перейти через что угодно, и она уже доказала это, – ответил Лукулл, очень недовольный их протестом.

– Нет дороги, – продолжал Силий.

– Тогда мы проложим ее, – упорствовал Лукулл.

– Только не через эти скалы. Мы не будем этого делать, – сказал Корнифиций. – Я говорю это, потому что мои люди уже пытались. Из чего бы эти скалы ни состояли, они тверже, чем наши *dolabrae*.

– Тогда мы просто перевалим через них, – резко сказал Лукулл.

Он не сдавался. Истекал третий месяц похода. Он должен достичь Артаксаты. Поэтому его маленькая армия шагала дальше. Она подошла к лавовому полю, когда-то в далеком прошлом изрезанному внутренним морем. И задрожала от страха, потому что все скалы были покрыты кроваво-красным лишайником. Идти было трудно. Казалось, муравьи тащатся через поле, покрытое осколками. А скалы резали, оставляли ссадины, синяки, скалы жестоко наказывали людей. Вокруг не было ни единой тропинки. Со всех сторон на горизонте виднелись снежные горы, иногда ближе, иногда дальше, но постоянно в поле зрения, не обещая людям передышки.

Когда римляне отошли немного на север от озера Тоспитис, Клодий решил, что ему наплевать, что скажет или сделает Лукулл. Он пойдет с Силием. И когда (узнав от Секстилия, что Клодий покинул штаб и присоединился к центуриону) военачальник велел ему вернуться в первые ряды отряда, Клодий отказался.

– Передай моему зятю, – сказал он трибуну, посланному за ним, – что мне нравится там, где я нахожусь сейчас. Если он хочет, чтобы я топал впереди, ему придется заковать меня в кандалы.

Ответ этот Лукулл предпочел проигнорировать. По правде говоря, штаб полководца был очень рад отделаться от этого вечно недовольного смутьяна Клодия. Еще никто не догадывался об участии Клодия в бунте киликийских легионов. И поскольку фимбрийцы ограничились официальным протестом, объявленным их центурионами, никто не подозревал и о назревающим мятеже фимбрийцев.

Вероятно, мятежа и не было бы, если бы не гора Арарат. Пятьдесят миль через поля лавы армия преодолела с трудом, затем снова вышла на траву. О счастье! Но с востока на запад их путь пересекала гора, подобной которой никто никогда не видел. Восемнадцать тысяч футов твердого снега. Самая красивая и ужасающая гора в мире, со второй вершиной на западе, пониже, но не менее страшной.

Фимбрийцы сложили щиты, пики, осмотрелись. И заплакали.

На этот раз депутацию к полководцу возглавил Клодий.

– Мы наотрез отказываемся идти дальше. Мы не сделаем больше ни шагу, – объявил он бесстрашно.

Силий и Корнифиций, стоя позади него, согласно кивали.

Как только Лукулл увидел входящего в палатку Богитара, он понял, что потерпел поражение. Богитар возглавлял галатийскую конницу. Это был человек, в чьей преданности полководец не сомневался.

– Ты думаешь так же, Богитар? – спросил Лукулл.

– Да, Луций Лициний. Мои лошади не в силах перейти такую гору после скал. Их ноги изрезаны до сухожилий. Они снашивают подковы быстрее, чем мои кузнецы могут сделать новые, и у меня кончается сталь. Не говоря уже о том, что с тех пор, как мы покинули Тигранокерт, наш запас угля не пополнялся, так что у меня и угля не осталось. Мы пошли бы за тобой до Гадеса, Луций Лициний, но на ту гору мы не пойдем, – ответил Богитар.

– Благодарю тебя, Богитар, – сказал Лукулл. – Можешь идти. И вы, фимбрийцы, тоже можете идти. Я хочу поговорить с Публием Клодием.

– Значит ли это, что мы возвращаемся? – подозрительно спросил Силий.

– Не возвращаемся, Марк Силий, если ты не хочешь повторить путь через скалы. Мы повернем на запад к реке Арсаний и найдем зерно.

Богитар уже удалился. Два центуриона последовали за ним, оставив Лукулла наедине с Клодием.

– Насколько ты замешан во всем этом? – спросил Лукулл.

Ясноглазый и веселый, Клодий презрительно смерил полководца взглядом. Какой у него усталый вид! Теперь нетрудно поверить, что ему пятьдесят. И из взгляда что-то исчезло, тот холод, который помогал ему пройти через любые испытания. Клодий увидел налет усталости, а за ним – и сознание поражения.

– Какое отношение имею я ко всему этому? – переспросил Клодий и засмеялся. – Самое прямое, дорогой мой Лукулл! Неужели ты действительно думаешь, что те парни настолько дальновидны или до такой степени наглы? Это все я, и никто другой.

– Киликийские легионы, – медленно проговорил Лукулл.

– И они тоже. Моя работа, – похвастался Клодий, перекатываясь с пяток на носки. – Полагаю, после этого ты не захочешь меня видеть, поэтому я уеду. К тому времени, как я попаду в Тарс, мой зять Рекс должен уже находиться там.

– Ты никуда не поедешь. Ты вернешься к своим фимбрийцам, – сказал Лукулл и мрачно улыбнулся. – Я твой командир с проконсульским империем. Я послан Римом воевать с Митридатом и Тиграном. Я не отпускаю тебя, а без моего разрешения ты не можешь уехать. Ты останешься со мной до тех пор, пока меня не начнет рвать от одного взгляда на тебя.

Это был совершенно не тот ответ, которого ожидал Клодий. Он с яростью посмотрел на Лукулла и бросился вон.

Даже повернув на запад, они не избежали снега и холодных ветров, ибо сезон кампаний закончился. Все отпущенное ему время Лукулл потратил на то, чтобы добраться до Арарата, удалившись от Тигранокерта не далее двухсот миль, если смотреть по прямой. Когда он дошел до реки Арсаний, самого большого из северных притоков Евфрата, то обнаружил, что

урожай уже собран, а немногочисленное местное население попряталось в своих пещерных жилищах, высеченных в туфовых скалах, забрав все имевшееся продовольствие. Хоть Лукулл и был побежден собственным войском, он очень хорошо знал, что такое превратности судьбы. Он не собирался останавливаться здесь, где Митридат и Тигран запросто могли отыскать его после наступления весны.

Он направился в Тигранокерт, где оставались запасы и друзья. Но если фимбрийцы надеялись провести зиму там, то скоро они разочаровались. Город был спокоен. Казалось, его вполне удовлетворял человек, которого Лукулл оставил вместо себя, – Луций Фанний. Забрав зерно и другие продукты, Лукулл двинулся на юг, чтобы осадить город Нисибис, расположенный на реке Мигдоний, на более сухой, ровной местности.

Нисибис пал в ноябрьскую темную и дождливую ночь. Трофеи оказались огромными. Можно было наконец-то хорошо пожить. Ликующие фимбрийцы поселились вместе с Клодием как со своим талисманом удачи, чтобы провести замечательную зиму без этого страшного кровавого снега на вершинах гор. Но не прошло и месяца, как появился Луций Фанний и объявил, что Тигранокерт опять в руках царя Тиграна. В знак благодарности за то, что Клодий принес им удачу, фимбрийцы украсили его плющом и пронесли на плечах по рыночной площади Нисибиса. Здесь они находились в безопасности, избежав осады Тигранокерта.

В апреле, когда зима уже кончалась и Лукулла утешала мысль о предстоящей новой кампании против Тиграна, он вдруг узнал, что у него отобрали все, оставив лишь титул командующего в войне против двух царей. Всадники использовали плебейское собрание, чтобы отнять у него последние две провинции – Вифинию и Понт, а потом и его четыре легиона. Фимбрийцам наконец позволили вернуться домой, а киликийские войска надлежало передать Манию Ацилию Глабриону, новому наместнику Вифинии-Понта. Командующий в войне против двух царей не имел войска для продолжения этой войны. У него остался лишь его империй.

И Лукулл решил не сообщать фимбрийцам об их полной реабилитации и о разрешении вернуться домой. Не будут знать – не будут волноваться. Но конечно, фимбрийцы узнали о демобилизации. Клодий перехватил официальную почту и прочитал письма еще до Лукулла. Почти сразу же пришли письма и из Понта, информирующие о нападении царя Митридата. Ну что ж, в конце концов Глабрион не получит киликийских легионов. Они были уничтожены в Зеле.

Когда Лукулл приказал войскам выступать по направлению к Понту, Клодий пришел к Лукуллу.

– Армия отказывается покидать Нисибис, – объявил он.

– Армия пойдет к Понту, Публий Клодий, чтобы спасти своих соотечественников, которые еще живы, – отрезал Лукулл.

– Но ты больше не командуешь этой армией! – радостно воскликнул сияющий Клодий. – Фимбрийцы закончили военную службу, они могут возвратиться домой, как только ты выдашь им демобилизационные документы. И ты это сделаешь здесь, в Нисибисе. Так ты не сумеешь обмануть их при дележе трофеев.

В этот момент Лукулл понял все. Он тяжело задышал, зубы его обнажились в оскале. Он двинулся на Клодия, в глазах командующего горела ненависть, способная убить. Клодий метнулся к столу и загородился им, стараясь держаться поближе к двери.

– Не тронь меня! – взвизгнул он. – Дотронешься – и они разорвут тебя на части!

Лукулл остановился.

– Неужели они так тебя любят? – спросил он, не в силах поверить в то, что такие грубые невежды, как Силий и остальные фимбрийские центурионы, могли оказаться настолько доверчивыми.

– Они умрут за меня. Я – Друг Солдат.

– Ты – проститутка, Клодий! Ты готов продаться самому опустившемуся человеку на свете, если это будет означать, что тебя полюбят, – выговорил Лукулл с презрением.

Почему именно в этот момент, в момент дикой ярости, пришло ему в голову то, что он сказал, Клодий впоследствии понять не мог. Но мысль эта возникла у него в голове, и он весело, злорадно выпалил:

– Я – проститутка? Не больше, чем твоя жена, Лукулл! Моя дорогая сестренка Клодилла, которую я люблю так же сильно, как ненавижу тебя! Но она – проститутка, Лукулл. Наверное, поэтому я так сильно люблю ее. Думаешь, ты был у нее первым, когда в пятнадцать лет она вышла за тебя замуж? Лукулл-педераст, растлитель малолетних девочек и мальчиков! Думал, ты был первым у Клодиллы? Нет, не был! – кричал Клодий с пеной у рта.

Лукулл посерел.

– Что ты хочешь сказать? – прошептал он.

– Я хочу сказать, что первым у нее был я! Я, а не ты, знатный и могущественный Луций Лициний Лукулл! Я был у нее первый, и задолго до тебя! И у меня Клодилла была первая. Мы любили спать вместе. Но мы не только спали. Мы много играли, Лукулл, и наша игра становилась серьезнее по мере того, как вырослел я. Я имел обеих сестер, и имел их сотни раз. Я погружал в них свои пальцы и играл с чем-то, что там у них внутри. Я сосал их, хватал зубами. Я проделывал с ними такое, чего ты и вообразить не можешь! И знаешь что? Клодилла считает тебя никудышной заменой своего маленького братца!

Стоявший около стола стул разделял Клодия и мужа Клодиллы. Из Лукулла, казалось, уходила жизнь. Он рухнул на стул. Он задышался.

– Я отпускаю тебя, Друг Солдат, потому что пришло время, когда от твоего вида меня вот-вот вырвет. Будь ты проклят! Уезжай к Рексу в Киликию!

После слезного прощания с Силием и Корнифицием Клодий уехал. Конечно, фимбрийские центурионы нагрузили своего друга подарками. Некоторые из них были очень дорогими, но все полезными. Он отправлялся в путь на красивой низкорослой лошадке. Его слуги тоже ехали на лошадях. За ними следовали несколько десятков мулов, нагруженных трофеями. Считая предстоящий путь вполне безопасным, Клодий отклонил предложение Силия взять эскорт.

Все шло хорошо, пока Клодий не перешел Евфрат у Зевгмы, направляясь в Киликию Педию и далее в Тарс. Между ним и ровными, плодородными речными равнинами Киликии Педии лежали Аманские горы – небольшой горный хребет, пустынный по сравнению с массивами, которые недавно преодолевал Клодий. О, эти горы вызывали у него лишь презрение, пока банда арабских разбойников не подстерегла его в сухом узком ущелье и не забрала у него все подарки, мешки с деньгами и красивых лошадок. Клодий закончил свое путешествие один, верхом на муле. Но арабы (которым он показался ужасно забавным) дали ему достаточно монет, чтобы добраться до Тарса.

И в Тарсе он узнал, что его зять еще не прибыл! Клодий занял несколько комнат в наместническом дворце и прежде всего пересмотрел свой список тех, кого он ненавидел: Катилина, Цицерон, Фабия, Лукулл – и теперь арабы. Арабы тоже заплатят.

В конце квинтилия Квинт Марций Рекс и его три новых легиона явились в Тарс. Зять Клодия ехал с Глабрионом до Геллеспонта, затем он решил идти через Анатолию, а не плыть вдоль берега, кишящего пиратами. Рекс рассказал Клодию, что в Ликаонии он получил письмо от Лукулла с просьбой о помощи. После отъезда Клодия Лукуллу удалось убедить фимбрийцев идти к Понту. В Талавре Лукулл был атакован Митридатом, зятем Тиграна, и узнал, что оба царя быстро приближаются к нему.

– Поверишь ли, у него хватило смелости послать ко мне за помощью! – воскликнул Рекс.

– Он – твой свояк, – насмешливо заметил Клодий.

– Он – *persona non grata* в Риме, так что, естественно, я отказал. Он, думаю, послал еще к Глабриону, но наверняка и там ему отказали. Последнее, что я слышал: он отступил с намерением вернуться в Нисибис.

– Туда он не дошел, – сообщил Клодий, лучше информированный о финале марша Лукулла, нежели о событиях в Талавре. – Когда он добрался до переправы у Самосаты, фимбрийцы внезапно остановились. Последнее, что мы слышали в Тарсе: он сейчас направляется в Каппадокию, а оттуда хочет попасть в Пергам.

Конечно, Клодий узнал, прочитав, по обыкновению, почту Лукулла, что Помпей Великий получил неограниченный империй, дабы очистить от пиратов Срединное море, поэтому он не стал больше ничего говорить о Лукулле и перешел к Помпею.

– И что ты должен сделать, чтобы помочь противному Помпею Магну избавить море от морских разбойников? – спросил Клодий.

Квинт Марций Рекс фыркнул:

– Кажется, ничего. В киликийских водах командует брат нашего общего зятя Целера, твой кузен Непот, едва достигший сенаторского возраста. Я должен управлять моей провинцией и держаться в стороне.

– Скажите пожалуйста! – ахнул Клодий, предчувствуя неприятности.

– Вот именно, – высокомерно согласился Рекс.

– Я не видел Непота в Тарсе.

– Увидишь. Со временем. Флоты для него готовы. Кажется, Киликия – конечный пункт кампании Помпея.

– Тогда я думаю, – сказал Клодий, – что мы должны немного поработать в водах Киликии, прежде чем Непот попадет туда. Согласен?

– Каким образом? – осведомился муж Клавдии, знавший Клодия, но все еще остававшийся в неведении относительно его способности приносить несчастья. Недостатки, которые Рекс замечал в Клодии, он считал просто юношеской глупостью.

– Я мог бы вывести небольшой флот и выступить против пиратов от твоего имени, – сказал Клодий.

– Ну...

– Ой, да не тяни ты!

– Я не вижу в этом ничего плохого, – нерешительно проговорил Рекс.

– Пожалуйста, позволь мне!

– Ну хорошо. Но не трогай никого, кроме пиратов!

– Не буду. Обещаю, не буду, – сказал Клодий, уже предвкушая пиратские богатства, которыми он восполнит то, что потерял из-за тех противных разбойников в Аманских горах.

Через восемь дней Клодий отправился в плавание во главе флотилии из десяти палубных бирем с хорошими командами. Ни Рекс, ни Клодий не подумали, что Метеллу Непоту они понадобятся, когда тот вернется в Тарс.

Клодий не учел того факта, что метла Помпея мела очень энергично и воды у берегов Кипра и Киликии Трахеи (самый западный край этой провинции, где множество пиратов имели свои базы) кишели бегущими разбойничьими флотами значительно большего размера, нежели десять бирем. Клодий не пробыл на море и пяти дней, когда показался один такой флот. Пират окружил флотилию Клодия и захватил ее. Вместе с самим Публием Клодием, флотоводцем на час.

И погнали Клодия на базу на Кипре, недалеко от Пафоса, столицы и резиденции его регента, Птолемея Кипрского. Конечно, Клодий слышал историю о Цезаре и пиратах и считал ее блестящей. Ну если Цезарь мог проделать такое, то сможет и Публий Клодий! Начал он с того, что громко сообщил захватившим его пиратам, что его выкуп должен составлять десять

талантов, а не два, положенных по пиратскому прейскуранту для выкупа молодого аристократа. И пираты, которые знали об истории Цезаря больше, чем Клодий, торжественно согласились на выкуп в десять талантов.

– Кто будет платить за меня? – с важным видом поинтересовался Клодий.

– В этих водах – Птолемей Кипрский, – ответили ему.

Он попытался играть роль Цезаря, прохаживаясь по базе пиратов. Но ему не доставало убедительности. Его громкие бахвальства и угрозы выглядели нелепо и вызывали смех. Он знал, что пленившие Цезаря пираты тоже смеялись, но у него хватило ума понять, что этот сброд ему не верит. И это несмотря на то, что пираты знали: Цезарь все-таки выполнил свое обещание и распял разбойников. Поэтому Клодий быстро отказался от чужой тактики. Вместо этого он стал делать то, чего никто не умел вытворять лучше: он принялся привлекать на свою сторону простой люд и мутить воду. И без сомнения, это ему удалось бы, если бы пираты-главари – все десять – не узнали о происходящем. Они бросили Клодия в камеру и не пускали к нему никого, кроме крыс, которые старались украсть у узника хлеб и воду.

Захватили Клодия в начале секстилия, а уже на шестнадцатый день он оказался в тюрьме. И прожил в камере со своими компаньонами-крысами три месяца. Наконец его выпустили, но лишь потому, что метла Помпея неотвратно приближалась и пиратскому поселению оставалось только рассеяться. И еще Клодий узнал, что Птолемей Кипрский, услышав, в какую сумму Клодий оценил себя, весело засмеялся и послал только два таланта. Вот все, чего стоит Публий Клодий, сказал Птолемей Кипрский. И это все, что он, Птолемей, может заплатить за него.

При обычных обстоятельствах пираты убили бы Клодия, но Помпей и Метелл Непот были слишком близко, чтобы рисковать, совершая убийство. Среди пиратов прошел слух, будто плен не влечет за собой распятия и будто Помпей предпочитает быть милосердным. Так что когда флот пиратов и множество их приспешников покинули базу, Публия Клодия просто бросили. Через несколько дней один из флотов Метелла Непота проплывал мимо. Публия Клодия спасли и возвратили в Тарс, к Квинту Марцию Рексу.

Первое, что он сделал после того, как принял ванну и плотно поел, – вновь пополнил свой список: Катилина, Цицерон, Фабия, Лукулл, арабы – и Птолемей Кипрский. Рано или поздно все они будут грызть землю. И безразлично, когда это произойдет и сколько ему придется ждать. Мечь – это такая чудесная перспектива, что время не имеет значения. Единственное, что было важно для Клодия, – это произойдет. Обязательно.

Он нашел Квинта Марция Рекса в мрачном настроении. Но не из-за неудачи Клодия. Для Рекса это было личное поражение. Помпей и Метелл Непот совершенно затмили его. Они реквизировали его флот и оставили Рекса без дела в Тарсе. Война с пиратами почти закончилась, уцелевшие разбойники перебрались в другие места.

– Я понимаю, – сказал разгневанный Рекс Клодию, – что после того, как он прошелся по провинции Азия, он должен был явиться сюда, в Киликию. Проверить диспозиции, как он выразился.

– Помпей или Метелл Непот? – уточнил изумленный Клодий.

– Помпей, конечно! И поскольку его империй превышает мой даже в моей собственной провинции, мне придется следовать за ним с губкой в одной руке и с ночным горшком в другой!

– Да, перспектива, – протянул Клодий.

– Мне не нужна такая перспектива! – рявкнул Рекс. – Помпей не найдет меня в Киликии. Теперь, когда Тигран не может удержаться нигде юго-западнее Евфрата, я захвачу Сирию. Лукулл посадил на сирийский трон свою марионетку – Антиоха Азиатского, как тот себя называет! Увидим. Сирия находится на территории наместника Киликии. Значит, она будет моей.

– А можно мне с тобой? – тут же попросил Клодий.

– Почему бы и нет? – улыбнулся наместник. – В конце концов, это Аппий Клавдий произвел фурор, дойдя до исступления, пока ждал в Антиохии, когда его примет Тигран. Думаю, его младшего братца встретят более радушно.

Только когда Квинт Марций Рекс прибыл в Антиохию, Клодий понял, что у него появился шанс отомстить кому-то из его списка. Рекс говорил о захвате, но никакой борьбы не произошло. Марионетка Лукулла, Антиох Азиатский бежал, оставив Рекса решать, кто будет царем. И Рекс посадил на трон некоего Филиппа. В Сирии были беспорядки. В этом был повинен Лукулл. Он освободил много тысяч греков, и те ушли к себе домой. Но оказалось, что их дома уже заняты арабами, которых Тигран пригнал из пустыни. Он предоставил арабам рабочие места, освобожденные греками, которых насильно переселили в мидийскую Армению. Для Рекса не имело никакого значения, кто и чем владеет в Антиохии, Зевгме, Самосате, Дамаске. Но для его шурина Клодия это имело огромное значение. Арабы! Он ненавидел арабов!

И Клодий принялся за дело. С одной стороны, он стал нашептывать Рексу о вероломстве арабов, которые заняли дома греков, а с другой – начал наносить визиты всем недовольным влиятельным грекам, кого только мог найти и кто был лишен собственности. В Антиохии, в Зевгме, в Самосате, в Дамаске. Ни один араб не должен оставаться в цивилизованной Сирии, внушал он грекам. Пусть возвращаются в пустыню, на караванные пути, где им и место!

Это была очень успешная кампания. Вскоре во всех сточных канавах от Антиохии до Дамаска и в водах широкого Евфрата стали находить мертвых арабов – они плыли в своих необычных нарядах, пузырем стоявших над ними. Когда к Рексу в Антиохию явилась делегация арабов, разговаривал он с ними довольно резко. Нашептывания Клодия возымели успех.

– Вините царя Тиграна, – сказал Рекс. – Греки живут на плодородных землях Сирии уже шестьсот лет. А до этого там жили финикийцы. Вы – скениты с востока Евфрата, вы не с берегов Нашего моря. Царь Тигран ушел навсегда. В будущем Сирия будет принадлежать Риму.

– Мы это знаем, – сказал глава делегации, молодой араб-скенит, который назвал себя Абгаром. Рекс не знал, что это было не имя, а наследственный титул царя скенитов. – Мы просим только одного: чтобы новый хозяин Сирии отдал нам то, что стало нашим. Мы не просили, чтобы нас пригнали сюда, назначили сборщиками налогов по всему Евфрату или поселили в Дамаске. Нас тоже вырвали из наших родных мест, и наша участь еще хуже участи греков.

Квинт Марций Рекс слушал их с надменным видом:

– Не понимаю почему.

– Великий наместник, грекам жилось превосходно. К ним хорошо относились, им хорошо платили в Тигранокерте, в Нисибисе, в Амиде, в Сингаре – везде. Но мы пришли из суровой, бесплодной страны песков. У нас был единственный способ не замерзнуть по ночам – спать среди овец, согреваясь их телами, или перед дымящим костром, где горело старое колесо и сухой кизяк. Нас переселили двадцать лет назад. Теперь мы увидели, как растет трава. Мы каждый день едим вкусный пшеничный хлеб. Мы пьем чистую воду. Мы получаем удовольствие от купания. Мы спим на постелях, мы научились говорить по-гречески. Отправить нас обратно в пустыню – ненужная жестокость. Здесь, в Сирии, хватит всем и места, и средств к существованию! Позволь нам остаться – вот все, чего мы просим. И пусть те греки, которые преследуют нас, знают, что ты, великий наместник, не смиришься с варварством, недостойным любого человека, называющего себя греком, – произнес Абгар.

– Я действительно ничем не могу вам помочь, – равнодушно отозвался Рекс. – Я не отдавал приказов грузить вас всех на корабли и отправлять обратно в пустыню. Но я хочу, чтобы в Сирии наступил мир. Предлагаю вам найти самого яркого смутьяна-грека и начать переговоры.

Абгар и другие члены делегации последовали этому совету. Но сам Абгар не забыл двуличности римлян и их потворства истреблению его народа. Чем искать зачинщиков-греков, арабы прежде всего организовали отряды, защищающие их соплеменников, а потом постарались найти источник растущего недовольства среди греков. Ибо ходили слухи, что настоящий виновник всего – не грек, а римлянин.

Узнав, что это Публий Клодий, они также выяснили: этот молодой человек является шурином наместника, происходит из старейшего и влиятельного рода и состоит в родстве с победителем пиратов Гнеем Помпеем Магном. Поэтому его нельзя было просто убить. Сохранить подобный секрет можно в песках пустыни, но только не в Антиохии. Кто-нибудь вынюхает и все расскажет.

– Мы не будем его убивать, – решил Абгар. – Мы преподадим ему хороший урок.

Дальнейшие справки показали, что Публий Клодий был действительно очень странным римским аристократом. Он жил, оказывается, в обычном доме, среди трущоб Антиохии, и часто посещал такие места, которых римские аристократы обычно избегают. И это, конечно, делало его доступным. И Абгар нанес удар.

Связанного, с кляпом во рту, с завязанными глазами, Публия Клодия принесли в комнату без окон, без фресок или украшений. Эта комната ничем не отличалась от полумиллиона других таких же в Антиохии. Публий Клодий ничего не мог видеть, кроме краткого момента, когда с его глаз сняли повязку и вынули кляп изо рта, чтобы тут же надеть на голову мешок. Голые стены, смуглые руки – вот все, что ему удалось разглядеть, прежде чем наступила полная темнота. Сквозь грубую ткань мешка он сумел различить лишь смутные очертания людей, и ничего более.

Сердце его забилося чаще, чем у птицы. Его прошиб пот. Дыхание сделалось прерывистым, он стал задыхаться. Никогда в жизни Клодий не испытывал такого ужаса. Он был уверен, что его ожидает смерть. Но от чьих рук?

Он услышал голос. Говорили на греческом с арабским акцентом. И Клодий понял, что уж теперь-то он непременно умрет.

– Публий Клодий из благородной семьи Клавдия Пульхра, – проговорил голос, – мы очень хотели бы убить тебя, но понимаем, что это невозможно. Если ты после освобождения не будешь мстить нам за то, что сегодня произойдет, ты останешься жив. Если же ты все-таки попытаешься отыграться, мы поймем, что ничего не потеряем, убив тебя. И клянусь всеми нашими богами, что мы убьем тебя! Будь благоразумен и покинь Сирию, когда мы тебя освободим, и никогда сюда не возвращайся!

– Что вы сделаете? – смог выговорить Клодий, считая, что его ждет пытка или порка.

– Ну ясно, Публий Клодий, – ответил голос с явным удовольствием, – мы собираемся сделать тебя одним из нас. Мы сделаем из тебя араба!

Чьи-то руки приподняли подол его туники (в Антиохии Клодий не носил тогу, она была несовместима со стилем его жизни) и сняли с него набедренную повязку, которую римляне надевают, когда выходят из дому, одетые только в туники. Он сопротивлялся, ничего не понимая, но множество рук подняли его, уложили на что-то плоское и жесткое и стали держать за руки и за ноги.

– Не сопротивляйся, Публий Клодий, – весело сказал голос. – Не часто нашему жрецу приходится трудиться над таким большим, поэтому работать будет легко. Но если ты двинешься, он может отрезать больше, чем полагается.

Чужие пальцы взяли его пенис, вытянули его... Что происходит?! Сначала Клодий подумал о кастрации. От страха он обмочился и обгадился, вызвав хохот присутствующих. После этого он лежал неподвижно, но визжал, кричал, лепетал, выл. Где он, если им не приходится затыкать ему рот?

Они не кастрировали его, хотя то, что они проделали, было ужасно больно. Боль пронизывала его до самого кончика пениса.

– Вот и все, – сказал голос. – Ты хороший мальчик, Публий Клодий! Теперь ты навсегда – один из нас. У тебя быстро все заживет, если ты несколько дней не будешь совать свой фитиль во что-нибудь нехорошее.

На него опять надели набедренную повязку, испачканную экскрементами, поправили тунику – и Клодий выключился. Потом он так и не узнал, то ли его ударили по голове, то ли он сам потерял сознание.

Проснулся он в своем доме, на своей кровати, с больной головой и чем-то очень болезненным между ног. Эта боль была первым, что он ощутил, прежде чем вспомнить, что с ним произошло. Сразу забыв о боли, он вскочил с кровати и, ахнув от ужаса, опустил руку к пенису, чтобы проверить – вдруг там ничего больше нет? Казалось, все на месте, только что-то странное багрово блестело между засохшими полосками крови. Обычно он видел это во время эрекции. И даже сейчас еще не понял. Хотя он слышал об этой процедуре и знал, что только евреи и египтяне прибегают к ней, но прежде не видел ни одного еврея, ни одного египтянина. Очень медленно к нему приходило понимание. И когда Публий Клодий наконец понял, он заплакал. У арабов тоже это принято, раз они сказали, что теперь он – один из них. Они обрезали его, они отрезали ему крайнюю плоть!

Публий Клодий отплыл в Тарс. Море наконец было свободно от пиратов благодаря Помпею Магну. В Тарсе он сел на корабль, идущий к Родосу. Из Родоса он отправился в Афины. К тому времени у него так все великолепно зажило, что он вспоминал о том, что с ним сделали арабы, только когда мочился. Была осень, но Клодий преодолел все шторма Эгейского моря и сошел на землю в Афинах. Оттуда он поехал в Патры, потом в Тарент – и понял, что он почти дома. Он, обрезанный римлянин.

Путь по Аппиевой дороге переживался Клодием тяжелее всего, ибо он понял, насколько умно поступили с ним арабы. Он никому не посмеет показать свой пенис. Если кто-нибудь увидит это, позорная история сразу делается достоянием общественности и Клодий превратится в посмешище. И он никогда не сможет отрицать случившегося. Ему придется справлять нужду только в уединенных местах. А женщины?! Все это в прошлом. Никогда больше не сможет он развлекаться в объятиях женщины, если только не купит какую-нибудь незнакомку, не использует ее в темноте и в темноте же не выгонит вон.

В начале февраля Публий Клодий приехал домой – в дом старшего брата Аппия Клавдия на Палатине, который тот купил на деньги жены. Когда Клодий вошел, при виде его Аппий разрыдался, настолько тот выглядел усталым и повзрослевшим. Самый младший в семье возмужал, и, без сомнения, это далось ему нелегко. Естественно, Клодий тоже заплакал, так что прошло некоторое время, прежде чем он смог поведать брату о своих злоключениях. После трех лет на Востоке он возвратился еще беднее, чем был. Чтобы добраться до Рима, он вынужден был занять деньги у Квинта Марция Рекса, которому что-то очень не понравилось: то ли объяснение, то ли внезапный отъезд, то ли банкротство Клодия.

– У меня было так много всякого добра, – печалился Клодий, – двести тысяч наличными, драгоценности, золотая посуда, лошади, которых я мог бы продать в Риме за пятьдесят тысяч каждую, – и ничего этого нет! Все это украла кучка грязных, вонючих арабов!

Старший брат Аппий похлопал Клодия по плечу. Он был поражен количеством перечисленных трофеев. Он и половины этого не получил от Лукулла! Но конечно, Аппий ничего не знал об отношениях Клодия с фимбрийскими центурионами и о том, каким способом была приобретена большая часть Клодиева улова. Сам Аппий Клавдий теперь заседал в сенате, и жизнь его была свободна от забот – как дома, так и в политике. Его служба квестором в Брундизии и Таренте получила высокую оценку – хороший старт для большой карьеры, как он счи-

тал. У него имелась для Клодия грандиозная новость, которую он сообщил младшему брату тотчас, как только улеглись эмоции от встречи.

– Не печалься по поводу отсутствия денег, мой дорогой братец, – успокоил его Аппий Клавдий. – Больше ты никогда не будешь нуждаться.

– Не буду? Что ты хочешь сказать? – изумился Клодий.

– Ко мне приходили с предложением брака для тебя. И какого брака! За всю мою жизнь я и мечтать не мог о таком. Я бы даже и не посмотрел в том направлении, разве что Аполлон явился бы ко мне во сне. Но Аполлона не потребовалось. Публий, это чудесно! Невероятно!

Когда Клодий побелел от этой чудесной новости, Аппий Клавдий объяснил реакцию брата потрясением от такого счастья, но никак не ужасом.

– Кто? – смог выговорить Клодий. – И почему я?

– Фульвия! – крикнул Аппий. – Фульвия! Наследница Гракхов и Фульвиев, дочь Семпронии, единственного ребенка Гая Гракха, правнучка Корнелии, матери Гракхов, родственница Эмилиев, Корнелиев Сципионов!

– Фульвия? Я знаю ее? – спросил ошеломленный Клодий.

– Наверное, ты не замечал ее. Но она тебя заметила. Это случилось, когда ты обвинял в суде весталок. Тогда ей было не более десяти лет. А теперь ей восемнадцать.

– О боги! Семпрония и Фульвий Бамбалион – самая непохожая на других пара в Риме! Они могли выбрать любого. Но почему меня?

– Ты лучше поймешь, когда увидишь Фульвию, – ухмыльнулся Аппий Клавдий. – Недаром она – внучка Гая Гракха! Даже римский легион не сможет заставить Фульвию сделать то, чего она не хочет. Фульвия выбрала тебя сама.

– Кто унаследует все деньги? – спросил Клодий, начиная приходить в себя. К нему возвращалась надежда на то, что ему удастся сорвать эту изумительную сливу так, чтобы она упала прямо ему в рот. Ему, обрезанному...

– Фульвия – наследница всего. Состояние больше, чем у Марка Красса.

– Но *lex Voconia*... Женщина не может наследовать!

– Дорогой мой Публий, конечно может! – уверил Аппий Клавдий. – Корнелия, мать Гракхов, обеспечила для Семпронии сенаторское освобождение от *lex Voconia*, а Семпрония и Фульвий Бамбалион добыли такое же освобождение для Фульвии. Почему, ты думаешь, Гай Корнелий, плебейский трибун, так старался лишить сенат права освобождать некоторых граждан от исполнения законов? Больше всего он был недоволен тем, что Семпрония и Фульвий Бамбалион просили сенат разрешить Фульвии быть наследницей семейного имущества.

– Да? – переспросил Клодий, все больше поражаясь.

– Ну конечно! Ты же находился на Востоке, когда это происходило, и был слишком занят, чтобы обращать внимание на наш ничтожный Рим, – сказал Аппий Клавдий, глупо улыбаясь. – Это происходило два года назад.

– Значит, Фульвия – богатая наследница, – медленно проговорил Клодий.

– Да, Фульвия получает огромное состояние. А ты, дорогой братец, получаешь Фульвию!

Но сумеет ли он получить Фульвию? На следующее утро Клодий тщательно оделся, правильно задрапировал тогу, причесал волосы, чисто побрился и отправился в дом Семпронии и ее мужа, последнего члена той самой семьи Фульвиев, которая так горячо поддерживала Гая Семпрония Гракха. Когда пожилой управляющий проводил гостя в атрий, Клодий увидел не особенно большой или дорогой дом. Этот дом не был даже красивым. И располагался в нелучшей части Карин. Храм богини Теллус (выцветшее старое строение, которому милосердно позволено было разрушаться) заслонял от него вид на Авентинский холм, а инсулы Эсквилина находились всего через две улицы.

Марк Фульвий Бамбалион, как сообщил Клодию управляющий, нездоров. Его примет госпожа Семпрония. Хорошо зная поговорку, что все женщины похожи на своих матерей, Клодий почувствовал, что сердце его упало при виде знаменитой и неизвестной Семпронии, типичной представительницы рода Корнелиев, пухлой и домашней. Она родилась незадолго до самоубийства Гая Семпрония Гракха. Единственный выживший ребенок из той несчастной семьи, она была отдана в жены – как долг чести – единственному выжившему ребенку Фульвиев, союзников Гая Гракха, ибо в результате той напрасной революции те потеряли все. Семпрония и Фульвий поженились во время четвертого консульства Гая Мария, и, пока Фульвий (который предпочел взять новое прозвище Бамбалион – «Заика») старался сколотить новое состояние, его жена старалась сделаться как можно незаметнее. И в этом она настолько преуспела, что ее не смогла заметить даже Юнона Люцина, поэтому она оставалась бесплодной. Но на тридцать девятом году Семпрония посетила луперкалии. И ей повезло. До нее дотронулись куском свежесодранной козлиной шкуры, когда жрецы коллегии танцевали и бегали голые по городу. Это было верное средство от бесплодия. Исцелило оно и Семпронию. Через девять месяцев она родила Фульвию, своего единственного ребенка.

– Публий Клодий, добро пожаловать, – приветствовала она посетителя, указывая тому на кресло.

– Госпожа Семпрония, это большая честь для меня, – отозвался Клодий, стараясь показать себя с лучшей стороны.

– Думаю, Аппий Клавдий уже сообщил тебе новость? – спросила будущая теща с совершенно непроницаемым лицом, оценивая Клодия.

– Да.

– Ты хочешь жениться на моей дочери?

– Об этом я и мечтать не смел.

– О чем? О деньгах или о браке?

– И о том, и о другом, – признал он, решив, что не стоит лукавить: Семпронии было известно, что он никогда не видел ее дочери.

Она кивнула, довольная его ответом.

– Это, конечно, не тот брак, который я выбрала бы для нее, да и Марк Фульвий не в восторге, – вздохнула Семпрония, пожав плечами. – Однако Фульвия недаром внучка Гая Гракха. Во мне нет той твердости, которой обладали все Гракхи. Муж мой тоже не унаследовал подобного качества от Фульвиев. И это, наверное, разгневало богов. Поэтому Фульвия взяла себе все то, чего не досталось нам с мужем. Я не знаю, почему она вдруг заинтересовалась тобой, Публий Клодий, но это так. И произошло это восемь лет назад. Именно тогда она приняла решение выйти замуж только за тебя, и больше ни за кого. И до сих пор своего решения не изменила. Ни Марк Фульвий, ни я не можем с ней справиться. Она сильнее нас. Если ты возьмешь ее, она – твоя.

– Конечно, он возьмет меня! – проговорил молодой голос с порога, выходящего в сад перистилия.

Вошла Фульвия. Вернее, не вошла, а вбежала. Это было в ее характере. Она просто бросалась на то, чего хотела, не тратя времени на раздумья.

К удивлению Клодия, Семпрония немедленно встала и ушла. Оставила дочь наедине с ним? Насколько же твердый характер был у Фульвии?

Клодий не мог выговорить ни слова. Он только смотрел. Фульвия была красавицей! Глаза – синие, волосы странно пестрые, бледно-каштановые, рот красиво очерчен, нос орлиный. Девушка была почти одинакового с ним роста, с пышной фигурой. Необычная. Совсем не такая, как все. В знаменитых семьях Рима таких не попадалось. Откуда она появилась? Конечно, он знал историю о посещении луперкалий ее матерью и теперь подумал, что Фульвия – гостья из иного мира.

– Ну и что ты скажешь? – строго спросило это необычное существо, усаживаясь в кресло, в котором только что сидела мать.

– У меня перехватило дыхание.

Ответ ей понравился. Она улыбнулась, обнажив прекрасные зубы, крупные, белые и сильные.

– Это хорошо.

– Почему я, Фульвия? – спросил Клодий, сосредоточившись на главной трудности, на своем обрезании.

– Ты – необычный человек, – объяснила она, – и я тоже. Ты живешь чувствами. Я – тоже. Ты все воспринимаешь так, как воспринимал мой дед Гай Гракх. Я боготворю своих предков! И когда я увидела тебя в суде, как ты сражался против значительно превосходящих тебя сил, против Пупия Пизона, Цицерона и других, насмехавшихся над тобой, мне хотелось их всех убить! Да, мне было только десять лет, но я знала, что нашла своего Гая Гракха.

Клодий никогда не сравнивал себя с одним из братьев Гракхов, но Фульвия только что уронила в землю интересное зерно. А что, если он изберет сходную карьеру – аристократ-демагог, выступающий в защиту неимущих? Разве это не в точности будет соответствовать тому, чем он занимался до сих пор? Для него это будет легко, ибо у него имеется талант ладить с беднотой – талант, которого не было у Гракхов!

– Ради тебя я попробую, – сказал он и очаровательно улыбнулся.

У нее перехватило дыхание. Но затем она холодно сказала:

– Я очень ревнива, Публий Клодий. И поэтому со мной тебе будет трудно. Если ты хоть помотришь на другую женщину, я выцарапаю тебе глаза.

– Я не смогу смотреть на других женщин, – серьезно отозвался он, переходя от комедии к трагедии быстрее, чем актер успевает сменить маски. – На самом деле, Фульвия, может получиться так, что, когда ты узнаешь мою тайну, ты сама не захочешь смотреть на меня.

Она несколько не смутилась. Наоборот, это ее заинтересовало. Она даже подалась вперед:

– Твою тайну?

– Мою тайну. И это действительно тайна. Я не потребую от тебя клятвы хранить ее, потому что существуют только два типа женщин: те, кто клянется, а потом все выбалтывает, и те, кто сохраняет тайну, не давая клятвы. Ты, Фульвия, к какому типу женщин принадлежишь?

– Это зависит от тайны, – ответила она, чуть улыбнувшись. – Думаю, я – и та и другая. Поэтому я не буду клясться. Но, Публий Клодий, я умею быть верной. Если твоя тайна не уронит тебя в моих глазах, я сохраню ее. Я сама выбрала тебя в мужа и останусь верна тебе. Я умру за тебя.

– Не умирай за меня, Фульвия, лучше живи для меня! – крикнул мгновенно влюбившийся Клодий.

– Расскажи мне! – живо потребовала она.

– Пока я был в Сирии с моим зятем Рексом, – начал Клодий, – меня похитили арабы-скениты. Ты знаешь, кто они?

– Нет.

– Это народ из азиатской пустыни. Они захватили все, чем владели греки в Сирии до того, как Тигран переселил греков в Армению. Когда эти греки возвратились домой после падения Тиграна, то оказались разоренными, без работы, без жилья. Арабы-скениты владели всем. Я понял, что это ужасно. Поэтому я стал действовать. Я добивался, чтобы греков восстановили в правах, а арабов возвратили в пустыню.

– Конечно, – кивнула она. – Это у тебя в характере – бороться за права обездоленных.

– В ответ на это, – с горечью продолжал Клодий, – арабы похитили меня и подвергли такому, чего не может вынести ни один римлянин. Такому позорному и нелепому наказанию, что... Если бы это стало известно, я бы не смог больше жить в Риме.

Пока Фульвия обдумывала возможные варианты Клодиева несчастья, в пристальном взгляде синих глаз одна мысль обгоняла другую.

– Что же они могли сделать? – спросила она, совершенно сбита с толку. – Не изнасилование, не гомосексуализм, не скотоложество... Все эти вещи можно было бы понять и простить.

– Откуда ты знаешь о гомосексуализме, о скотоложестве?

– Я знаю все, Публий Клодий, – самодовольно похвасталась она.

– Нет. Ни то, ни другое, ни третье. Они меня обрезали.

– Что они сделали?!

– Значит, ты знаешь не все.

– Во всяком случае, не это слово. Что оно значит?

– Они отрезали мою крайнюю плоть.

– Твою – что? – переспросила она, обнаруживая глубину своего невежества.

Клодий вздохнул:

– Для римских девственниц было бы лучше, если бы настенная живопись изображала не только Приапа. Ведь эрекция у мужчин не постоянна.

– Это я знаю!

– Но вот чего ты, кажется, не знаешь: когда эрекции нет, утолщение на конце пениса покрыто кожной складкой, которая называется крайней плотью, – принялся объяснять Клодий, обливаясь потом. – Некоторые народы эту плоть обрезают, оставляя утолщение на конце пениса постоянно обнаженным. Такая процедура называется обрезанием. Это делают евреи и египтяне. Оказалось, что и у арабов это принято. Вот что они сделали со мной. Они поставили на мне клеймо изгоя, неримлянина.

На ее лице отражалась буря эмоций.

– О-о, мой бедный, бедный Клодий! – воскликнула она и смочила губы кончиком языка. – Дай мне посмотреть!

Сама мысль об этом заставила его возбудиться. Клодий вдруг обнаружил, что обрезание не означает импотенцию (судя по постоянной вялости, он считал, что именно такая судьба ждет его после Антиохии). К тому же он обнаружил, что обладает некоторой скромностью.

– Нет, ты никак не можешь посмотреть! – поспешно воскликнул он.

Но Фульвия уже стояла на коленях перед его креслом и раздвигала складки тоги, а потом потянула вверх тунику. Подняла голову, посмотрела на него. В ее взгляде плясали и озорство, и восхищение, и разочарование. Потом она показала рукой на бронзовую лампу, сделанную в форме огромного пениса, из которого высовывался фитиль.

– Ты похож на него, – сказала она и хихикнула. – Я хочу, чтобы он опустился.

Клодий вскочил с кресла, привел в порядок одежду, в панике глядя на дверь: вдруг вернется Семпрония? Но та не пришла. Казалось, никто больше не видел, как дочь хозяев инспектирует то, что должно будет принадлежать ей.

– Чтобы увидеть, как он опустится, ты должна выйти за меня замуж, – сказал он.

– О дорогой мой Публий Клодий, конечно я выйду за тебя! – воскликнула она, поднимаясь. – Твоя тайна останется тайной. Если это действительно такой позор, ты никогда не сможешь посмотреть на другую женщину, да?

– Я весь твой, – сказал Публий Клодий, вытирая слезы. – Я обожаю тебя, Фульвия! Я боготворю землю, по которой ты ступаешь!

Клодий и Фульвия поженились в конце квинтилия, после выборов. Выборы не обошлись без сюрпризов, начиная с того, что Катилина выдвинул свою кандидатуру на должность кон-

сула на будущий год *in absentia*. Но хотя Катилина задерживался в своей провинции, остальные чиновники из Африки постарались прибыть в Рим до выборов. Не было никаких сомнений, что во время наместничества Катилины в Африке коррупция расцвела пышным цветом. Африканские землевладельцы, приехавшие в Рим, не делали секрета из того, что собираются обвинить Катилину в вымогательстве, едва только тот вернется. Поэтому консул, наблюдавший за курульными выборами, Волькаций Тулл, благоразумно отказался зарегистрировать кандидатуру Катилины на том основании, что его собираются обвинить.

Затем разразился еще более крупный скандал. Оказалось, что победившие на выборах новые консулы, Публий Сулла и его близкий друг Публий Автроний, добились победы огромными взятками. Закон о взятках в интерпретации Гая Пизона был, конечно, дырявым сосудом, но улики против Публия Суллы и Автрония были настолько неопровержимы, что ничто не могло их спасти. Они быстро признали свою вину и предложили заключить сделку с консулами этого года и с будущими консулами, Луцием Коттой и Луцием Манлием Торкватом. В результате столь тонкого хода обвинения были сняты – в ответ на огромные штрафы и клятву, принесенную обоими, что никто из них никогда снова не будет претендовать на общественную должность. То, что им удалось избежать серьезного наказания, объяснялось оговоркой в законе Гая Пизона о взятках, предусматривающей подобную меру. Луций Котта, который жаждал суда, разозлился, когда трое его коллег проголосовали за то, чтобы подлецы могли сохранить и гражданство, и право жить в Риме, а также большую часть своих огромных состояний.

Все это никоим образом не волновало Клодия, чьей мишенью оставался, как и восемь лет назад, Катилина. Поняв, что наконец-то у него появился шанс отомстить, Клодий убедил африканских истцов назначить его обвинителем Катилины. Замечательно, чудесно! Возмездие настигнет Катилину как раз тогда, когда он, Клодий, женился на самой пленительной девушке в мире! Обе награды сразу – за все беды, что его постигли. К тому же Фульвия оказалась его горячей сторонницей и помощницей, а не просто скромной женой-домохозяйкой, вроде тех женщин, которых предпочитают обыкновенные мужчины.

Сначала Клодий как безумный собирал улики и свидетелей. Но процесс Катилины был одним из тех сводящих с ума дел, в которых ничто не делается быстро, от сбора улик до поиска свидетелей. Поездка в Утику или Гадрумет заняла два месяца. К тому же потребовалось несколько раз съездить в Африку. Клодий раздражался, он приходил в ярость, пока наконец Фульвия не сказала:

– Подумай немного, дорогой Публий. Почему бы не потянуть это дело подольше? Если его не закончить к следующему квинтилию, то Катилине не разрешат выставить свою кандидатуру на консульскую должность второй год подряд. Ведь так?

Клодий сразу увидел смысл в этом совете и замедлил темп. Он добьется осуждения Катилины, но прежде, чем это произойдет, еще не один раз взойдет на небе полная луна! Блестяще! И у него появилось время подумать о Лукулле, чья карьера заканчивалась крахом. С помощью *lex Manilia* Лукулл был лишен командования в войне против Митридата и Тиграна. Теперь командующим стал Помпей. Он и Лукулл встретились в Данале, дальней галатийской цитадели, и так крепко поссорились, что Помпей (который до этого не хотел давить на Лукулла своим *imperium maius*) официально издал декрет, объявляющий действия Лукулла незаконными, а потом изгнал его из Азии. После этого Помпей завербовал фимбрийцев. Хотя фимбрийцы могли наконец возвратиться домой, они посчитали, что им неплохо бы послужить в легионах Помпея.

Изгнанный при крайне унижительных обстоятельствах, Лукулл сразу отправился в Рим и остановился на Марсовом поле ждать триумфа, на который, он был уверен, сенат даст согласие. Но плебейский трибун Гай Меммий, сторонник Помпея и его племянник, сказал сенаторам, что, если они дадут согласие на триумф, он внесет в плебейское собрание законопроект, лишаящий Лукулла триумфа. Сенат, сказал Меммий, не имеет законного права жаловать

подобные привилегии. Катул, Гортензий и остальные *boni* сражались с Меммием не на жизнь, а на смерть, но не получили достаточной поддержки. Большинство в сенате держалось того мнения, что право разрешать триумф важнее Лукулла. Так зачем же из-за Лукулла вынуждать Меммия создавать ненужный прецедент?

Лукулл не сдавался. Каждый раз, когда сенат собирался на заседание, он обращался с просьбой о триумфе. Его любимый брат Варрон Лукулл также конфликтовал с Меммием, который хотел обвинить его в казнокрадстве, совершенном много лет назад. Из всего этого можно было сделать вывод, что Помпей стал злейшим врагом обоих Лукуллов, а заодно и партии *boni*. Когда Помпей и Лукулл встретились в Данале, Лукулл обвинил его в желании приписать себе победу, которую фактически одержал он, Лукулл. Этим он нанес смертельное оскорбление Помпею. Что касается *boni*, они продолжали категорически возражать против специальных назначений для Великого Человека.

Можно было ожидать, что жена Лукулла, Клодилла, навестит мужа на его дорогой вилле на Пинции, за чертой померия, но она не пришла. В двадцать пять лет Клодилла стала женщиной, умудренной жизненным опытом. Она распоряжалась состоянием Лукулла, и никто, кроме старшего брата Аппия, не контролировал ее действий. У нее было много любовников и довольно сомнительная репутация.

Через два месяца после возвращения Лукулла Публий Клодий и Фульвия посетили ее, однако отнюдь не с намерением уладить ее отношения с мужем. Наоборот (Фульвия жадно слушала), Клодий пересказал своей младшей сестре то, что говорил Лукуллу в Нисибисе: что он, Клодия и Клодилла не просто спали вместе. Клодилла назвала это грандиозной шуткой.

– Ты хочешь, чтобы он вернулся? – спросил Клодий.

– Кто? Лукулл? – Большие черные глаза сестры гневно сверкнули. – Нет, я не хочу, чтобы он возвращался! Он – старик. Он уже был стариком, когда женился на мне десять лет назад. Он вынужден был прибегать к помощи шпанских мух, чтобы у него что-то шевельнулось!

– Тогда почему бы тебе не пойти на Пинций и не сообщить ему, что ты с ним разводишься? – спокойно сказал Клодий. – Если захочешь отомстить, подтверди то, что я сказал ему в Нисибисе, хотя он может обнародовать сказанное и тебе тяжело будет перенести это. Я готов принять свою долю возмущения, и Клодия тоже. Но мы пойдем, если ты не готова к этому.

– Не готова? – взвизгнула Клодилла. – Да я мечтаю об этом! Пусть он распространит эту выдумку! Нам только останется отрицать все со слезами и протестами, выкрикивая, что мы невиновны. Люди не будут знать, кому верить. Твои отношения с Лукуллом ни для кого не тайна. Его сторонники примут его версию. Многие будут колебаться. А наши сторонники, такие как брат Аппий, сочтут нас в высшей степени оскорбленными.

– Прояви инициативу и разойдись с ним, – сказал Клодий. – Даже если он и сам разведется с тобой, он не сможет лишить тебя изрядной доли своего состояния. У тебя ведь нет приданого для отступного.

– Как умно, – промурлыкала Клодилла.

– Ты сможешь снова выйти замуж, – добавила Фульвия.

Смуглое, очаровательное лицо ее золовки исказилось, стало злым.

– Только не я! – резко возразила она. – Я и одним мужем наелась! Я хочу сама управлять своей судьбой, благодарю покорно. Так хорошо было, когда Лукулл торчал на Востоке. За его счет я нажила себе довольно приличное состояние. Но мне нравится идея подать на развод первой. Брат Аппий может договориться так, чтобы Лукулл обеспечил меня до конца моих дней.

Фульвия радостно захихикала:

– Рим встанет на уши!

И действительно, Рим встал на уши. Хотя Клодилла развелась с Лукуллом, он затем и сам публично развелся с ней, заставив одного из своих старших клиентов зачитать с ростры

его официальное заявление. Лукулл объявлял, что разводится с ней не только потому, что во время его отсутствия Клодилла прелюбодействовала со многими мужчинами. У нее еще были кровосмесительные отношения с братом Публием Клодием и сестрой Клодией.

Естественно, большинство хотело верить этому, главным образом потому, что это выглядело так пикантно, но еще и потому, что Клавдии-Клодии Пульхры – такие странные, такие непредсказуемые и сумасбродные. И такими они оставались уже несколько поколений! Патриции, ничего не скажешь.

Бедный Аппий Клавдий очень переживал, но у него хватило ума не лезть в драку. Он предпочел расхаживать по Форуму, показывая всем своим видом, что готов говорить о чем угодно, только не об инцесте, и люди понимали намек. Рекс остался на Востоке как один из старших легатов Помпея, а Клавдия, его жена, вела себя так же, как Аппий. Средний из троих братьев, Гай Клавдий, был туповат для представителя семейства Клавдиев, поэтому умники с Форума не считали его достойной мишенью. К счастью, муж Клодии, Целер, тоже в это время служил на Востоке, равно как и его брат Непот. Они чувствовали бы себя еще хуже, задавали бы трудные вопросы. В результате все трое виновных ходили с невинным видом, негодующие, а дома катались по полу от хохота. Какой великолепный скандал!

Но последнее слово осталось за Цицероном.

– Инцест, – серьезно сказал он, обращаясь к большой толпе завсегдатаев Форума, – это игра, в которую можно играть всей семьей.

Когда наконец суд над Катилиной начался, Клодию пришлось сожалеть о своей спешке, ибо большинство присяжных смотрели на него косо и позволили своим сомнениям отразиться на приговоре. Это была упорная и ожесточенная борьба, которую Клодий вел со знанием дела. Он серьезно отнесся к совету Цицерона насчет неприкрытой предвзятости и злости и обвинял умело. То обстоятельство, что он проиграл, а Катилину оправдали, не могло быть объяснено взятками, и он знал достаточно, чтобы не подозревать подкупа, когда огласили оправдательный приговор. Просто жребий так выпал. К тому же у Катилины была отличная защита.

– Ты все делал правильно, Клодий, – сказал ему потом Цезарь. – Не твоя вина, что ты проиграл. Даже *tribuni aerarii* в этом жюри были настолько консервативны, что заставили и Катуту выглядеть радикалом. – Он пожал плечами. – Ты не мог победить с Торкватом в качестве главного защитника, да еще после слухов о том, что Катилина планировал убить его в первый день прошлого нового года... Чтобы защитить Катилину, Торквату достаточно было объявить, что он не верит слухам, и это произвело впечатление на жюри. И все равно ты действовал правильно. Ты представил хорошо выстроенное обвинение.

Публию Клодию нравился Цезарь. Он признавал в нем тот же беспокойный дух и завидовал его самоконтролю, которым, к сожалению, не обладал. Когда огласили вердикт, Клодий был готов кричать, выть, плакать. Потом увидел Цезаря и Цицерона, стоявших рядом и наблюдавших за ним, и что-то в выражении их лиц остановило Клодия. Он возьмет реванш, только не сегодня. Если он будет вести себя как проигравший, это будет на руку Катилине.

– По крайней мере, слишком поздно для него баллотироваться на должность консула, – сказал Клодий Цезарю, вздохнув, – и это в некотором роде победа.

– Да, ему придется ждать следующего года.

Они шли по Священной дороге в сторону гостиницы на углу спуска Урбия, где возвышалась внушительная арка Фабия Аллоброгика. Цезарь отправлялся домой, Клодий – к гостинице, где жили его клиенты из Африки.

– В Тигранокерте я встретил твоего друга, – сказал Клодий.

– О боги, кто бы это мог быть?

– Центурион по имени Марк Силий.

– Силий? Силий из Митилены? Фимбриец?

– Именно. Он в восторге от тебя.

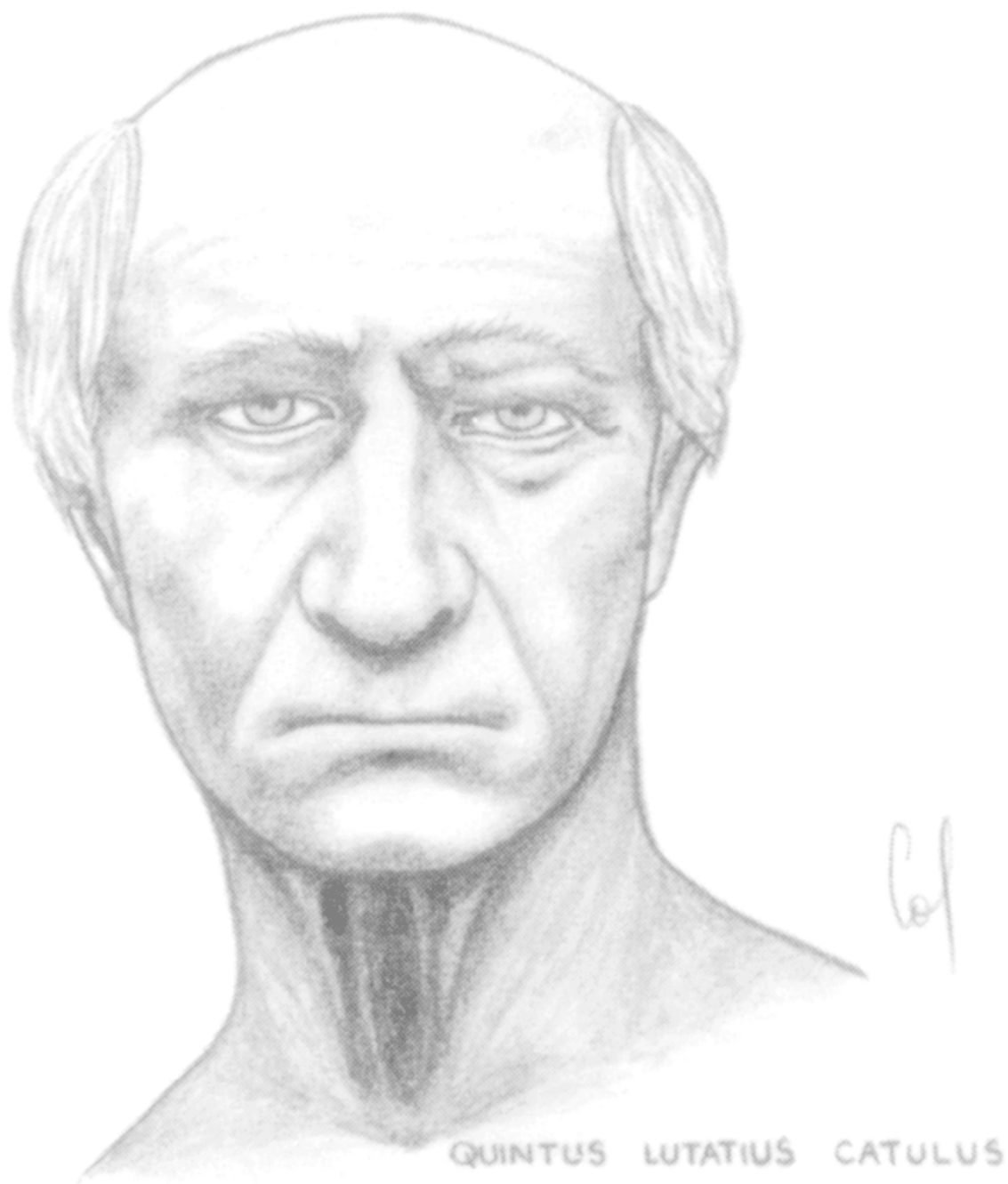
– Это взаимно. Он хороший человек. По крайней мере, теперь он может вернуться домой.

– Оказывается, нет, Цезарь. Я недавно получил от него письмо из Галатии. Фимбрийцы решили послужить еще с Помпеем.

– Удивительно. Эти старые вояки все плакали о доме, но, как только подвернулась интересная кампания, дом утратил свою притягательную силу. – Цезарь с улыбкой протянул руку своему спутнику. – *Ave*, Публий Клодий. Я буду с интересом следить за твоей карьерой.

Клодий некоторое время постоял возле гостиницы, устремив невидящий взгляд куда-то вдаль. Когда он наконец вошел, то выглядел словно глава собственной школы – честный, благородный, неподкупный.

Часть III
Январь 65 г. до Р. Х. – квинтилий (июль) 63 г. до Р. Х.

Марк Лициний Красс теперь был так богат, что ему присвоили второе прозвище – Дивес, что значит «Сказочно богатый». И когда его вместе с Квинтом Лутацием Катулом выбрали цензором, в его карьере было уже все, кроме большой и славной военной кампании. О да, он победил Спартака и заслужил за это овацию, но шесть месяцев сражений против полководца-гладиатора, в чьей армии было много рабов, лишили его победу блеска. Он страстно

желал совершить нечто грандиозное – на манер Помпея Великого, спасителя отечества. Победить в такой же кампании. Заслужить такую же репутацию. Больно, когда тебя затмевает выскочка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.